

А если

снова

с чистого

листа

Евгения Черноусова

Евгения Черноусова

А если снова с чистого листа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68687841

SelfPub; 2022

Аннотация

Каждая женщина на определённом этапе жизни мечтает о принце, но чаще тот, кого она приняла за него, оказывается просто попутчиком, да ещё желающим проехаться на халяву. И в результате она превращается в лошадь, несущую этого жирного жокея. Лично она в первом браке стала лошадью даже не верховой, а ломовой. А можно ли перечеркнуть прошлое, сбежать от проблем и начать жизнь сначала?

Содержание

Глава первая. РАЗВОД БЕЗ ДЕВИЧЬЕЙ ФАМИЛИИ, ЗАМУЖЕСТВО С ПРИКЛЮЧЕНИЯМИ	4
Глава вторая. БОГАДЕЛЬНЯ КАК ИТОГ ЖИЗНИ	38
Глава третья. ОТ ПОМИНОК ДО КРЕСТИН	63
Глава четвёртая. ОТ ОСОБНЯКА ДО БИЗНЕС- ЦЕНТРА	96
Глава пятая. УСАДЬБА	131
Глава шестая. ВСЁ НА ПРОДАЖУ	159
Глава седьмая. ИНСАЙДЕРСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ	195
Глава восьмая. ПОТРЕПАННЫЕ ЖЕНИХИ, ПЕРЕЗРЕЛЫЕ НЕВЕСТЫ	230

Евгения Черноусова

А если снова с чистого листа

Глава первая. РАЗВОД БЕЗ ДЕВИЧЬЕЙ ФАМИЛИИ, ЗАМУЖЕСТВО С ПРИКЛЮЧЕНИЯМИ

Утром Альбина проснулась от визгливого бабьего смеха, шёпота мужа и хлопка входной двери. «Покончить с собой, что ли», – подумалось. А потом села на кровати, пощупала своё стянутое от отёков лицо и решила: всё! Кончилось её терпение! Надо как той лягушке сначала побарахтаться, а потом, если масло не собьётся, тогда уж в небытие погрузаться.

Вышла в коридор, босиком прошлёпала до кабинета Артура. Толкнула дверь. Как ни странно, она была не заперта. Это что-то исключительное, в последние полгода Альбина такого случая не припомнит. А случаем надо воспользоваться.

Ого, мало того, что кабинет открыт, так ещё и сейф распахнут. Понятно, коллекцией своей хвастался. А деньги? От налички, что была полгода назад, едва ли четверть осталась. Ясно, всё на гулянки спустил. Кровь в голову ударила. Альбина схватила зелёный пакет с кроссовками, вывалила их на пол, подцепила пакетом деньги, прихватила ещё коробку с самыми ценными квадрамами, связала ручки пакета узлом и выкинула его в окно.

Вышла в коридор. От спешки затошнило. Едва добежала до туалета. В обнимку с белым другом провела несколько тягостных минут. С трудом поднялась потом, протянула руку, чтобы спустить воду, но слишком резко это сделала. И... всё...

Что-то вонзилось в нос. Зловоние какое-то... а, понятно, нашатырь. С трудом раскрыла глаза. Над ней какая-то женщина в синей пижаме. Так, понятно, Артур скорую помощь вызвал. Да нет, не Артур, в туалет мужик в чёрной форме заглядывает. Значит, Артур полицию вызвал, а уже полиция медиков позвала.

– Женщина, я вас не вытасчу, вставайте сами, – недовольно говорит медичка.

– А мне и здесь неплохо, – с трудом разлепила губы Альбина. – Вот, всё под рукой, – тут её снова накрыла волна тошноты, и она обняла сиденье унитаза.

– Вы много выпили?

– Что? То есть вы решили, что я после пьянки? Да, у нас в

доме вчера гости были. Но это у мужа. Я с ними не сидела, и не то что не пила, а даже и не ела. Можете кровь на алкоголь взять.

– Да ладно!

– А вот хамить не надо! Делайте тест, а потом извиняться будете.

Ей полицейский протянул какую-то трубочку и заставил в неё подышать. Пошептались, потом медичка сказала:

– Ох, простите бога ради! Давайте я помогу вам подняться.

– Да бросьте! Распахните дверь, я выползу сама.

И выползла. На четвереньках, да ещё задом. В коридоре прямо на полу ей померили давление.

– Восемьдесят на сорок – это ж такое обычно на операционном столе бывает, – пробормотала Альбина всё ещё онемевшим языком. – А у меня гипертония. И что полиция тут? Убили кого? Это не я, я только Смирнова убить готова, но его голос я слышу, бр-р, противный какой, как скрип сухого дерева!

Медичка хихикнула. Потом полицейский сказал, что в доме пропало нечто ценное.

– Ценное? Бранзулетки мои у мужа в сейфе... что там ещё... деньги! Там же налички на Крузер!

– Нет, извините, он сказал, что там было около полутора миллионов.

– О, господи! А остальные где?

– Аль, тебе приснилось...

Когда Альбину довели до спальни, её аж пошатнуло:

– Что? Что здесь искали грабители?

– Это не грабители, это ваш муж.

– То есть этот придурок, прежде чем подумать на гостей, обвинил в краже меня? Тогда я могу предположить, что он заранее спрятал самое ценное, чтобы при разводе не делиться. И моя версия куда как реальнее!

– Ты!

– Пошёл отсюда нафиг, Смирнов! А может, ты меня отравил, чтобы не делить бизнес?

Прибежала Лариса, проектировщица и одна из Артуркиных подстилок.

– Альбина Васильевна, не волнуйтесь вы так...

– Пожалуйста, перечислите тех, кто был у вас в гостях, – перебил её полицейский.

– Восемь человек, Смирнов перечислит. На ночь оставалась только Верочка, – не дала мужу ответить Альбина.

«Какая Верочка?» и «Неправда!» прозвучало из уст Ларисы и Артура одновременно. Обоим сразу Альбина и ответила:

– Лариса, ты всерьёз думаешь, что когда ты не с ним, он к жене под бочок лезет или один спит? Верочкин парень сейчас на сессии, так что Смирнов не в простое. Артур, не будь идиотом, отрицая очевидное. Сейчас полиция пройдёт по соседям, снимая записи камер. По времени я после потери

сознания могу путаться, но поплелась я в туалет сразу после того, как они вышли из кабинета, и хлопнула входная дверь. Видеть я её, конечно, не могла, но смех её визгливый, Лариса подтвердит, ни с чьим не спутаешь. Всё, оставьте меня наедине с медиками, если спальня моя обыскана, и украденного у меня не обнаружено.

– Вы извините, но всё, что я могу, я уже сделала, – сказала медичка, когда они остались наедине. – Я пишу «гипертонический криз», но что его вызвало, надо выяснять. Почки надо проверять, к гинекологу обязательно. Сахар, опять же, вес-то у вас вон какой. Возраст у вас тоже... не обижайтесь.

– Переходный, – кивнула Альбина. – С этого на тот свет.

Медичка нервно хихикнула:

– Мне и самой сорок четыре, немногим вас старше. И приливы, и давление тоже скачет. Берегите себя! А к гинекологу обязательно!

На следующий день Альбина отправилась в поликлинику. Завтракать не стала, предполагая, что придётся сдавать анализы. Но на кухню перед выходом зашла, собираясь вынести объедки лохматому чёрному псу, очень деликатно подбирающемуся на их улице. За два дня, что она не вставала, вся кухня провоняла от объедков и грязной посуды. Но почему-то на этот раз беспорядок её никак не задел. Поглядела на любимые тарелки с бледно-голубыми цветочками, к которым присохло пюре, забродившие салаты с окурками в них и подумала: от работы муж её отстранил, так что, ей теперь

судомойкой век доживать? Сгребла мясные и хлебные объедки, добавила к ним кости из позавчерашнего супа: будет у лохматого праздник живота!

Была мысль вызвать такси, но вечная бережливость заставила повернуть к остановке. Что-то шевельнулось в буйной траве заброшенного в этом году палисадника. Ой-ёй, лохматый трепал вчерашний зелёный пакет. Альбина присела на корточки и приманила пса самой большой костью. Схватила ценный пакет, засунула его в другой, с зонтом и кофтой, вытряхнув при этом пакет с объедками, и пошла через дорогу к контейнерам. Пёс трусил сзади, сжимая зубами кость. Она положила пакет около контейнера, раскрыв его. Пёс лёг, хозяйски положив лапу на угощение, и захрустел костью.

По дороге Альбина зашла на почту, где у них был абонентский ящик. Присела рядом, повесив сумки на спинку стула и придвинув ногой поближе к себе мусорную корзину. Рекламу сбрасывала сразу в неё, письма просматривала. Кто-то подошёл сзади, поздоровался. Альбина оглянулась. Вчерашний полицейский. Он довольно неудачно сыграл в случайную встречу, скосив глаза в открытую ячейку, и тем навёл её на мысль оставить свёрток в ней.

Разговор с терапевтом шёл по той же схеме, что и с фельдшером скорой помощи. Сдав некоторые анализы, Альбина двинулась к дому, но по дороге внезапно вспомнила некоторые пункты этой схемы и свернула к аптеке.

Даже не подумав зайти на кухню, она поднялась в свою

спальню и, не раздеваясь, легла. Передохнув, поплелась в туалет. Через некоторое время вышла из него с совершенно ошарашенным лицом и положительным тестом в кармане халата.

Вот скажите, как? Как можно было до тридцати двух фанатично предохраняться, чтобы не «плодить нищету» по выражению Артура, а потом несколько лет так же фанатично стараться забеременеть, а в последние годы пытаться хотя бы немного сбавить из тех ста двадцати килограммов, что набрались от всех этих стрессов и гормонов, чтобы потом залететь на пятом десятке от постороннего мужика с первого раза... да что там, скорее даже не раза, а так... неудачной попытки?

Она легла, бездумно уставившись в потолок. Сколько так лежала, неизвестно, но очнулась от тяжёлых шагов Артура. Вот он, бык-осеменитель с пустыми яйцами! Столько баб, а ведь никогда никто ей левого ребёнка не предъявил. Левых баб – сколько угодно. И в глаза говорили, и писали, и фото-видео присылали. Она гормоны колола, а он, небось, насмехался в душе. Пока они вкалывали, у них были нормальные отношения. А когда договорились о ребёнке, в его глазах появился холод, а со временем и ненависть. Эти его бьющие наотмашь слова о бабе-пустоцвете, брезгливость во взгляде на её бесформенную тушу... сволочь!

Артур заглянул в спальню:

– Так и будешь лежать?

– А, на спине? Нет, сейчас на бок перевернуть.

Он выругался и закрыл дверь. Супруги Смирновы никогда не скандалили. Он мог оскорбить, она никогда не начинала первой, но отбрызнуть была в состоянии. В последнее время он мог ударить. Делал это исподтишка и как будто случайно.

Вот это её и остановило сейчас. Родить? В сорок один? С настолько испорченным здоровьем? А почему бы и нет? Попытаться-то можно! Только надо сбежать от этого козла. Если ему станет известно о её беременности, он выбьет этот плод одним ударом, на это его здоровья хватит. Значит, надо разводиться и начинать жизнь с чистого листа: с ребёнком, но без мужа.

Альбина встала и приоткрыла дверь, выглянув в коридор. Дверь его кабинета была распахнута. Она крикнула:

– Эй, Смирнов, давай разойдёмся!

– Да с радостью! Только уйдёшь ни с чем!

А может, он и не прогулял деньги, а постепенно припрятывает? При всём его выпрыгивании из штанов в желании показать себя гостеприимным хозяином он жаден до невозможности. Последнее его нападение на неё связано с тем, что Альбина отказалась готовить на позавчерашнюю их гулянку. Он в результате заказал всё в ресторане, а накрывала его Верочка.

Всё это промелькнуло в её голове, и ей хватило разума не продолжать разговора:

– Тогда будем жить вместе до конца!

И захлопнула дверь.

Пролежала до утра, только крекеры, завалившиеся в тумбочке с незапамятных времён, грызла и кувшин водой наполняла из-под крана, когда в туалет выходила. А что, с него станется и отравить.

Так ничего и не решив, пришла в поликлинику. Было ещё направление к гинекологу, но идти туда категорически нельзя. О беременности пока никто знать не должен.

– Бережкова!

Альбина оглянулась. Она почти двадцать лет Смирнова, но на девичью фамилию продолжает реагировать. Медсестра. Маленькая, толстенькая, незнакомая.

– Алька, ну это же я, Катя!

– Клушина?

– Вообще-то Рясова. Но была Клушиной, ты ещё помнишь? Заходи в кабинет, поболтаем, мой доктор всё равно на больничном.

Мельком глянула на дверь: онколог. Вот в каком страшном кабинете Катька работает.

Они сидели за столами, стоящими впритык друг к другу: Катька за своим, Альбина на месте врача. Катерина, треща без умолку, успевала ещё и работать. Она подклеивала бланки анализов, принесённых ею только что из лаборатории, по карточкам. Альбина машинально взяла одну из карточек, полистала и вдруг её как обожгло. Вот оно!

– Катя, а ты можешь сделать такую карточку?

– Ты что?

– А что, мне именно такая нужна. Чтобы понятно стало тому, кто в неё заглянул, что жить мне осталось от силы год, и помру я в страшных мучениях.

– Алька, прекрати, это дело подсудное!

– Не выдумывай, где суд, а где мы. И не говори, что это трудно сделать, всего-то и надо в электронной карточке соответствующие графы заполнить, распечатать, а потом в компьютере не сохранять. Понимаешь, мне муж развода не даёт, как-то это с его статусом не сочетается. А вот если я ему такую карточку предъявлю, так он сразу на попятную пойдёт. Как представит себе, что я буду лежать, стонать, судно мне нужно будет подавать, тут он и согласится.

– Да не факт. Наоборот, добро не делить, а только немножко подождать, и всё ему достанется.

– Но это «немного» придётся ждать в провонявшем дерьмом доме!

– Ты никому кроме мужа эту карточку предъявлять не будешь?

– Чтобы спалиться? Ты меня за дуру не держи. И потом я, конечно, заплачу.

– Сто тысяч.

Альбина выпучила глаза.

– Да не пялься ты! Шоколадку купишь.

Альбина вынула из сумки бумажник и положила на стол

две оранжевых бумажки:

– Аванс. Когда зайти?

– Ну... послезавтра.

По дороге зашла в свой банк, сняла с карточку солидную сумму, абонировала ячейку в хранилище, сложила наличку туда и отправилась домой. А дома её встретил порядок. Даже освежителем пахло. Неужели клининг вызывал? Да нет, запах знакомый. Похоже, этот жмот из их офиса уборщицу вызвал и вряд ли ей что-нибудь заплатил. Он до сих пор не решился на «безумную трату» на посудомоечную машину. На кой она, коль есть жена! Артур вышел, просматривая сообщения в телефоне:

– Ты куда такую уйму денег сняла?

– На медицину. Отчитаться? На часть квитанции есть, но кое-что в руки отдавала без формальности.

– Да уж не изображай сироту казанскую, – сразу отступил Артур. – Спросить уже нельзя!

Когда Катерина отдала ей больничную карточку, она села и внимательно её прочитала. Всё было очень убедительно и очень страшно. Медсестра дождалась, когда Альбина дойдёт до последней записи, и сказала:

– Когда карточку после всего в регистратуру возвращать будешь, вот здесь оторвёшь последние страницы с записями и анализами и чёрный стикер сорвёшь, а на его место наклеишь голубой.

– Поняла. Чёрный – онкология, голубой – гипертония.

Знакомо.

– Аль, а что дальше-то? После развода он тебя не достанет?

– Как же не достанет? На край света убегу.

– Сейчас, знаешь ли, и на краю света найдут. По паспорту, по билетам на поезд и самолёт, по телефону. Я вот что подумала... фамилию тебе сменить надо.

– Фальшивые документы? Что за детсад, Катя!

– Проще, – выпалила Катя. – Фиктивный брак. Есть у меня знакомый. Он за приемлемую цену с тобой фамилией поделится.

– Договаривайся, – сухо кивнула Альбина. – Пусть огласит условия, а я пока подумую.

Вернувшись домой, она прошла на кухню, где Артур подчёркнуто мрачно ковырялся в контейнере с ресторанной едой. Она скривила губы и сказала:

– Надо поговорить. Но с глазу на глаз у нас не получается. Поэтому пригласи, пожалуйста, своего Вельцмана. Говорить будем втроём.

– Почему это? – вскинулся он.

– Ты что, не доверяешь своему юристу? Думаешь, что он может подыграть мне?

Смирнов засопел, понимая, что такого быть не может. Поднялся:

– Пошли в офис.

– Нет. Разговор будет в шесть глаз и шесть ушей. Лишние

уши, да ещё с серёжками, совсем не нужны. И в первую очередь тебе.

И опять он не возразил, понимая, что жена права. Какие дырки навертели ревнивые офисные бабы в стенах кабинета любвеобильного шефа, не знает даже ФСБ.

Альбина решила не переигрывать, и сухо протянула большую карточку юристу фирмы:

– Вы – человек разумный и посторонний. Изучайте.

Он просмотрел её точно так же, как и она, то есть прежде всего на предмет фальсификации. Потом прочитал. Потом некоторые страницы сфотографировал. Этого она не ожидала, поэтому напряглась, но усилием воли сдержалась и не дрогнула. Вельцман вернул ей карточку и спросил:

– Какие прогнозы?

– При удаче могу прожить год. При большой удаче – чуть-чуть больше.

– Чего хотите?

– Развода.

– Почему?

– Мне так мало осталось. А его ненависть съедает этот маленький срок.

– Ты что выдумываешь? – вскинулся Артур.

– Сколько раз за последнее время ты меня ударял... правда, потом каждый раз извинялся и говорил, что случайно? Для тебя это не существенно, поэтому приведу другой аргумент. Я буду умирать точь-в-точь как твоя мама. Вспомни:

ругань, свищи, кал на полу, вонь по дому и стоны.

– Ты не смеешь так говорить о моей маме!

– А кто слушал ругань и стоны, обрабатывал свищи и убирал дерьмо? Это была я. Ты будешь убирать за мной?

– Ещё чего!

– Значит, когда мне станет хуже, ты выкинешь меня помирать в больнице? Это в копейчку обойдётся, Артурчик. И очень пошатнёт твоё реноме. В нашем кругу все знают, как создавался наш бизнес. Вряд ли кто-то напомним тебе об этом, но за глаза будут говорить о твоей непорядочности и склонности к предательству. Юрист подтвердит.

Юрист не подтвердил, но придержал босса, когда он пытался вскочить.

– Продолжайте, Альбина Васильевна.

– Если бы я была здорова, я бы боролась за каждую копейку и всё поделила пополам. Но, поскольку жить мне осталось мало, я много и не хочу. Если Смирнов согласится развестись в течение недели, то я удовольствуюсь квартирой и суммой, эквивалентной годовому содержанию в хосписе плюс годовое проживание с лечением в стенах дома, плюс расходы на приличные похороны. Тут все расчёты. Да, мои двадцать четыре процента акций остаются при мне. И не затягивайте с обсуждением и обдумыванием, мне может резко стать хуже, и тогда развод потеряет смысл. Расставаться надо, пока здоровы, иначе, сами понимаете, реноме пострадает. Да, забыла: деньги наличными.

Уже через день они подписали соглашение о разделе имущества. Это было грабительское соглашение, потому что квартирка, хоть в центре и с нормальным ремонтом, была в пятиэтажке семидесятых годов и площадь её была сорок один квадратный метр, сейчас однокомнатные больше строят. В банке она получила наличные, просчитанные через счётчик банкнот, сложила их в пакет и перешла через дорогу, заскочив в последнее мгновение перед закрытием на почту. Буквально через полторы минуты она вышла из отделения и направилась к остановке. Маленькая сумочка висела на плече, пакет в руках. Она стояла, задумчиво поглядывая на хмурящееся небо и прикидывала, успеет ли влезть в автобус до дождя. Не успела. Из-за остановки выскочил парень в худи с натянутым на голову капюшоном, вырвал пакет из рук и нырнул в узкий проход между домами.

– Вы не ушиблись? Что там у вас было? – спросила женщина, которая шла мимо остановки, но остановилась, когда увидела, что Альбину грабят.

– Деньги там были, – вздохнула Альбина.

А сама подумала: интересно, от кого был этот злоумышленник, от мужа, от подруги или от какой-нибудь из подстилок мужа?

Оказалось последнее. Когда полиция пришла в офис «АРАЛа», следы маркера оказались на руках секретарши Верочки.

– То-то мне грабитель знакомым показался. А это, значит,

её студент, – сказала Альбина. – А то, что на руках Смирнова, это не от денег. Это он просто по-хозяйски секретаршу пощупал.

– Там не было денег, – завизжала секретарша. – Там бумага резаная!

– На хрена ты наличку потребовала, – кинулся Артур на бывшую жену так, что она едва успела увернуться от его тяжёлого кулака.

– А вот для этого и потребовала. Она у тебя в кабинете ночевала, когда деньги пропали. С неё и спрашивай.

Полицейский подвёз её назад, по дороге хмуро посоветовав спрятаться понадёжнее «от этого психа». Альбина вошла на почту после перерыва с первыми посетителями, привычно проверила корреспонденцию в ячейке, перешла через дорогу и оставила пакет в ячейке хранилища банка. И отправилась по месту своей нынешней прописки. Двадцать лет назад они бы с Артуром могли только мечтать о такой квартирке, но после двухэтажного особнячка... впрочем, что она, по уборке соскучилась?

Альбина второй день наводила порядок, пытаясь разложить вещи, когда раздался сигнал домофона. Отозвался Артур. Она удивилась, но впустила.

– Вот, блестяшки твои. Решила, что я крохобор?

Да не решила, а давно знала.

– Тебе что надо, Смирнов?

– А простое человеческое участие не рассматривается?

– Нет. Слишком много плохого было между нами. Повторяю вопрос: что надо?

Сжал зубы до желваков на скулах и ушёл. А ведь что-то надо было! Ещё открыла шкатулочку, прежде чем убрать в шкаф. Засмеялась. Всё там было, кроме цепочки с рубином и сапфирового гарнитура, последних приобретений. Ну, наверное, Лариске достанется.

Назавтра позвонил Вавилов. Альбина даже засомневалась, отвечать ли. Знакомы они были не близко. Несколько лет назад реконструировали его ресторан, отсюда и знакомство. Потом ещё дом ему доделывали, он его выкупил в стадии незавершёнки. Их с Артуром фирма, выросшая из бригады шабашников, до гигантов строительной индустрии не доросла. Так, крупный ремонт и мелкое строительство.

– Альба, что за дела? Я всегда вашей работой был доволен. А сейчас... прям не знаю.

Ага, начинает проясняться интерес Артура. Но почему этот на неё наезжает?

– Я нигде не работаю, так что наезд твой мне непонятен.

– Как не работаешь?!

– Ну, поняла. Смирнов тебе что-то строит? А я в фирме не работаю и с ним разведена. Так что все вопросы к нему.

Не попрощавшись и не извинившись, Вавилов отключился. Альбина пожала плечами и продолжила свои домашние дела. Но через полчаса он перезвонил и попросил о встрече. Она долго отнекивалась, а потом назвала свой адрес, чтобы

сразу расставить все точки над «i». Он появился буквально через десять минут, разулся в прихожей, прошёл, осмотрелся:

– А чё такую квартирку выбрала? Из-за центра?

– Что предложил Смирнов, то и взяла, – и увидев недоверие в его глазах, сказала. – На, почитай соглашение, а то ведь скажешь, что на жалость бью.

– Альба, я ведь в состоянии оценить, сколько стоит Смирнов. Почему ты на это согласилась?

– Жизнь дороже. На старости лет стал руки распускать. Теперь скажи, что тебе от меня надо?

– Я по строительству привык с тобой дело иметь. Ты надёжная. А эти девки твои, они такую хрень запланировали. А Смирнов отбрыкивается, всё норм, это ты, мол, группу возглавляла.

– Я уже полгода в офис практически не захожу.

После долгих пререканий и предложения обратиться к другим фирмам, благо в городе таких немало, Альбина согласилась посмотреть его приобретение, но принципиально даже не глянула на проектно-сметную документацию фирмы Смирнова. Прошла через залы, остановилась в очередном дверном проёме, вынула из кармана карандаш, уронила его на пол и проводила взглядом. А потом перевела взгляд на Вавилова.

– Нет, – вздохнул он.

– Вон там обшивку оторви и погляди, – кивнула она на

стену. – В общем, сам понимаешь. Старинная часть здания выдержит и реконструкцию, и эксплуатацию, а остальное надо сносить. Кухня – это слишком большие нагрузки на фундамент, плюс вентиляция. И пристраивать без экспертизы грунта – уголовщина. Здесь же береговая зона. И не вешай мне лапшу, что дорого заплатил. На такую гниль ты мог клюнуть только по дешёвке.

Через несколько дней она представила ему несколько вариантов использования здания. Он спросил:

– Сколько с меня?

– Денег брать не буду, но надеюсь, что услугами отблагодаришь.

Через несколько дней Вавилов прилетел окрылённый:

– Альба, я в тебя верил! Ты крутая! Я заключил договор с одной Новогорской фирмой. Всё как ты сказала! Кондитерская без кухни, кейтеринг от собственного ресторана, сносим всё, кроме старинной части, укрепляем фундамент и делаем большую застеклённую террасу-павильон на месте той пристройки. Летние свадьбы, юбилеи и прочие корпоративы на террасе и на открытой местности! Чистим залив, на нём плавучая эстрада, зимой каток. Экономисты сделали расчёт, выйдем на нуль через три-четыре года. Ой! Что это?

– А это, друг ситный, мне прилетело за твой длинный язык. Спасибо, на улице дело было, прохожие отбили.

Вавилов с ужасом глядел на подбитый глаз и опухшее лицо женщины.

– Я его убью!

– Только убивай с первого удара, второго нападения мне не пережить.

– Давай я тебя спрячу, а ты на суд подавай.

– Спрячусь я сама, тебе своё брэнное тело не доверю, а ты, пожалуйста, займись продажей моей квартиры, коли уж виноват.

Чувствуя свою вину, Вавилов предложил арендовать у Альбины эту квартиру для своих гостей и сотрудников, а вещи хранить на его складах. Подписав договор, Альбина позвонила Катерине по поводу знакомого, который согласен поделиться с ней своей фамилией.

У неё не было причины верить подруге, тем более, её приятелю, согласному на фиктивный брак, но выбирать было не из чего. Как-то так получилось, что не было у Альбины близких друзей.

А к вечеру она встретила в родном для Альбины и Кати райцентре Пружинск Новгородской области с «женихом», который представился Славкой. Мужик небольшого роста, ниже неё, но жилистый. И по морде видно, что пройдоха. Расписали их в этот же день, потому что у Кати в загсе знакомая, к тому же она привезла справку об Альбининой беременности.

Покосившись на Альбинину кривую ухмылку, Катя фыркнула:

– А что, ты думаешь, в нашем возрасте залететь невоз-

можно?

– Возможно, – вздохнула Альбина, прикидывая, сколько Катерина взяла бы с неё, если бы знала, что справку можно было получить законным путём.

В общем, с сегодняшнего дня она стала Веневитиновой. Расплатилась с «мужем», обменялись номерами, чтобы развестись в скором времени, Альбина села на проходящий московский автобус и уехала в столицу в гости к институтской подруге. Но школьная подруга тоже не забыла о ней и позвонила через несколько дней, предложив помощь в оформлении паспорта в Пружинске. По правде, вопрос этот Альбину беспокоил, потому что штамп на паспорте давал на замену всего месяц, а светиться в своём городе не хотелось. И Альбина выехала в Новогорск, где её должны были встретить «муж» и подруга.

Машина рыкнула, дёрнулась и резко встала, осев на один бок.

– Всё, бабы, выходим, – сказал Славка. – Если начну рвать мотор, настил может не выдержать. Давайте возьмёмся все сзади и разом подтолкнём. Аль, сумку-то оставь.

– Да уж нет, – перекидывая ремешок через голову, сказала Альбина. – Если настил не выдержит, я хоть при документах останусь.

– А там было свидетельство о браке, – пропел Славка. – Хрен с тобой, золотая рыбка, гордись моей фамилией.

Они вышли с левой стороны машины, как сидели, а Ка-

тя оказалась по другую сторону. Под мостом вода громко шумела. Даже при тусклом свете луны было видно, до чего хлипкий этот явно пешеходный мост, да ещё без перил. Славка закрыл за собой дверь, Альбина сделала осторожный шаг к краю, чтобы захлопнуть дверцу. Одновременно с хлопком машинной дверцы она ощутила толчок и полетела в воду. От холодной сентябрьской воды у неё перехватило дыхание. Благодаря этому она не нахлебалась воды, а безвольно плюхнулась о поверхность и ушла под воду, но почти сразу её прижало к стене и поволокло вверх.

В тени моста ничего не было видно. Она ощупала камни вокруг себя и поняла, что вынырнула между двумя бетонными кубами, расположенными под углом друг к другу. Упираясь руками в стены, она попыталась выбраться из этого треугольного заливчика, но наткнулась на что-то животом. Палка? Нет, наощупь она определила, что это арматурина, торчащая из бетона. Рядом с ней по воде скользнул луч и послышались голоса: «Смотри, она где-то здесь должна быть», «Свети, я гляжу!» Альбина поняла, что Славка и Катя легли на мост и пытаются разглядеть её. Она схватилась за арматуру и ушла под воду. Всегда боялась открывать глаза при нырянии, но тут речь шла о жизни. Открыла. Что-то блеснуло. Потом ещё раз. Всё, больше нет сил. Вынырнула. Голоса звучали как будто на удалении: «По течению унесло... и что теперь... дойдём до ив, там всех цепляет... с той стороны машину оставим, а потом вернёмся...»

Два хлопка двери, рык мотора, что-то посыпалось с моста, загремели брёвна уже в отдалении. Вдруг треск, потом грохот. За камнями что-то светило, и Альбина поняла, что машина рухнула под мост. Живы ли её родственники, она не знала, но сообразила, что им теперь не до неё. В голове ещё до этого промелькнула мысль, что придётся как-то наощупь выбираться на камни, потому что если плыть по течению, то окажешься у каких-то ив, к которым утопленников прибывает, и где Славка собирался выловить её тело. А теперь она видела при свете, пробивавшемся через пробоину в мосту, что по почти гладким стенам бетонных блоков выбраться она не сможет. Кто знает, какие пороги могут встретиться ей по течению, но приходится рисковать. Альбина поднырнула под арматуру и сразу почувствовала силу течения. Её уже всю скрючило от холода, и силы убывали. Ну, собралась! Она разжала руки, и её понесло по течению, сначала медленно, а потом всё быстрее. За мостом её закрутило, и, прежде чем развернуться лицом вперёд, она успела увидеть горящую фару под водой, почему-то одну. Пока никаких препятствий на пути не было, но вот впереди возникла какая-то тёмная громада. Альбина даже не успела испугаться и только выставила руки вперёд, как ухватилась за какие-то ветки. Значит, это та самая ива, которая цепляет утопленников. Перебирая ветви руками, она двинулась сначала вправо, но потом огляделась, увидела луну и сообразила, что её прибило к левому берегу. Двинулась влево и почти сразу почувствовала дно

под ногами. Продолжая перебирать ветки, вышла на берег. Ноги вязли в илистом дне, камней, к счастью, не было. Выползла на четвереньках и растянулась на песке. Некоторое время восстанавливала дыхание, а когда набралась сил подняться, уже тряслась в ознобе. Раздеваться не имело смысла. Надо идти, решила она, только в ходьбе можно согреться. И ещё... надо выяснить, что там с её попутчиками.

Машина провалилась под мост совсем рядом с левым берегом, буквально в двух метрах. Некоторое время она стояла в нерешительности, но потом собралась с духом и шагнула в воду. Ею двигала не гуманность, а желание знать всё и не оказаться под подозрением. Дно здесь, у моста было каменистым, поэтому Альбина сразу встала на четвереньки. Через пару шагов дно исчезло. Она нырнула, ориентируясь на слабый свет фары. Машина лежала на боку. Вгляделась в окно. Двери закрыты, значит, пассажиры внутри. Надо открыть их, тогда можно будет заявить, что была в машине, когда она рухнула в воду. Одно дело несчастный случай, и совсем другое – когда погибших обвиняют в преступлении. Альбине смерти подобно привлекать внимание к своей особе.

После третьего нырка ей удалось открыть переднюю пассажирскую дверь. Катя легко вынырнула из неё, и её понесло течением. Удаляясь, она издала какой-то утробный звук. Жива? Что, ей и Славку вытаскивать? Но тут послышался треск, и к берегу выехало два мотоцикла. Стоя на колесе автомобиля, она по пояс оказалась на поверхности. Собрав-

шись с силами, крикнула: «Помогите!»

– Блин, машина, – послышался мужской голос. – И загнала их нелёгкая на мост!

– Мать убьёт, – девичий голос.

– Ребята, – поняв, для чего в эту местность приехали две пары, сказала она. – Давайте один девчонок быстро до жилья добросит, а другой к ивам. Туда женщину унесло. А водителя поздно уже... пусть спасатели потом... и звоните им! Будем считать, что вас тут двое.

Молодёжь умудрилась усесться на скутер втроём и медленно укатила назад, а второй мотоциклист так же медленно поехал по тропинке вдоль реки, по которой только что пришла к мосту Альбина.

Через пару минут мотоциклист вернулся без пассажирок и двинулся к Альбине.

– Не надо, – сказала она. – Давай к приятелю, может, удастся женщину откачать. А я сама выберусь.

Она уже выползла на берег, когда к мосту подъехала машина с проблесковыми маячками.

– Жива? – спросил полицейский.

– Да, – ответила Альбина. – У ив ещё одна. А водитель там остался.

– Раздевайся, простудишься. Сейчас одеяло принесу.

Утром проснулась только к завтраку. Нос заложен, голова тяжёлая, но температура, кажется, нормальная. Подняла подушку повыше, села, прислонившись к спинке кровати,

санитарка поставила ей на колени тарелку с кашей. От запаха к горлу тошнота подкатила, но есть хотелось страшно, аж желудок горел. Стала по пол ложечки пропихивать в рот пресную осклизлую массу. Как ни странно, завтрак удалось съесть без потерь. Отлежавшись, резко встала. Голова закружилась. Тогда она медленно по стеночке всё-таки вышла из палаты и направилась к посту.

– Мне срочно с врачом переговорить нужно.

– Вот будет обход...

– Я беременна.

– Почему вы вчера не сказали!

– А я вообще что-нибудь говорила вчера?

Медсестра выскочила из ординаторской с историей болезни и дёрнула по коридору:

– Идёмте за мной!

Ну, с такой скоростью Альбине за ней не угнаться. Да она и не собиралась. Придерживаясь рукой за стену, она добрела до двери и вышла на лестничную площадку. А дальше куда, прямо или наверх? И под лестницей ещё дверь...

– Ну, вы где, – слышался голос сверху.

– Если бы я как ты бегать могла, то на кой мне ваша больница?

Да, районный гинеколог – это финал всему: «У вас, таких жирных, ничего не прощупывается. Но хоть на анализы и УЗИ послала.

Когда добрела до палаты, навстречу выскочила разгневан-

ная палатная врачиха:

– Вы где шляетесь, вас следователь дожидается!

– А что вы на меня голос повышаете? Кто меня к гинекологу направлял, не вы?

Врачиха опешила и не нашлась, что ответить.

Выразил недовольство и следователь. С ним она тоже церемониться не стала, ответив, что в больнице прежде всего лечение, а общение потом. На его вопросы ответила следующим образом: ехали они втроём к матери её подруги Екатерины в Пружинск. А вот как её фамилия, она что-то забыла. И что странного? В школе они учились вместе, тогда её фамилия была Клушина. А сейчас Катя уже давно замужем. Но последние четверть века одноклассницы не общались. Только когда она собралась замуж за Славу, выяснилось, что Катя – его двоюродная сестра. Вот и встретились. В этой глуши Альбина впервые, поэтому понять, что понесло её мужа на хлипкий мост, она даже предположить не в силах. Но зла она на него, хоть и покойника, безмерно: это надо же быть таким придурком, чтобы жизнями близких рисковать! Да, это муж её. Поженились они всего неделю назад. И что? Что ей теперь делать в одиночестве, да ещё беременной?! Что, истерика? А что ещё она могла закатить должностному лицу, которое... даже слов нет... это лицо обвиняет её в том, что она близких своих утопила? Ах, нет? Тогда следует с пострадавшей другим тоном разговаривать!

Ладно, после порции валерьянки Альбина согласилась

вспомнить, что произошло. Она дремала на заднем сиденье, её в последние недели всё время в сон клонит. Ну, разумеется, Слава знал о её положении, с чего бы он иначе на ней женился, от большой любви, что ли, или в надежде на её богатства? Чем она владеет? В панельной пятиэтажке семидесятих годов двухкомнатная квартира аж сорок один квадратный метр и триста двадцать три рубля на карте. А у Славы однокомнатная, но современная, той же площади, да ещё машина... была. Ну вот, сначала треск и встряхнуло, так что она на ремне повисла. Да, пристёгнута была, хоть и сзади, а почему... до этого они по трассе какой-то ехали, и там всё время какие-то лихачи их подрезали... ну, возможно, Слава какие-то буковки и циферки называл, но ей не до того было. Вот и пристегнулась. А потом дремала. Да, когда под ними брёвна загрохотали, вроде, Славка ржал, что утопленников к ивам прибывает, это он с Катериной разговаривал. Альбина об этом вспомнила, когда за ветки ухватилась. Ну вот, она только пискнула, повиснув на ремнях, и тут машина ещё сильнее завалилась набок и плюхнулась в воду. Первой открыла дверцу Катерина. Хлынула вода. Альбина тоже дверцу приоткрыла, как ремень отстёгивала, не помнит. Когда отплывала от машины, голова Кати была на поверхности, но не двигалась, а Альбину уносило очень быстро. Как уже говорила, уткнулась в ветви, по ним выбралась на берег и вернулась к машине. Доплыла и дёрнула Катерину за плечо. Ту сразу унесло. Она что-то кричала, так что была жива.

Ну, а мужа спасти было уже поздно. Так она и сказала появившимся в этот момент мотоциклистам. Как там Катерина, кстати? Без сознания? А ну-ка...

На тумбочке лежала вывернутая наизнанку сумочка. Украдкой она прощупала ремешок. Он подпорот был, и туда она запихнула ключ от банковской ячейки. Надёжно, её попутчики наверняка сумку обыскивали, но ремешок прощупать не догадались. Альбина выдвинула ящик и покопалась в нём. Бумажника не было, как не было и паспорта. Их изъяли ещё вчера. Зато телефон был на месте, правда, вынутый из чехла. Она прислонила палец к задней стенке, и экран загорелся.

– Надо же! Полчаса со смартфоном плавала, а он не сдох! Сейчас я про Катерину всё узнаю, – нашла в контактах регистратуру, дождалась ответа. – Будьте добры, медсестра Катя, что на приёме с онкологом, как её фамилия? Рясова? А не подскажете, как с мужем её связаться? Она в автомобильную катастрофу попала. Муж рядом? Передаю трубку должностному лицу, – сунула она трубку следователю.

Возвращая трубку, следователь как-то виновато сказал:

– Муж вашей подруги утверждает, что с вашим мужем она не в родстве.

– Любовники? А что же она нас к своей матери повезла? Или... убить собиралась?

– Да нет, эксперты высказались однозначно, что мост развалился под весом машины. Ездили там местные, но на тач-

ках полегче. А Нива всё-таки тяжеловата. Но, извините, как-то вы спокойно эту информацию восприняли.

Ах, чтоб тебе! То истерику должностному лицу нельзя закатывать, а то больно спокойно на измену мужа и подруги реагируешь!

– Ну, во-первых, меня не так давно валерьянкой напоили, а во-вторых, у меня в приоритете беременность. Что о измене мужа горевать, если и мужа-то уже нет? А подруга... я же сказала, что у меня четверть века с ней контактов не было. Значит, и подруги нет. Перетопчусь без подруги. Так... мне пора на УЗИ.

После обследования её перевели в гинекологическое отделение. Когда врач сказала об этом, она как-то выжидающе глядела.

– Что не так? Ждёте, что откажусь?

– Ну... вам же мужа хоронить...

– Но вы же слышали, что другая ваша пациентка была ему ближе. Так что уступаю ей его тело, – и процитировала: «Вот урок для всех повес, хоронил его собес».

И Альбина вылежала необходимые для сохранения беременности десять дней. В первые дни Катерина её навестила.

– О, ты пришла поблагодарить меня за спасение?

– Сучка!

– Кать, ты же договорилась со Славкой убить меня и наследство получить, и я не бешусь. И вытащила тебя из машины, жизнь тебе сохранив. Что же ты ненавистью ко мне

давишься?

– Ты всю жизнь легко жила!

– Да, я хорошо жила, – мечтательно вздохнула Альбина. – У меня были не очень молодые, но любящие родители. Мама работала в детском саду, папа на заводе. Папочка меня читать учил. Они никогда не орали, как Смирновы из квартиры напротив, помнишь? Но потом папа умер, я в шестом классе тогда училась. Тяжело маме было, но она никогда мне не жаловалась. Бедновато. После школы я в институт поехала поступать, там Артурка уже на третий курс перешёл. Я подрабатывала где могла, потому что мама от её мизерной зарплаты много мне дать не могла. Но она всё равно присылала! Потом Артур диплом получил, и мы расписались. Потом он бригаду набрал, стал сам строить. Мы в наше дело деньги от продажи родительской квартиры вложили, когда мамочка умерла. Я помогала. Детей, Артур говорил, мы позволить себе не можем. Ну, а когда подняли дело, ничего с детьми не вышло. Врачи говорили, что тут много факторов: длительный приём таблеток, тяжёлый физический труд, да на холоде. Всё равно, в молодости мы были счастливы. А потом счастье кончилось. Ты завидуешь мне, Катя? У тебя мама до сих пор жива. Меня Артур давил, чтобы я ни с чем ушла. И имею я за душой квартирку-маломерку... и больше ничего. А ты решила, что у меня половина Артуркиных миллионов, и Славка их в наследство получит? Удалось у меня последнее отнять? И даже жизнь. Тепло ли тебе, девица?

– Да, отниму. Ты сама добровольно мне её отдашь, иначе я твоему Артуру всё расскажу!

– А что «всё», Катерина?

– Про болезнь фальшивую. Про беременность.

Альбина вздохнула:

– А знаешь что, Катя? А расскажи! Ничего я тебе отдавать не буду, потому что вижу, что ты ко мне ненавистью пылаешь, и в любом случае к Артуру со своей информацией помчишься. Давай и я с тобой информацией поделюсь. Строительный бизнес, Катя, это очень жестокий бизнес. Слышала выражения «закатать в асфальт» и «бетонные сапоги»? Это в нашем деле возникло. Так что ждёт меня, Катя, смерть неминуемая. Или мы с тобой уйдём на дно Тихой Рясы с ногами в тазике бетона, или скинут нас в котлован последней Артуркиной стройки, а сверху залиют несколько цистерн бетона. Спросишь, «а мени-то за шо?» За помощь мне и за информацию, Катя. Ты карточку фальшивую сделала, ты мне фиктивного мужа подогнала, ты тайну постыдную Артуркину знаешь...

– Ничего я не знаю!

– Знаешь. За это и поплатишься. Ну, может, немного побегаешь. Но служба безопасности у Артура сильная. Так что недолго тебе бегать. Да, забыла, мама твоя в тот же бетон ляжет. А то вдруг и она знает? Ты учти, ему совсем не важно, виновата ты или нет. Знакома со мной – значит, можешь знать. Да, меня он обязательно пытать будет, прежде чем

убьёт. Так что много я про тебя буду рассказывать, всё-таки мы с тобой подруги детства.

– Врёшь!

– Ну, думай как знаешь. Прощай, Катя.

Конечно, никакой службы безопасности в их фирме не было, не те масштабы. Но как-то припугнуть злобную подругу надо было.

Назавтра соседка по палате принесла Альбине весть, что подругу её разбил инсульт. Говорят, пол ночи писала какие-то записки, рвала их и снова писала. Почти полная корзина мелких-мелких обрывков! Любопытные медсёстры долго копались в мусоре, но разобрали только, что адресата зовут Артур, и речь идёт об измене и не то о фальшивом диагнозе, не то о фальшивой беременности.

«Вот гнида, анонимку строчила, – вздохнула Альбина. – Сама себя довела».

Перед выпиской Альбина поинтересовалась здоровьем подруги. Услышав, что прогноз благоприятный, решила фамилию не менять. Вернулась в Уремовск, сняла номер в гостинице, обратилась в паспортный стол со свидетельством о смерти супруга Веневитинова и легко получила взамен размокшего новый паспорт на имя Смирновой. А Артурчик пусть Веневитинову ищет, Катерина непременно её продаст, как только из болезни выкарабкается. Начнёт Альбина, как задумала, жизнь с чистого листа, небогатую, без мужа, но зато с ребёнком!

Альбина четверть века как крестьянка крепостная ишачила, продыху себе не давала, совместный с мужем бизнес строила. В бизнесе нет друзей, только партнёры и конкуренты. Стойкая оловянная она, хоть и жирная. Офисные выдры, Артуркины подстилки Асфальтоукладчиком её зовут. Да, она такая! Не только пахарь и стерва, но ещё и умница! Вот Вавилову не просто проект набросала и неудачную покупку спасла, а можно сказать, новое направление бизнеса спланировала. Но нашлась у неё подруга, вынырнула из прошлого прямо в паспортном столе, Машка из Пружинска, когда-то в юности Альбина её от большой ошибки уберегла. Кинулась к ней как к родной, в гости затащила. И Альбина поплыла, вдруг честно рассказав обо всём.

Глава вторая. БОГАДЕЛЬНЯ КАК ИТОГ ЖИЗНИ

– Доброе утро, девочки, – поприветствовала Альбина тринадцатую палату.

– И тебе не хворать, – прошамкала старуха Семёновна.

– Аль, мы вечером книжку читали, – выкрикнула баба Варя. – Страмотную!

– Не срамотную, а эротику, – поправила её Семёновна уже вполне внятно, потому что зубы свои нацепила. – Рассказать?

– Сейчас догадаюсь, – улыбнулась она. – Технология известная, разница в исполнении. Как в старом анекдоте советских времён. Объявление в столовой: «Пальцами и яйцами в соль макать запрещается». Что там ещё не рекомендуется? Вылизывать тарелки, выкусывать изюм, высасывать мозговые кости.

Бабки ответили визгливым хохотом. Усмехаясь, Альбина двинулась дальше по коридору. Старые как малые. Эротику они вслух читали, ну надо же! Да пусть хоть матерятся, лишь бы не дрались и не плакали. Тут не так уж много одиноких, у большинства и дети, и внуки в наличии, только не нужны старики никому. У большинства и жильё есть... то есть было. Вот ради жилья для подросших внуков детки и упекли

старух сюда.

С дедами по-другому. Есть и среди них такие же несправедливо обиженные, но чаще мужики получают по заслугам. Как седина в бороду и бес в ребро, решил уйти к молодой, а когда занемог, она выгнала. А старая семья не принять вправе. Или кичился своей мужской свободой, а на старости лет оказался одиноким. Алкаши и наркоманы, как правило, до дома престарелых не доживают. Но ещё довольно много среди здешних обитателей тех, кто смолоду по тюрьмам... вон, кстати, один из таких.

– Эй, Володенька, что у окна застрял? Давай-ка я тебя провожу в столовую!

– Привет, сестрёнка, – белозубо засиял он при виде её. И как только умудрился сохранить их при такой «весёлой» жизни. – Я на снег загляделся. Как же радостно на душе, когда грязи не видать! А до столовки я на своём кабриолете сам доеду, занимайся своими делами, Альбина Васильевна.

Развернулся на инвалидной коляске и поехал в сторону столовой. А Альбина поспешила к девятнадцатой палате, где сегодня штукатурка с потолка упала.

Это землячки, сестрёнки Маша и Саша её сюда сосватали. Когда Альбина поделилась своей историей с Машей, она обратилась за советом к сестре. А та в Вознесенской сельской администрации специалистом работает. Вот и предложила ей в доме-интернате для престарелых и инвалидов должность санитарки-уборщицы, но зато с предоставлением

комнаты. И смотрела так выжидающе, наверное, думала, что бывшая бизнес-вумен её обольёт презрением. Но Альбина только плечами пожала: «Давай попробуем». А когда узнала, где эта богадельня находится, смехом закатилась: в усадьбе Веневитиновых! После некоторой паузы к ней присоединилась Маша, сквозь хохот пытаясь объяснить сестре юмор ситуации. Альбина ещё удивилась, как при обычной для сельской местности безработице там образовалась вакансия. Александра объяснила, что до областного центра всего двадцать с небольшим километров, так что селянки предпочитают на работу в город ездить, а не из-под старичья дерьмо выгребать.

Саша лично отвезла её на новое место работы и жительства. Усадьба поразила: почти трёхметровой высоты кованая ограда между выложенными из камня цилиндрическими столбами, завершающимися конусообразными куполами. А у главных ворот усадьбы вместо столбов сторожки по обе стороны, только одна приспособлена для охраны, а вторая полуразрушена. А за оградой в отдалении дом, даже не дом, а дворец с островерхой крышей и стрельчатыми окнами. От ворот дорога к гигантскому крыльцу петлёй проходит, можно на транспорте въехать по кругу впритык к порогу, а можно пешком по прямой к крыльцу по ступенькам подняться. Над крыльцом большой балкон с коваными перилами. Едва увидела Альбина такую красоту, так и представила себе, как кареты въезжают во двор усадьбы, подъезжают к выходу

справа, пассажиры выходят, а карета продолжает свой путь влево, сделав оборот и следуя к конюшням. Может, их так много, что они выстраиваются друг за другом в ожидании, когда впереди стоящие разгрузятся. Отъезжает освобождённая карета, подъезжает следующая, лакей дверцу распахивает, дама, придерживая пышные юбки, ступает на откидную ступеньку кареты, за ней молодой человек в гусарском мундире. А на балконе хозяйская дочь, накинув на плечи шаль, высматривает, кто приехал, не суженый ли её?

От внутреннего убранства, конечно, ничего не осталось. Внутри это было похоже на больницу и ни на что более. Даже старинные отшлифованные каменные плиты пола первого этажа вписались в интерьер казённого учреждения, подчёркивая его стремление к тому, чтобы здешние обитатели не оставляли следов, а если оставляли, то их легко было бы стереть.

Директор дома-интерната Анастасия Ивановна, маленькая хрупкая старушка с прозрачными бледно-голубыми глазками-льдинками, внимательно взгляделась в Альбинино лицо, с которого, кажется, ещё окончательно не сошли следы её приключений, скользнула по фигуре, медленно проглядела все документы и спросила:

– Прячетесь?

– Да, – ответила она не задумываясь.

– От отца ребёнка?

– Наоборот.

– Всё правильно, – подытожила эта странная старушка. – Богадельня – последнее место, где будут искать беременную. Будете моим заместителем по хозяйственной части.

– Почему? – вырвалось у Альбины.

– Вы – специалист по строительству, а у нас вечный ремонт. И ещё... я видела, как вы глядели на это здание. Вы его уже полюбили. Надеюсь, вы и контингент наш полюбите, хотя таких любить тяжело, почти невозможно.

Конечно, невозможно! Обидчивые, скандальные, агрессивные, драчливые, жадные, завистливые, неряшливые, лживые. Если в людях всё это может присутствовать, но с этим борются, и даже при наличии всех этих черт находятся те, которые такого субъекта принимают, а ребёнком даже умиляются, то в стариках это вызывает отвращение. Она честно сказала об этом Анастасии Ивановне через несколько дней.

– А ты разговаривай с ними, – ответила она. – Они обидчивые, потому что их много обижали, агрессивные – потому что обидчикам надо противостоять, жадные – потому что всего лишены, завистливые – потому что обездоленные, неряшливые – потому что немощные, лживые – потому что их правда страшна. Ты ведь маму свою любила? А представь её здесь.

И Альбина стала разговаривать и даже записывать их истории. Это поразительно, но с некоторыми она после длительных разговоров почти сроднилась. Например, потрясающе бодрая, почти в дугу согнутая старушка Аграфена Ми-

хайловна с восторгом ей сказала:

– Аленька, люди счастья своо не понимает, мы ведь тут живём как цари! Тепло, светло, хлеба вдосталь, да мяконький какой. Побаниться всегда можно, хоть каждый день. Пол за тобой притрут, поесть дадут да посуду за тобой приберут! Дед Тишка кажанный вечер на гармошке играт. Телевизер у коидоре красивый какой. У меня, вишь, ручки даже беленькие как у барыни стали.

А послушав, как жила она до того, как сельская администрация силком, можно сказать, отправила её сюда, Альбина чуть не разревелась. Жила одинокая бабуля в покосившейся щелястой избушке в деревне, где с десятков изб всего жилых, а в них либо старики древние, либо алкаши конченные. Хлеб раз в неделю привозили сюда с автолавкой, так что свежий ей как праздник, больше сухари размачивать приходилось. Питалась с огорода, зимой, считай, картошкой да соленьями. Пенсия у неё, наверное, не самая маленькая была, да лихие соседи отбирали. Когда уезжала Аграфена Михайловна, оставшиеся в деревне старухи причитали, как на смерть провожали. А старуха второй год здесь живёт и здешней жизни радуется.

Ещё одна оптимистка, тоже на жизнь не жаловалась. Эта лежачая. Рассеянный склероз. Поступила сюда уже обездвиженной, только одной рукой ещё пользовалась. За несколько лет, проведённых здесь, и эту способность утратила. Лежала на спине, только головой малость крутила. Зато ясность ума

сохранила, и память чиста была на редкость. Ей единственной директор телевизор в палату поставила, и комментарии старухи по политическим событиям Альбину иной раз вводили в шок. А прочие бабки негодовали по поводу этого палатного телевизора и завидовали ей жутко.

С дедами разговоры были не столь интересными. То ли люди такие, рабочие и крестьяне преимущественно, то ли разговорить их она не умела. А задружила она внезапно с одноногим мужиком из уголовников. Весь в наколках, смотрит волком, с малолетки по тюрьмам, и видно, что мужик опасный, и окружающие его боятся. Но фамилия у него Бережков, так что не сдержала Альбина любопытства и спросила как-то:

– А ты не из тех ли Бережковых, которые из Бережков? Я почему спрашиваю, моя девичья фамилия Бережкова.

– А ты из Бережков, что ли? – недоверчиво спросил он.

– Нет, я из Пружинска, а вот папа мой был из Бережков родом. Он говорил, что в Бережках все либо Бережковы, либо Туминские.

– Ну-ка, а кого ты в Бережках знаешь?

– Да я с детства там не была, папа умер почти тридцать лет назад, и уже тогда родни в Бережках близкой не оставалось. Вот помню, тётя Шура там у кладбища жила...

Они надолго сцепились языками, перебирая земляков. И Володька Бережков этот подвёл итог разговору:

– Похоже, через ту бабку или другую тётку родня мы с

тобой. Может, четвероюродные, может, пятиюродные. Словом, не чужие, деды наши на одном плетне онучи сушили.

И стал звать сестрёнкой. Общались, иногда просто парой слов перекидывались, иной раз присаживались поболтать. Ничего конкретного он никогда не рассказывал, просто «за жизнь перетирали».

Хоть должность Альбины называлась солидно – зам директора по хозяйственной части, фактически трудилась она за разнорабочего. То щели в стене заштукатурит, то половицы переберёт, то тумбочку развалившуюся склеит, то розетки заменит. В общем, вернулась к тому, с чего начинала в молодости. А ещё стала она спонсоров выискивать. «Ну что, побирнёмся?» – спрашивала она у директрисы и садилась за казённый компьютер.

Первого она поймала в областном управлении социального обеспечения. Завозила туда бумаги из дома-интерната и наблюдала, как руководящие дамы его «окучивают». Узнала, вернее, догадалась, кто он такой. Тоже строитель, только несопоставимый по масштабу со Смирновым. Его фирма промышленным строительством занималась, причём не только в своей области. Догнала уже за выходом и сказала:

– Игорь Николаевич, я слышала, как здешние дамы вас на предмет помощи обездоленным детям раскручивали. Только ведь детям почти всякий помочь не откажется. А вот обездоленным старикам редко кто помогает. Я из дома-интерната для престарелых и инвалидов. Вашей фирме к остановке

около него крышу из отходов пришпандорить – как комар начхал. А моим старичкам и редким посетителям очень бы комфортно было автобуса дожидаться.

Импозантный мужик развернулся, скривил рот на толстую бабу в потёртом зимнем пальто и повязанную платком.

– Мы знакомы?

– Ну что вы? Так, слышала.

– Куда ехать?

– Пригород. Не доезжая Вознесенского пару километров, знаете?

Водитель, выглядывающий в окно, наверное, в навигаторе выяснил:

– Двадцать три кэмэ.

Игорь Николаевич открыл перед ней дверцу:

– Поехали!

По дороге почти молчали. Только Альбина интернатскому водителю позвонила, уточнила, разгрузился ли, предупредила, что за ней заезжать не надо. А когда повернули с шоссе к воротам, шофёр свистнул:

– Ух ты!

Вышли, осмотрелись. Большой босс в деле понимал, сразу спросил:

– Вы хотите эту развалину плитой сверху закрыть?

– Ну да...

Походил, сказал, что подумает. Она из вежливости предложила по усадьбе прогуляться, он кивнул. Махнула охране,

чтобы ворота открыли.

В дверях их встречала Анастасия Ивановна. И как она умудрялась всегда всё видеть? Альбина быстренько представила их друг другу и шмыгнула в коридор. Она, уже переодевшись в рабочий халат, пристреливала к стене кронштейн для телевизора, когда в палату вошли предполагаемый спонсор с водителем в сопровождении директора.

– Вот, мы объявление разместили, некоторые хорошие люди свои старые телевизоры передают нам для наших подопечных. Сегодня Альбина Васильевна очередной привезла. У нас, конечно, отличные есть в холлах, но, знаете, некоторым удобнее лёжа смотреть, да и споры, на какой канал переключать, – пояснила Анастасия Ивановна.

– А сотрудников-мужчин в вашем учреждении совсем нет? – поморщился гость на грузную бабу, балансирующую на стремянке.

– Моя заместительница с инструментами управляется лучше многих мужчин.

Когда Альбина, переодевшись вновь, вернулась в кабинет директора, она застала её беседующей с гостем. «Ну, наша с него с живого не слезет, будет нам пожива», – с трудом сдержала ухмылку. Тем временем Анастасия Ивановна объясняла гостю, почему богатые люди не заинтересовались этим участком и не пытаются перекупить эту усадьбу у муниципалитета: деревянные перекрытия и масса ограничений со стороны инспекции по охране памятников архитектуры от-

пугивают. Потом разговор плавно перетёк на текущие строительные нужды.

— Альбина Васильевна, я в технике не сильна, поясни, что ты предлагала.

Альбина взяла карандаш и почти машинально набросала эскиз.

— Вот... можно стандартную плиту, можно даже обломки, стены позволяют.

— А если бы была возможность сделать лучше?

Альбина вновь взялась за карандаш, рисуя и попутно поясняя, что прежде стены были закруглёнными, да теперь каменщиков, способных восстановить такую красоту, не найдёшь, но можно сделать металлическую основу, и есть же облицовочная плитка, имитирующая каменную кладку, вот некоторые марки по памяти...

Потенциальный спонсор поглядел обалдело и опять сказал: «Я подумаю». И через несколько дней пригнал людей и технику и сделал по высшему разряду, даже столбы точь-в-точь как старинные, из разрушенной сторожки остановку, стилизованную под грот, а ту, в которой охрана дежурила, снаружи подновил, чтобы из ансамбля не выбивалась.

Но это была единственная крупная удача. В основном, выпрашивала она по мелочи. Например, местный хладокомбинат выделил мороженое на День инвалида, всем по штучке. Старики наслаждались. Опять же, телевизоры эти. Люди в связи со скорым прекращением аналогового вещания при-

обретали новые телевизоры, старые отдавали. А старухи радовались, что лёжа могут сериалы смотреть.

Анастасия Ивановна посмеивалась над ней:

– В казённом учреждении рождаемся, а дальше опять они – ясли, сад, школа, институт, и так до пенсии. Только потом начинаем в своём углу обитать и умираем чаще дома. Но если плохо детей воспитали, то и умирать приходится опять в казённом заведении – больнице или богадельне. А ты умудрилась в середине жизни в богадельню попасть. Промежуточный итог, так сказать. Может, это тебе послание с неба, чтобы в воспитании позднего ребёнка ошибок не совершать?

До декретного отпуска месяц с небольшим. После этого предстоит дислокацию поменять, а для этого желательно продать квартиру и купить новую где-нибудь в другом городе. Пора связываться с Вавиловым.

Вроде, всё складывалось спокойно, но неприятности настигли её на месте. В один из зимних вечеров в доме-интернате вспыхнул пожар. И связано это было предположительно с тем, что кто-то из богачей решил-таки заграбастать себе эту усадьбу. Пожар возник на первом этаже в штабелированной разборной мебели, привезённой кем-то из спонсоров для столовой. Не видно было открытого огня, зато едко-го вонючего дыма от горящего пластика было в избытке. И как назло заклинило дверь, ведущую из этого крыла к вестибюлю. А двери здесь были массивные, дубовые, сделанные чуть ли не век назад, ещё в те времена, когда дерево было

дешёвым.

В тот день у любительницы эротики бабы Вари был юбилей – восьмидесятилетие. Её ещё с утра поздравили, грамоту от совета ветеранов вручили, благодарственное письмо от ткацкой фабрики, где она всю жизнь проработала. Не сами они, конечно, догадались, Анастасия Ивановна позвонила и в ультимативной форме потребовала. Приехал председатель профкома, ещё и шаль привёз. Дочка с внучкой ближе к обеде прибыли, обе сухощавые, старообразные, с обиженно поджатыми губами, не матерью с дочерью выглядевшие, а скорее, сёстрами. Обрадованная баба Варя сунула им деньги, и, судя по всему, им показалось мало. Уехали быстро, но даже этим не смогли испортить юбилярше настроение. Перед обедом, когда её чествовали, по местной традиции всем налили сока, а столу именинницы и поздравляющим – шампанского. Именинница пожелала закатить пир горой, и ей это было дозволено. Она договорилась в столовой о дополнительном ужине, заказала пирог, и одна из поварих осталась обслужить бабкин банкет. После девяти собрались семь старух и два старика – гармонист дед Тихон и интеллигентнейший Константин Петрович по кличке Профессор. Юбилярша выставила две бутылки кагора, так что засиделись они допоздна. Это было нарушением, поэтому после десяти они закрыли дверь столовой, дед Тихон отставил гармошку, и старики продолжили гомонить, выпивая по малости и закусывая. Альбина присела с ними вначале, но потом ушла, от-

говорившись делами, но оставалась в крыле, занявшись разбором кладовки с инструментами и стройматериалами. Позже подъехал на своём кабриолете Володя Бережков, предложивший свою помощь. Они сначала болтали за работой, потом уже молча копошились. И не то, что работа эта была срочная, просто не имела права она оставить стариков одних. Всё-таки нарушение режима.

Уже хотела предложить инвалиду отправляться в палату, но тут вроде хлопок послышался. Прислушалась. Тихо. Потом стук двери, и сразу дымом потянуло. Володя мучительно закашлялся, у него, как у всякого курильщика со стажем, бронхи слабые. Выскочила в коридор, включила свет. Из-под мебельной кучи шёл дым. Бережков не растерялся и уже выезжал из кладовки с огнетушителем в руках. Альбина схватила пару простыней, метнулась в столовую и велела поварихе порвать их на части, намочить и раздать старикам, а самой закрыться изнутри и затыкать щели в двери, чтобы дымом не травиться. Затем позвонила спасателям, Анастасии Ивановне и охране. Одновременно она раскручивала пожарный шланг и начала поливать кучу, из-под которой дым уже почти не шёл. Вроде бы, уже всё страшное позади, но тут неловкий шаг – и она поскользнулась на мокром каменном полу и рухнула назад. И как только subtilный Володя успел схватить её восьмипудовую тушу! Конечно, не удержал, но всё-таки смягчил падение. Но шипел от боли, держась за плечо. Когда послышалась сирена спецмашины, они уже стояли у

окна и дышали морозным воздухом, врывающимся в коридор через разбитое стекло.

А дверь-то оказалась на взрезной замок закрытой!

Ясно, что злоумышленник был из своих или, по крайней мере, своими впущен. Однако дознаватель почему-то прежде всего обратил внимание на Володю Бережкова, наверное, из-за его наколок.

– Ну да, мы изнутри закрылись, чтобы доблестно сгореть, – обозлилась Альбина. – Анастасия Ивановна, обратите внимание на подарившего мебель. Либо он на усадьбу глаз положил, либо его подставить решили.

Компания, что в столовой окопалась, оказалась предугадываемой. Законопатив дверь, убрали закуску и бутылки, зато выставили на стол чайник и остатки пирога. А что, люди взрослые, имеют право почаёвничать. Так повариха пожарным и сказала.

Приехавшая скорая всем померила давление и кислород крови. Давление повышенным оказалось у Анастасии Ивановны, но она от медиков отмахнулась. Низкий кислород – у Альбины и Бережкова, но это понятно. Ещё у него вывих плеча оказался, это оттого, что Альбину ловил. Их и увезли в больницу. Альбина, правда, задержалась там всего на сутки, проверилась и тут же сбежала. А Володю Бережкова проверили и объявили, что отправляют в областной тубдиспансер. Нет, не туберкулёз. Рак бронха. Было у них там такое отделение, безрадостное, как и вся больница. Сказали,

если бы не несчастный случай, всё равно болезнь скоро бы проявилась, потому что уже слишком всё запущенно.

Через день Альбина, будучи в областном центре по хозяйственным делам, заехала к нему. Он держал лицо, но явно из последних сил. Не канючил и не требовал, просто сказал, что с последней отсидки о диагнозе знал и надеялся умереть в родной богадельне. Но не дано. Альбина осторожно ему сказала:

– Понимаешь, мы вроде бы как кровью с тобой повязаны. Не случись нас в том крыле, песец бы родной богадельне. Хоть мебель на каменном полу была складирована, но над ней деревянные перекрытия. По ночному времени не все бы проснулись... лежачие опять же. И если бы вход огнём перекрыло, старикам с первого этажа вряд ли удалось в окно выпрыгнуть, больно у нас фундамент высок. Не пришёл бы ты мне помогать, одна я бы, может, не справилась. И словил ты меня, такую грузную, просто чудом. Двоих спас! Так что вся богадельня тебе обязана, а я лично за себя и за сына своего не рождённого по гроб жизни должна. Я ещё с Анастасией Ивановной посоветуюсь, но план у меня таков. Постарайся свою историю болезни утащить. Как управишься, звони, приедем, заберём. Как говорится, нет дела – никто не ищет тела. Мне недели через три в декрет. Это время неофициально в интернате пересидишь, а потом я тебя заберу. Конечно, оба мы не мобильные, но как-нибудь выкрутимся, и я тебя дохожу. Скажу откровенно: я сама в бегах от бывшего мужа. Даже в

фиктивный брак вступала, чтобы спрятаться, но получилось неудачно, продали меня.

– Эй, сестрёнка, а если мы с тобой тоже фиктивный брак заключим? Будет у тебя снова любимая девичья фамилия. И даже разводиться не потребуется, врачи обещают, что овдоеешь быстро.

– Может, и так. Обмозгуем. До встречи!

Для Альбины полной неожиданностью стал решительный отказ Анастасии Ивановны помочь тому, кто спас дело её жизни. Мол, после пожара в интернате бесконечные проверки, никак нельзя держать незаконного пансионера. В полной растерянности она вышла за ворота, решив пройтись. Подумав, отправилась в сельскую администрацию, чтобы договориться с Сашей о регистрации. А она удивила её, сказав:

– А я её уважала. Ну, что ж, ошиблась. Делаем так. Как только он будет готов, звони мне. Мы с тобой заберём его, брак ваш я зарегистрирую прямо в машине на коленке и доведу до Маши. Сдашь ей свой паспорт, и несколько дней он проживёт на её даче, там печка, продержится. Пишешь заявление на отпуск, а из него плавно уйдёшь в декрет. Ну, и ищи жильё.

Назавтра она уже сдавала материальные ценности по описи. Анастасия Ивановна очень возмущалась тому, что Альбина покидала интернат в трудную для него минуту, но та отрезала: «Не люди для интерната, а интернат для людей. И то не для всех, как оказалось». Подгоняло её то, что на мест-

ном коммерческом канале, оказывается, накануне передача прошла. Там Альбину показали крупным планом на носилках, да ещё в порыве гнева она про умышленный поджог говорила. А она даже не заметила, что её снимают! Так что пришлось не Бережкову, а ей на даче скрываться и лихорадочно искать съёмное жильё. Как говорится, рассмеши бога, рассказав ему о своих планах.

Когда он позвонил, Альбина даже почувствовала облегчение, хотя жилья она куда не подобрала. Перезвонила Саше и пошла на остановку, чтобы автобусом доехать до города. Дрожащий Володя уже сидел на заднем сиденье Сашиного автомобиля.

– А коляска-то где?

– В багажнике.

– Ты замёрз?

– Нет... переволновался...

– Нет оснований для волнений, братишка.

– Ничего себе братишка, – захохотала Саша. – Я же вас только что собралась провозгласить мужем и женой, мысленно, правда. Привыкай, а то сейчас всю заздравную речь произнесу: «Именем Российской Федерации...», да ещё целоваться заставлю.

Они уже собрались оформлять бумаги, когда вдруг у Альбины болью скрутило живот. Он и до этого у неё побаливал с тех пор, как поселилась на даче, и она понимала, что надо бы к врачу, но всё надеялась отлежаться.

– Э-э, – испуганно заблеял новобрачный.

Саша поглядела на неё, матюгнулась и, бросив папку, схватилась за руль:

– Ближе всего тут больница скорой помощи!

Когда её, уже почти пришедшую в себя, привезли на каталке из операционной, палатная врачиха прослушала её живот и сказала:

– За беременность не волнуйся, ты просто в рубашке родилась, что сюда попала. У нас врач, что тебя принимал – у него чуйка, да ещё на той неделе был подобный случай, тоже аппендицит, и тоже на третьем триместре. Только у той не сразу разобрались, и всё хуже кончилось. А у тебя всё вовремя, лапаротомией обошлись. Так что полежишь у нас в патологии, и к концу недели выпишем.

Как только её оставили в покое, она схватилась за телефон. Саша ответила спокойно, что оформляет Бережкова в санаторий, находящийся в черте города. На благодарности и обещание сразу расплатиться, грубая Саша буркнула, что не одна Альбина хорошее помнит. Пусть радуется, что скрутило её сейчас, а не несколькими часами раньше, когда она одна-одинёшенька сидела в дачном посёлке.

– Ох, за последние месяцы я в такие пертурбации попадала, но спасалась, и каждый раз мне говорили, что в рубашке родилась. Может, всё обойдётся? Может, рубашек этих на мне слоями как на капусте?

Но рубашки кончились.

– Всё, Альбина, беги, – сказала ей Саша по телефону через пару дней. – Мне Володя Бережков позвонил из санатория. Был у него кто-то, и, судя по описанию внешности, твой Смирнов. А значит, продала тебя Анастасия Ивановна, потому что о твоём решении забрать его больше никто не знал. Бережков не рискнул позвонить тебе, потому что технических возможностей твоего бывшего не знает. Мне приехать за тобой?

– Нет, не успеешь, уходить надо немедленно. Если удастся, я тебе знак подам и Володю заберу.

Придерживая свой огромный живот двумя руками, она зашла в ординаторскую. Пусто. Подошла к рабочему столу, прислонилась животом к нему и принялась перебирать истории болезни. Почти сразу наткнулась на свою, пролистала и оторвала с последнего листа квитанцию на сданные в приёмном покое вещи, сунула в карман казённого халата и поплелась к двери, чуть не попав под её удар.

– Что вы здесь делаете?

– Мне нужно выписаться... срочно...

– Об этом не может быть и речи! В пятницу!

– А пораньше?

– Идите, Смирнова, не мешайте работать.

Ну, не мешать – так не мешать. Вернулась в палату, захватила в пакет сумочку и прочие вещи и двинулась на выход. На вопрос соседки, куда намылилась, ответила, что к ней пришли проведать. Спустилась в приёмный покой, за-

брала одежду и спряталась за лифт, чтобы одеться. Хотела выйти по пандусу, по которому подъезжали машины скорой помощи, но увидела с него, что у ворот стоит полицейская машина, и рядом с ней Артур. Ишь, какие силы привлёк! Может, стоит пообщаться, не будет же он убивать её в присутствии должностного лица? Нет, он совсем псих в последний год, не стоит рисковать здоровьем своим и малыша. Вернулась к лифту, поднялась на второй этаж, повернулась к выходу в холл, где пациенты общались с посетителями, но потом раздумала. Лучше выйти через поликлинику, там сейчас столько народа, что затеряться не составит труда. Так и оказалось. Спустилась с широкого заснеженного крыльца и увидела, как из такси женщина помогает вылезти старушке.

– Вы свободны? – спросила таксиста.

– Куда поедем?

– На автовокзал.

– Вообще-то... а, ну ладно, – промямлил он.

Она сообразила, что такси не местное и спросила:

– А вы откуда?

– Из Ефимовска.

– А мне туда и надо, – ответила не задумываясь. – Точнее, в район, деревня Бережки.

Решила, что так распорядилась судьба. Уезжать надо из города, а куда – ей всё равно. И таксист обрадовался, сказав, что на автовокзал тогда ехать не стоит, попутчиков можно взять у трамвайного кольца. Назвал цену поездки с тре-

мя или двумя попутчиками, её устроило. Предложил пересесть на переднее сиденье. Альбина согласилась, смеясь, что сзади двое к ней не втиснутся, даже если особо худенькие попадутся. И по дороге болтала с попутчиками, сообщив, что в большом городе замучили аллергии, поэтому решили с братом-инвалидом месяц-два пожить в этой деревне, откуда родом её отец, на что неожиданно получила от попутчицы предложение снять дом её тётки, который после её смерти пустует.

Попутчица жила в центре деревни, куда их довёз таксист и, развернувшись, повёз остальных попутчиков дальше, а райцентр, и уже через полчаса она, заплатив какие-то смешные деньги и познакомившись с правилами эксплуатации газового отопления, оказалась в маленьком домике, зажатом между двумя большими зданиями красного кирпича. Всё это относилось к бывшей школе, «оптимизированной» много лет назад, и переделанной под жильё. Этот самый домик был прежде школьными мастерскими.

Жизнь в деревне оказалась занятой. Если в большом городе, живя в собственном доме, соседей знала в лицо и только здоровалась при встрече, никогда не вступая в разговоры, а в многоквартирном доме на соседей вообще внимания не обращала, то тут все знали всех, и не только соседей. Поразила Альбину одна бабка, которая даже не из соседнего дома. Она заявила на следующий день после заселения, без стеснения расспросила обо всём, гаркнула через забор:

– Вась, картошки подкинь ведро, не тащить же беременной от меня!

Удивительно, но буквально через десять минут сосед ведро картошки принёс, категорически отказавшись от денег, сказал, что почти родственник хозяйки этого дома, которая умерла недавно, что рад знакомству и вообще тому, что не молодняк рядом будет жить, от которых только громкая музыка. На вопрос, откуда в деревне молодняк, ответил: «А как же, в фермерском хозяйстве только молодые работают». Он попрыгал на крыльце и пошёл домой за доской, которую пришпандорил на крыльцо взамен той, которая прогибалась: «У тебя вес, знаешь ли». Ещё больше он обрадовался привезённому через неделю Машей Володе и за двадцать минут соорудив пандус на том же крыльце для его коляски.

– Вы его не гоните, – шепнула бабка, – У него дочка замуж вышла в город, вот-вот родить должна второго. И овдовел недавно. Потерянный ходит, не дай бог, запьёт. На людях-то легче.

– Как так? Ему на вид сорока не дашь.

– И нету, милая моя, эта шалавища, дочка-то его, родила первую, когда ей и шестнадцати не было.

Бережков полюбил сидеть во дворе, подложив подушки в инвалидную коляску и закутавшись в ватное одеяло поверх куртки. Ночи ещё были морозные, но днём светило солнце, и на огороде виднелись проталинки, а в канавках журчала талая вода.

– Как хорошо на родине, сестрёнка, – щурясь на солнце, говорил он. – Даже жить хочется!

– Не для того мы из больницы сбежали, чтобы плохо жить, – отвечала она. – Живи, Володенька.

Сосед, услышав «сестрёнка», оживился:

– Так вы не супруги? А может...

Это так рассмешило Альбину, что она долго не могла успокоиться. Потом сказала, что с тех пор, как развелась с первым мужем полгода назад, уже дважды пыталась выйти замуж. За вторым была замужем неделю, потом он утонул. Третий мужем стать не успел, только собрались расписаться, как ручка у неё выпала из рук от приступа аппендицита. Ей сказали, что это синдром чёрной вдовы, и она поклялась, что больше ни на одного мужика не глянет.

Сосед отнёсся с пониманием. А Бережков потом с осуждением сказал:

– Ты что смеёшься над человеком?

– А тебе не жалко такого маленького? Я рядом с ним человек-гора! Володя, я сама собой брезгую, а представить себя перед мужиком... да тьфу!

При том, что его порыв к сближению был каким-то идиотским, этот Василий дураком не был, он был потеряннным, и всем пытался помочь. Помогал соседям с ремонтом, вечно бабки к нему какую-то старую бытовую технику носили. А поговорив с Володей, долго мотался по бережковскому кладбищу, показывая ему с камеры могилы, и разыскал-таки за-

хоронения бабушки и прадедов. И старый зэк прослезился:

– Я думал, что в богадельне кончусь. Вроде, и неплохо там было, всё ж не в тюрьме. А вот же перед смертью в нормальном доме пожил, среди нормальных людей, совсем недалеко от того места, где дом родной стоял. Аль, я ведь в эту школу до восьмого класса бегал! А в землю родную лечь... это же я вообще человеком умру!

Глава третья. ОТ ПОМИНОК ДО КРЕСТИН

За столом ни единого доброго слова в адрес покойного не прозвучало. А ведь кое-кто из земляков Володю признал. Севшая рядом с Альбиной бледная худенькая женщина сказала, что с четвёртого класса с ним училась, он к ним попал, когда на второй год остался. Вон напротив бабка с трубным голосом – эта отцу сестра родная. И даже покойная хозяйка дома, в котором Бережков три недели прожил, ему троюродной тёткой приходилась. И все вроде бы царствия небесного ему желали, а потом, забывшись, называли паршивцем. А добром поминали его бабушку, которая всю жизнь трудилась, дочь подняла, внука вырастила, а умирала в одиночестве. Так что Альбина встала потом и сказала, что знала покойника всего несколько месяцев, но спас он её от смерти, за то и взялась она его дохаживать, тем более, они в какой-то отдалённой степени родства или свойства, в девичестве она Бережковой была, и папа её отсюда родом. Тут все оживились и сочлись родством. Родни в Бережках не обнаружилось, но знакомые отца нашлись, бабка с трубным голосом по школе его помнила.

На следующее утро Альбина погрузила в такси свои скромные пожитки и отправилась в Уремовск. Ей с утра

нездоровилось, поясницу тянуло. С опаской подумала, как бы не стало хуже в дороге, ведь срок подходил уже через неделю. Когда вышли на трассу, водитель прибавил скорость, она наконец-то нашла удобное положение и стала задрёмывать. Вдруг он громко сказал: «Коробочка!» и резко свернул в сторону. Машина прыгнула с обочины через придорожную канавку, к счастью, неглубокую, и поскакала по полю. Послышался какой-то треск, водитель крикнул: «Ложись!» и вывалился на пашню, открыл заднюю дверь и стал тянуть Альбину на себя. Она выставила наружу ноги, и тут её окончательно скрутило.

Дальнейшее помнилось смутно, что-то кричал в телефон таксист, шумно дышала от боли она, потом, вроде, отпустило, потом над ней склонился полицейский и спросил, может ли она идти, на что ещё один голос отреагировал матом. Потом её грузили на носилки, и её опять скрючило. Но она всё-таки успела сказать, что всё для роддома у неё в сумках.

Через какое-то время скорая помощь остановилась, и носилки с грохотом вкатились в вестибюль. Альбина долгое время лежала, а потом повернулась на бок и попыталась сесть. С криком к ней подлетела медичка в розовой пижаме, призывая не двигаться, на что она фыркнула:

– Мне здесь рожать? И прямо в пальто?

Носилки снова куда-то поволокли. Ей помогли с них слезть и предложили сесть на кушетку. Медичка взяла её бумаги, села оформлять, а потом сорвалась с места и убежала.

– Эй, тут кто-нибудь будет работать?

– Женщина, вы у нас тут не одна.

– Мне самой у себя ребёнка принимать?

Позже выяснилось, что родильное отделение в Ефимовске и вовсе пустым оказалось. Пациенток ни души, а из персонала одна санитарка. Потом прибежала дежурная акушерка и успела-таки принять роды. И с чего это при последней госпитализации ей говорили, что в её возрасте, да с таким крупным ребёнком, да ещё первые роды естественными быть не могут – только кесарево!

Назавтра пришла другая санитарка, очень говорливая особа, и вывалила на неё все новости. По поводу её доставки сюда сказала, что было нападение на местного туза, фамилию которого Альбина пропустила бы мимо ушей, ей без надобности, только ведь фамилия эта Веневитинов! Не Славкин ли родственник? Да нет, не должно, они с Катькой его богатства бы не упустили. Туз почему-то ехал без сопровождения охраны, одной машиной. Санитарка предположила: «С чужой бабой, вот и скрытничал». Две машины взяли его машину «в коробочку», то есть сжали с двух сторон, не давая ехать. Альбинин таксист оказался опытным, из бывших военных, очень вовремя ушёл в сторону, иначе эти джипы его машинёнку бы раздавили. Они и так ему вслед из автомата пульнули. Повезло, только дверцу пробили. Те, на кого напали, все ранены и в тяжёлом состоянии, их в Новогорск санавиацией вывезли. Насчёт здешнего родильного отделе-

ния сказала, что местные роженицы предпочитают заранее ложиться в свой областной перинатальный центр, но чаще даже едут в Уремовск, он по расстоянию ближе, Ефимовский район граничит с Уремовской областью. А здесь рожают только по экстренной, бомжихи, цыганки и бедняки. Вот и сейчас нет никого... почти. Как-то она с последней фразой запнулась, но Альбине некогда было вдумываться в этот словесный понос.

А ночью она проснулась от детского плача. Тихий, отдалённый и однообразный какой-то. И безнадёжный. Она в боксе лежала с сыном, вскочила к нему. Спит её богатырь. Посмотрела в телефон: да она его только час назад кормила! А спать невозможно, душу рвёт этот плач. Вышла в коридор и пошла на звук. Вот и источник её тревоги, свет горит в боксе. В кроватке тихо плачет ребёнок. Ой, какой маленький, наверное, личико вдвое меньше Илюшиного. Как под гипнозом, даже не задумываясь, взяла на руки кроху и села на кровать, предназначенную для матери этого ребёнка, но на которой даже не было постельного белья. Распеленала, сменила памперс, снова запеленала и приложила к груди. Вот удивительно, как отличаются младенцы по запаху. У сыночка запах молочный, а от этой бедняжки пахнет лекарственной горечью, но отторжения не вызывает. Кстати, о запахе, только сейчас поняла, что в Артуре больше всего её раздражало. Отвращал запах, причём возникло это с первого дня беременности. И виноват в этом, пожалуй, её Илюшенька.

Это он чужого мужика отвергал. Хотя его биологического отца Альбина вспоминала тоже с чувством гадливости.

Заснула малышка. Альбина поспешила назад, к себе в палату, к сыночку. Отключилась моментально, стоило только привалиться к подушке.

Утром появилась заведующая отделением. Ну, какое отделение, такая и заведующая. Роженица третий день госпитализирована, а врачей ещё в глаза не видела. А эта дама сходу стала ей какие-то бумаги подсовывать.

– Что это?

– Это формальность, расписывайтесь.

– Я зрелый человек, никогда не подписываю непроверенных документов. Оставляйте, ознакомлюсь – тогда подпишу.

Та попыталась эти бумаги из рук Альбины вырвать, а когда поняла, что дело это безнадежное, заюлила, стала лепетать что-то насчёт сбежавшей роженицы, оставившей свою дочку в роддоме и не написавшей отказную, и теперь бедного ребёнка надо оформлять в дом младенца, а усыновление без отказной не оформляют. А если бы записали её как от Альбины двойнёвую, и она бы от неё отказалась, то на ребёнка бы приёмные родители нашлись.

– Бред, – рявкнула Альбина на эту мелкую пакость с высоты своего немаленького роста. – Я просмотрю эти документы, а вы зайдите через пару часов. И учтите, ко мне сегодня следователь должен прийти. Если я не услышу внятных ответов на все мои вопросы, вам не поздоровится!

Сразу после этого разговора в бокс просочилась со шваброй говорливая санитарка. Альбина ей кивнула:

– Выкладывай всё про девочку.

Баба оживилась и застрекотала. Насколько точны были её сведения, Альбина даже не пыталась предположить, но решила, что истина всё равно ближе к ней, чем к этой врачихе-аферистке. Со слов санитарки, юная мамаша – студентка первого курса колледжа, шестнадцати лет ещё, дочь приличных родителей. И юный папаша тоже из почтенной семьи. Девочка появилась на свет чуть недоношенной, и преждевременные роды были, похоже, этой мамашей спровоцированы. Девчонка удрала сразу, мать её обратилась к заведующей с просьбой её документы изъять и записать дитя на какую-нибудь бомжиху, чтобы не позорить честное имя благородных родителей. Предпринималась попытка подключить родителей юного папаша, но те поелозили ватной палочкой во рту младенца и на следующий день заявили, что по экспресс-анализу вероятность отцовства ноль процентов: «Как пить дать, брехня, наверняка анализ не делали, а вот заведующей на лапу точно дали». В общем, заведующая вся в шоколаде, полученном от благородных родителей, а ребёнок в собственном дерьме, хотя по бумагам не существует, и в отделении его как бы нет. А Альбина сюда с полицией доставлена, так что зря заведующая с ней связалась. Тут Альбина её прервала и сказала, чтобы та свою начальницу сюда позвала.

– Вот, отказную я порвала, – сказала она. – Переоформ-

ляйте полностью все больничные документы, как будто я у вас с самого начала наблюдалась с многоплодной беременностью, родила и детей забрала. Оформляйте мне свидетельства о рождении на двоих детей. Вот свидетельство о браке, фамилия их будет Веневитиновы. Ничего, лично побегайте с оформлением, я у вас большую головную боль снимаю. Но и вы учтите, никакой информации биологическим родственникам! А то одумаются через месяц или через десять лет, начнут права качать. Скажете, что отказную я передала из рук в руки приёмным родителям, а вы действовали через посредницу и даже фамилии их не знаете.

– А вы уверены, что не захотите потом от неё отказаться?

– Я её уже приняла, я её кормила дважды. Только вы санитарку свою как-нибудь изолируйте, больно она у вас информированная и общительная.

– Её не заткнёшь, – подумав, сказала врачиха. – Сделаем так. Вы уедете с сыном, девочка останется здесь. На такси доедете до моего дома и часок там посидите. За это время я санитарку куда-нибудь отправлю и привезу ребёнка домой. А вы уже дальше... как хотите.

Через пару дней Альбина ехала на такси в Утятин. Так получилось, что позвонила Вавилову, а он заныл, что не может сразу освободить её квартиру и предложил пожить в этом курортном райцентре, где прекрасная экология, тишина, кругом леса, озёра и прочие радости. И Смирнов далеко. Этот аргумент оказался самым весомым. Она не могла понять его

желания с ней встретиться, но опасалась. С ребёнком она была беззащитна, а тем более с двумя.

Потом она часто вспоминала эти свои сомнения по поводу переезда, гуляя ли по улочкам маленького города или укладывая детей спать в коляске во дворе в кружевной тени яблони. Разве могла она так размеренно жить в областном центре с его автомобильными пробками, загрязнённым воздухом и нервными прохожими? А здесь они сколько угодно находились на свежем воздухе, только раз в два дня забредая в сетевой магазин за продуктами или на рынок за свежими овощами и фруктами. И всё в шаговой доступности, да и весь город можно было обойти за час. Через пару месяцев она всерьёз была настроена, чтобы использовать материнский капитал для покупки здесь жилья, да хотя бы этого крошечного домика в самой непрестижной городской слободе, называемой Ветошники. Вполне можно здесь жить, пока дети маленькие. А для их взрослой жизни есть у неё квартира в областном центре. Правда, с работой здесь тяжело. Ну, да она неприхотлива, хоть в санитарки устроится. Плюс за аренду квартиры выплаты. Словом, как-нибудь проживут они втроём.

Да, этот город – внезапная её удача. В рубашке она родилась... ой, только не это! Вспомнились её «рубашки», что после развода накопились, и озноб по телу пробежал. Села считать. Сначала её ограбили. Ладно, это была провокация с её стороны, можно не учитывать. Потом её Артур жестоко

избил. Затем её топили. Следующая «рубашка» накрыла её пожаром... да, там ещё падение было на мокром полу, и не спаслись бы они с сыном, если бы инвалид самоотверженно руки не подставил. Что там дальше, аппендицит? И своевременный побег от Артура. А как попала в бандитскую разборку на дороге? И ни бандитская машина не задавила, ни такси не перевернулось, ни под автоматную очередь не попала. Ну, не могла она не забрать доченьку Инночку, ведь может быть, эта цепь счастливых случаев специально вытянулась от Альбины к солнышку этому курносому? Вон коляска ходунном ходит, доченька крутится, ножками сучит, но молчит. А стоит Илюшеньке проснуться и зареветь, как она следом запищит, пытаясь на себя мамино внимание перетянуть.

Лето удивительно щедро нынче. Дождей мало, стоит прекрасная погода, если бы не её статус кормящей матери, она бы каждый день плескалась в озере. Дети подросли, но пока не нуждаются в прикорме, материнского молока хватает. Округлилось личико у Инночки, теперь она не выглядит заморышем рядом с малоподвижным братом, который родился богатырём в четыре с половиной килограмма весом. Но всё равно их непохожесть режет глаза окружающим. А ещё Альбина здорово похудела. Даже не столько похудела, сколько воды из тканей ушло. Она не может себе позволить диету, ведь двоих кормит, но понемногу качает пресс и руки-ноги. Вздыхает, проходя мимо зеркала, потому что на лице проступили морщины, как говорится, все сорок два года нали-

цо. Ей ещё предстоит забирать детей из садика и слышать: «За вами бабушка пришла!» Будь у неё денег побольше, задумалась бы о пластике лица и корректировке фигуры. Но расходов слишком много, на одних памперсах разоришься!

Мысли о тюнинге внешности прервал телефонный звонок. Вавилов звонил, что её разыскивают по месту регистрации. Нет, не Смирнов, дама. У него сейчас приглашённый столичный повар в этой квартире живёт, вот к нему она обращалась, номер телефона оставила. Что за женщина? А посмотри, вот с камеры ресторанной снимок. Да-да, дама настойчивая, по месту работы Вавилова разыскивала, но он в тот день к родственникам ездил. Чёрт побери, вот и потребовалась очередная рубашка, чтобы от беды прикрыть. Хоть и неважного качества изображение, а узнаваемое: заведующая родильным отделением Ефимовской ЦРБ.

Некоторое время Альбина находилась в ступоре. Но, имея двух грудных детей, временем не располагаешь, чтобы торозить. Пришло время кормить, переодевать, укачивать. Нет, лучше пройтись, у ребятшек колясочный рефлекс, в движении они быстро засыпают. Вышла на улицу и покатила в центр, заодно надо приглядеть одежду для детей на осень. Брела, пытаясь собрать мысли в кучу. В сквере мужик на неё так зыркнул, вроде как знакомый. Может, просто встречала на улице, городок же небольшой. Но что-то тревожное во внешности, какое-то ожидание беды. Очередная пакость? И что с ней делать? Бежать? Нет уж, хватит, набегалась.

Альбина присела на скамейку, оставив коляску на дорожке, чтобы звонок детишек не разбудил, и набрала оставленный врачом номер.

– Я вас предупреждала, чтобы никакой информации биологическим родственникам! Что случилось?

Та зачастила, что с молодым папашей случилось несчастье, он разбился на машине и, скорее всего, останется парализованным, так что теперь бабушка по отцу жаждет вернуть внучку.

– Вы что, думаете, если эта история всплывёт, вы останетесь на свободе? Да вас закатают на вполне реальный срок, а учитывая, что вы делали это не бесплатно, ещё и домик ваш под конфискацию попадёт.

– Но, может, ваше сердце откликнется на страдания матери...

– Да бросьте вы эти розовые сопли! Эта мать подделала тест ДНК, и страдания внучки ей были до фонаря.

– Я прекрасно понимаю, но они грозятся нанять частного детектива. А найти вас не составит труда.

Альбина это тоже понимала. Ненадолго задумалась, а потом её осенило:

– Значит, так. Куда там они на операцию этого мажора везут, в Израиль? Скажите им, что у девочки выявлена сердечная патология, какая – вам как врачу придумать нетрудно. Приёмные родители собирают деньги на операцию. Они в отчаянии, и если бабка оплатит операцию девочке и забе-

рёт её с собой туда, то они от ребёнка откажутся в пользу биологических родственников. А если не хотят с больным ребёнком возиться и деньги тратить, посоветуйте им сперму заморозить, в Израиле это, говорят, принято. Сделают себе внуков хоть полную кошёлку, здоровеньких и заданного пола.

Врачиха вздохнула с облегчением:

– Это вы здорово придумали. Мадам с большими претензиями, ей больная внучка ни к чему.

Уже через час перезвонила, и с радостью сообщила, что только она кинула мадам идею про запас спермы, и внучка ей стала не нужна, мы, мол, внука закажем. Тысяча извинений понесли от врачихи в адрес Альбины и заверения, что никогда больше она её не потревожит.

Фу, ну хоть от этой напасти удалось отбиться!

Альбина сунула телефон в карман коляски и решила дойти до берега. У неё всё ещё тряслись руки от пережитого стресса, а плеск воды успокаивал. И вот когда она выбралась к реке и села на деревянные мостки, спустив ноги в воду, лицо встреченного мужика внезапно всплыло в памяти, и она выдохнула: таксист! Тот самый, что умело ушёл от столкновения и тащил её из машины. Но он же из Ефимовска! Шёл по скверу пешком, то есть не проездом здесь. Может, отдыхать приехал или в гости? Стало понятно, почему возникло ощущение грядущей беды, это не предчувствие, а память о пережитой опасности. Но опять в душе поднялась паника:

а вдруг как опять что-то против неё? Она себя успокаивала, вспоминая, что о нём санитарка говорила: то ли отставной военный, то ли контрактник. Чёрт, что же так тесен мир? Ещё не хватало Артуру в Утятин на отдых приехать!

И через несколько дней встреча состоялась. Не с Артуром, к счастью. С тем самым таксистом.

Чтобы не было неприятных встреч, Альбина предпочитала ходить по безлюдным местам. Поэтому, пройдя по необходимости через рынок, пересекла сквер и по Храмовой улице двинулась к тянущейся параллельно берегу улице Чирка. Она спустилась к реке и пошла по тропинке мимо глухих оград особняков, выстроенных в последние годы. Этот микрорайон в народе назывался Хамские выселки. Альбина покосилась на кирпичные ограды и согласилась с названием: есть же, в конце концов, санитарные нормы строительства, нельзя строиться так близко к воде! А эти... удобно устроились. У каждого мостки напротив калитки, выходи да ныряй. У кого-то элинг, слип от него, катерок у причала покачивается. Вот мужики стоят покуривают, все трое быки под два метра, то ли спортсмены, то ли бандиты. А из-за забора тихий однообразный младенческий плач. Она даже споткнулась:

– Господи!

– И чем вам детский плач не понравился, – набычился самый неприятный из них. – У самой вон... двое, – и без стеснения заглянул в оба отделения коляски.

– Сиротский плач, – вырвалось у неё. – Так плачут брошенные младенцы.

У мужика желваки на скулах задвигались.

– Идите, посмотрите, – подошёл он к ней вплотную. – Ну, где тут сирота?! Коля, открой калитку.

– Здравствуйте, – тихо сказал ей этот Коля.

– О, таксист, – опять у неё язык раньше мозгов включился. – Как вы здесь оказались?

– Вот, Дмитрий Михайлович пригласил работать водителем.

— А, так это тот самый, из-за которого я раньше времени родила? Веневитинов?

Через паузу этот Дмитрий Михайлович тоже задал вопрос:

– Так это твоя пассажирка? Не бойтесь, не обижу, заходите.

Альбина пожала плечами и двинула коляску к калитке. Во дворе на дорожке стояла навороченная коляска, которую яростно трясла высокая и очень худая молодая девушка.

– Эй, нянька, потише, – возмутилась Альбина. – Ты все мозги у ребёнка вытрясешь.

– У меня диплом педагога, – свысока сообщила эта оглобля. – И опыт работы с маленькими детьми.

– А у меня диплом строителя и двухмесячный материнский стаж, – ухмыльнулась она. – Ну, кто у нас тут? Мужик, вижу. Вы памперс с него снимите, пусть голеньким на воз-

духе чуть-чуть побудет.

– Ну, объясните, почему плач моего сына вы назвали сиротским?

— Вот, видите, моя дочь уже не спит, но ещё не плачет. Когда проснётся сын, он заорёт почти сразу. Это будет требовательный плач: «Мать, дай пожрать». Сразу к воплю присоединится Инночка. У неё будет жалобный, я бы сказала, артистический плач: «Неужели ты будешь первым кормить этого проглата, когда я такая голодная?» Понимаете, дети интонируют, потому что им есть к кому воззвать, кто их желания понимает. А этот однообразный плач – он о том, что всё плохо. Я его от отказников по больницам наслушалась. Вы не обижайтесь, но я ведь угадала? Мама в данный момент отсутствует?

Дмитрий Михайлович промолчал. Понятно, значит, не только в данный момент. Альбине ни сердить, ни расстраивать этого ни в чём не повинного перед ней мужика не хотелось, поэтому она переключали его на решение её собственных проблем:

– Ну, поскольку вы меня сами сюда пригласили, так я вон ту беседочку займу, мне надо детей покормить.

Она распеленала завопившую в ответ на плач брата дочь, бросила матрасик на скамью и положила её рядом с хозяйским сыном. Инна совершенно таким же жестом, как он, раскинула руки и сжала их в кулачки. Мужики дружно заржали:

– Вот кто на двойняшек похож!

А его отец сказал:

– Сейчас сфоткаю, а лет через двадцать дразнить буду, что он рядом с обнажённой красоткой лежал без всяких эмоций, – а провожая её с накормленными и перепелёнными детьми, всё-таки спросил. – Неужели так видно, что сын мой без матери растёт?

И Альбина пояснила:

– Плач сиротский, конечно. И мать родная по-другому с ребёнком обращается, она бы столько времени сыну надрываться не позволила. Значит, с ребёнком няня. А если бы в этом доме была хозяйка, она никогда бы не пустила в дом такую красотку. Эта няня, скорее, принята, чтобы хозяина укачивать, чем младенца.

Ушла она под ржанье мужиков и тихое хихиканье няни, которая на её предположение, судя по её настроению, совсем не обиделась.

В последующие два месяца всё было спокойно. Дети подрастали, Альбина не была так безумно загружена, как достаётся обычно молодым мамочкам. Малыши были здоровы и давали поспать ночью. Ей не нужно было тратить много времени на готовку и уборку, ведь готовила она только себе и убирала только за собой. А представить себе, что она жила бы в доме Смирнова... ну нет, такое и в страшном сне не привиделось бы!

Почему в её памяти чаще стали возникать сожаления о своей почти двадцатилетней семейной жизни? Её мучил во-

прос: когда же возникла ненависть Артура к ней и чем она была вызвана? Скорее всего, его после сорока настигли мысли о собственной несостоятельности. Он не состоялся как отец, поэтому решил утвердиться в роли хозяина и начал подчёркивать то, что Альбина в их фирме – седьмая спица в колеснице. На самом деле это было далеко не так. Конечно, он всегда был главным. Он договаривался, командовал, его слово было окончательным при решении. Но и Альбина вкалывала наравне с ним, она в институте училась лучше, память у неё была прекрасная, она держала в голове нормы, марки, артикулы, цены, телефоны. Они были тандемом. Почему же он стал в последние годы так яростно выпихивать её из бизнеса? Не женщина этому была виной, бабы у него были всегда. Скупость, завистливость – это из родительской семьи, свекровушка её была редкостная жаба. Ладно, уговорил бы Смирнов её поделить добро с уступкой, но ведь он начал руку на жену подымать! Альбина корила себя за то, что так долго терпела. Уйди она раньше, и жизнь по-другому бы сложилась. Не хуже она других, нашёлся бы мужчина, с которым всё бы получилось: и дом, и достаток, и дети. А может, ещё хуже было бы? Разве плоха её жизнь? Всё есть, и жильё, и детки. А мужик нужен ли? Наоборот, если бы Артур окончательно исчез из её жизни, кажется, ничего бы больше у судьбы не просила.

Альбина в эти последние спокойные месяцы увлеклась чтением. Она и раньше читала, но урывками, когда время

было: или когда в работе застой, или во время болезни. Последние полгода жизни со Смирновым, когда осела дома, читала запоем. Но большей частью любовные романы. И здесь первое время в библиотеке брала этот жанр. Но потом как-то задумалась о том, что серьёзную литературу не держала в руках со школьных времён, и устыдилась. У неё же дети подрастают, будет стыдно, если они вырастут и поймут, что мать их – особа неразвитая. С тех пор, набирая сумку книг на неделю, она стала прихватывать одну из классики. Для начала взяла «Историю одного города», решив по обложке, что книжка должна быть не очень серьёзной. Читала её чуть ли не до утра, смеясь тихонько, чтобы не побеспокоить детей. И следующий раз тоже Салтыкова-Щедрина взяла, «Господа Головлёвы». Дочитав, заплакала. Илюше, внимательно смотревшему в её лицо, сказала

– Всех жалко, даже негодяев. Я вас правильно постараюсь воспитывать и любить буду одинаково.

Потом сама над собой посмеялась. Но книги продолжала читать.

Как-то к ней в гости нагрязнул Дмитрий Михайлович. Она удивилась: вроде бы, адреса своего она ему не называла. А он пояснил, что в Утятине для такой мелочи детектива нанимать не надо, стоит лишь остановиться на дороге любую женщину и спросить, не знает ли она, где живёт мать двойняшек. Она кивнула, сдержавшись, чтобы не добавить «мать престарелая, баскетбольного роста, весом побольше центнера». А

ведь что-то из этих примет наверняка прозвучало! Гость попросил:

– Посмотрите, пожалуйста, моего Игорька материнским взглядом, достал он меня своим плачем!

– А врач смотрел?

– И не один раз. Здоров, говорит. Колики.

Альбина считала это дело бессмысленным, но после длительного уговаривания всё-таки доехала до особняка, оставила коляску в детской, пусть, мол, втроём поорут, расспросила няньку и даже покопалась палкой в мусорных контейнерах.

– Как вам не противно? – сморщился наблюдающий за ней хозяин.

– Ну, если вы собственным ребёнком брезгуете, – пожалала она плечами. – А я должна была слова няньки проверить.

– И что?

– А как бы вы плакали, если бы три дня в туалет не ходили?

После удачного применения укропной воды он проникся к ней почтением и предложил работу домоправительницей. Она в ответ напомнила ему, что находится в отпуске по уходу за детьми и в работе не нуждается. Тут в ход пошли аргументы о бесплатном благоустроенном жилье, завидной зарплате и наёмных няньках, которые будут смотреть за всеми тремя младенцами, а она только контролировать работу всей obsługi в доме. И Альбина была вынуждена сообщить ис-

тинную причину:

– С вами опасно находиться рядом, Дмитрий Михайлович.

– Это были рейдеры. Они меня прогнули, и контрольный пакет я отдал, но не им, конечно. Теперь я никому не интересен и соседство моё не опасно. А вот с вами, как я заметил, всё не так благополучно. Вы ведь чего-то боитесь?

– Мои страхи обычные бабьи. Я прячусь от бывшего мужа.

– Вы скрываете от него детей?

– Что?! Нет, дети не от него, – она покосилась на его недоверчивую мину и решила быть откровенной. – Мы с ним прожили почти двадцать лет, у меня были некоторые проблемы, которые вовсе не исключали возможности родить. Но не получалось. Он проверялся, и вопросов у медицины якобы не возникло. Я несколько лет лечилась, чем весьма подорвала здоровье. А он звал меня пустоцветом и гулял почти в открытую. И однажды я решила отзеркалить. Случайный контакт... надо сказать, весьма хреновенький – и сразу беременность.

– Простите, а это точно от случайного контакта, а не от законного супруга?

Альбина засмеялась:

– Никакого сомнения ни у меня, ни у него. Его супружеский долг уже тянул на банкротство.

– Тогда какой у него к вам интерес?

– Сама в раздумьях. Но приближаться боюсь. Последняя

встреча закончилась серьёзными побоями. Зная его с детства, не сомневаюсь, что интерес материальный. Но ума не приложу, что он с меня надеется поиметь. При разводе я взяла самую малость, чтобы только он из меня плод не выбил. Правда, обманула, сказав, что смертельно больна, и, если он не хочет выгребать из-под меня дерьмо, то надо срочно разводиться.

Через пару дней Дмитрий Михайлович пришёл к ней с подробностями о нынешней жизни её бывшего супруга, даже некоторые документы приволок. Да, его бизнес здорово пошатнулся. Ещё и бухгалтер сбежала, здорово пощипав его счёт. Ну да, старую он выжил, а новая... понятно, что она была выбрана по экстерьеру.

Как-то Альбина шла через рынок, уже возвращаясь с прогулки. Начал накрапывать дождь, и она нырнула в торговый павильон, чтобы закрыть коляску и вытащить себе накидку.

– Как вы удачно зашли! Есть джинсы на вас, – сказал продавец прямо с порога.

– На меня?

Альбина ухмыльнулась, представляя свою тушу в джинсах.

– А вы померяйте, за погляд денег не берут, – выглянула из своего отсека красивая брюнетка, несмотря на дешёвый прикид, напоминающая дам с картин Брюллова. – Гена, поддержи коляску.

Вот и лишнее подтверждение, что в Утятине адресный

стол ни к чему. Джинсы пришлись впору, но слегка тесны в поясе. И продавщица сразу выпалила:

– Вы за лето вон сколько скинули! Пока в петлю дополнительный шнурок вставим, а через месяц будут как влитые!

То есть она эту пару видит впервые, а они следят, с какой интенсивностью она худеет! Да ещё стоящая в проходе молодая девушка кинула реплику:

– А я давно, как вас вижу, так собираюсь вам повестку послать на стрижку. Вы достаточно уже их отрастили, чтобы сделать «Каскад». Пойдёмте, всё равно дождь разошёлся, а Гена за детьми приглядит, он у нас нянь опытный.

В общем, вернулась она с рынка с покупками и стрижкой. Оделась, повертелась с удовольствием перед зеркалом и решила, что не грех показаться старым знакомым, пусть оценят, как хороша её безмужняя жизнь. И позвонила Дмитрию Михайловичу: предлагал помощь – вперёд и с песнями!

Когда его джип подъехал к её съёмной избушке, она уже выдвигала коляску из калитки. Трое мужиков, вылезавших из этого монстра не нашего автопрома, застыли с разинутыми ртами. Где та тётка, что ходила в выгоревшем мешковатом плаще и с небрежно заколотыми волосами, похожими на паклю, тёмными от корней и высветленными и посечёнными на кончиках? Альбина и сама впервые за многие месяцы почувствовала себя женщиной, хотя её одежда была скорее байкерской: джинсы, кожаная куртка, грубые башмаки. Только стрижка была женственной, и оттого воодушевлённо

блестели её глаза.

– Блин, вот это преобразование, – вырвалось у Дмитрия Михайловича. – Это вы для мужа так приоделись?

– Для бывшего? Нет, скорее, в надежде подцепить нового, – рассмеялась Альбина.

Дмитрий Михайлович взял с собой сына, поэтому на заднем сидении были пристёгнуты три автокресла-лежака со спящими младенцами, а Альбина устроилась во втором ряду. По дороге они обговорили свои действия. Альбина решила заявиться внезапно, но не к Смирнову, а к Вельцману. Он в их АРАЛе подрабатывал на полставки, а основное место у него было в одной адвокатской конторе. Поскольку она не сомневалась, что юрист тут же вызовет своего работодателя, то было решено взять с собой сопровождающего. Все трое, и Дмитрий Михайлович, и водитель-охранник Николай, и охранник Костя были мужиками крупными, но для визита Альбина выбрала Костю:

– Он из вас самый представительный!

– Чего от них можно ждать? – спросил Костя.

– От Артура – удара исподтишка. На откровенное нападение он решился только раз, в самую нашу последнюю встречу. А до этого двигал рукой или ногой... или бросал что-то... ну, якобы случайно. Примерно в половине случаев мне удавалось увернуться.

– Говнодавы вы для него обули?

Альбина закивала, смеясь:

– И ещё в сумке кирпич. Силикатный.

– А это зачем?

– Подставлю ему сумку как-нибудь неловко. Не удержится, или рукой толкнёт, или ногой по ней двинет.

Представилась секретарше, и пришлось присесть, Вельцман выдержал паузу. Альбина не сомневалась, что первым делом он позвонил Артуру, а потом ещё некоторое время тянул, чтобы меньше говорить в отсутствие Смирнова.

Выждав положенное время, Альбина поднялась:

– Я вижу, господин адвокат пошёл в гору, и у него образовалось слишком много дел. Придётся обратиться к кому-нибудь менее занятому.

– Ах, простите, – заюлила секретарша. – Мне было сказано, чтобы я пригласила вас, как только телефонный разговор завершится, а я заработалась и не заметила, что лампочка давно не горит.

Всё знает, крыса канцелярская, только, в отличие от Артуркиных подстилок, тут личная преданность. Хоть ножом её режь, хоть миллион предлагай – хозяина не продаст. И Вельцман такой же, коль на Артура работает, то Альбине от него пощады не дожидаться. Поэтому она придвигает стул к его рабочему столу, ставит сумку на пол и сразу берёт быка за рога:

– Смирнову позвонил? Он скоро будет?

Вельцман вглядывается в её лицо. Понятно, прикидывает, стоит ли поиграть на нервах. Понимает, что не стоит и

говорит:

– Артур скоро подъедет. Вы замечательно выглядите, Альбина Васильевна... особенно в связи со своим серьёзным заболеванием. Впрочем, слышал я, что при ближайшем рассмотрении опухоль превратилась в ребёнка?

– Двух. Королевская двойня у меня.

– Поздравляю. Рад за вас.

– А я-то уж как рада!

Тем временем Костя берёт стул, пристраивает его рядом с Альбиной и присаживается, ногой отодвигая её сумку. У неё дёргаются губы в попытке сдержать улыбку. Вельцман переводит взгляд на Костю:

– Э... ваш спутник?

– Охранник.

– Не думаю, что вас поджидает опасность в моём кабинете.

– А Артур?

И тут как раз Артур влетает:

– Альбиночка! Как я рад!

Костя, не вставая со стула, отодвигает его. Артур оценивает размеры противника, вопросов не задаёт и обходит посетителей, протягивая для пожатия руку хозяину кабинета. По пути он небрежно бьёт носком туфли сумку. Бинго! Туфли дорогие у него, тонкой кожи, он же на машине, не имеет привычки пешком грязь месить. Подскакивает на одной ноге, и тут Альбина встаёт и со всей дури наступает на эту ногу. Ар-

тур шлёпается на пол, а Альбина радостно говорит:

– Ай, какая же я неловкая! Хотела помочь, а получилось, что добавила.

– Дура!

– Ой, неужели тебе больно? Да ладно, не прикидывайся! И давайте уже к делу перейдём, выкладывай, что тебе от меня нужно?

– Дура, я же помириться хотел!

– И всё? Ты с полицейским ко мне в больницу скорой помощи прилетел, чтобы помириться? Придумай что-нибудь поумнее.

– У нас же дети!

Альбина поперхнулась, хотела что-то сказать, но осеклась. Перевела взгляд на Вельцмана. Потом села, положив ногу на ногу, и вкрадчиво сказала:

– Я понимаю, ты у нас пустояйцый, как детей делают, знаешь только в теории. Но должен понимать, что воздушно-капельный путь исключается. А иным мы года два не контактировали. Ещё раз повторяю, и третий раз не буду: я приехала, чтобы выяснить, что тебе нужно, договориться и расплестись навсегда. Итак, последнее слово Артура Смирнова!

Артур встал с пола и дохромал до стула у стены:

– Ты решительно отказываешься мириться?

– Не я эту войну затевала. Ты напал – я отступила. На счёт совместной жизни даже не заикайся, твоя ненависть ко мне аршинными буквами на морде написана. А уж как ты хо-

чешь прибить моих детей, я даже представить себе боюсь. В чём твой материальный интерес? Мне стоит проверить свою квартиру? Может, там под половицами бриллианты спрята- ны?

Тут Вельцман вступил:

– Похоже, супругам Смирновым договориться не удаст- ся...

– Бывшим, – перебила его Альбина.

– Пусть так. Артур, у тебя есть ещё что сказать?

– Альбина, разве мы плохо жили, – сдержанно начал тот. –

Ну, кризис среднего возраста, погорячились. Трудно ведь те- бе без мужика. Давай начнём с чистого листа. Распишемся, я усыновлю твоих детей...

– А что, по мне видно, что я стала жить хуже, чем с тобой?

Аргументы какие-то есть, чтобы я вернулась под мордобой?

Нет, правды мы тут не услышим. Костя, пошли!

– Задержитесь ещё на несколько минут, Альбина Васи- льевна, у меня есть ещё один клиент с вопросами к вам.

Через паузу входит Сашка Слон с какой-то женщиной. У неё вырывается нервный смешок:

– А этому-то что надо?

– Мой клиент настаивает на своём отцовстве.

– А отцовство ему зачем? Если хочет платить алимен- ты, мог бы делать это в добровольном порядке. Или моим детям что-то материальное причитается? Какое-нибудь на- следство?

Глядит Альбина при этом на Артура как самое слабое звено. Но краем глаза видит, что не только он дёргается, проявляются эмоции и у Сашки. Только Вельцман сидит неподвижно как индийский божок.

– Вы категорически отказываетесь от признания отцовства? Здесь специалист по проведению ДНК. Мы заставить вас не можем, но есть же и негласные методы. А потом мы обратимся в суд...

Поскольку Альбина после того, как подняла Костю, так и не присела, то она видела в окно, что Дмитрий Михайлович носит на руках Инночку. Ясно, она первой голос подала, и он вынес её на улицу, чтобы не разбудила мальчишек. И её осенило:

– Вам достаточно одного ребёнка? Вот, дочь проснулась, идём, можете у неё взять. А специально будить сына ради этой фигни я не дам.

Она застегнула куртку и пошла к дверям. Костя держался рядом, вся компания двинулась за ними кроме Артура, который остался сидеть у стены, со злостью вертя оттопанной стопой. Альбина кивнула медсестре:

– В темпе давайте, и мы поехали.

– Желательно бы обоих...

– Нет, я сказала!

Из машины грянул рёв. Дмитрий Михайлович поглядел на расстроенное лицо Альбины и нырнул в машину, тут же вернувшись с Игорьком:

– Быстро, пока я добрый! Аль, это твой кто? Муж драчливый или партнёр неполноразовый? Ребята, грузитесь, детей кормить пора! Сначала в городскую квартиру, а потом домой.

Сашка покраснел, растерянно глядя на Альбину.

– Босс, что это было? – спросил Костя, когда они отъехали.

– Альбина Васильевна теперь у меня домоправительницей работает, – с ухмылкой покосился на неё Дмитрий Михайлович. – Можно сказать, родня. Что же я, генами с ней не поделюсь?

А позже, в его городской квартире, когда она в его спальне кормила своих детей, он без стеснения зашёл к ней, держа своего сына на руках, присел на кровать и зашептал:

– Понял я теперь, чей сиротский плач ты описывала. Ну, не могут двойняшки быть настолько непохожими! Девчонку пожалела? Пожалей и моего сына. Ну, не справляюсь я! Я не шантажирую, а прошу. Игорь почти такой же сирота. Слушай, не возникнет вопроса, что дети генетически абсолютно разные?

– Не думаю, что они будут делать полный анализ. Скорее всего, это просто ответ на вопрос: отец или не отец? Ни Игорю, ни Инне он точно не отец. Теперь рассказывай, где мать твоего сына.

Альбина уже согласилась работать у Дмитрия Михайловича, видя в этом много плюсов: жить под охраной, получать

достойную зарплату, иметь возможность ненадолго расставаться с детьми, оставив их на няньку, но, услышав историю его отцовства, в сердцах сплюнул:

– Кобель – он и в Африке кобель!

Они с женой прожили много лет, почти столько же, сколько Смирновы. И жили примерно так же, сам признался, что регулярно ходил налево. Только агрессии не было, как он утверждал. О детях не задумывались, только в последние годы жена вдруг о них заговорила. И тут выяснилось, что не в порядке её репродуктивное здоровье. Встал вопрос о суррогатном материнстве. Она реагировала очень болезненно, поэтому, когда выяснилось, что её яйцеклетки даже для зачатия в пробирке не годятся, врач посоветовал подобрать в качестве донора женщину, внешне похожую на жену, а ей не говорить, что это не её материал. А у альфа-самца выиграло ретивое: чего это он пойдёт по столь извилистому пути, если он может ребёнка нормальным путём сделать? Короче, он предложил сурмаме этот прямой путь, и она ему не отказала. Да, замужняя женщина с двумя детьми и уже успешно один раз заработавшая на суррогатном материнстве согласилась, что естественное зачатие без стимулирования овуляции, в отличие от ЭКО, полезнее для её здоровья. Нет, это не было чисто бизнес-встречами, встречались они с большим удовольствием и неоднократно, чтобы закрепить успех дела. И после тоже, за что и поплатились – жена застучала. Развод был молниеносным, Дмитрий ей много уступил и обещал

щедро помогать ребёнку, однако с удивлением услышал, что ребёнок от предателя ей ни нафиг не нужен. Он предложил сурмаме щедрые выплаты на ребёнка, и в ответ услышал почти то же самое: ребёнок от левого мужика ей, мужней жене, не нужен. Бери ребёнка, гони бабки по договору и вали! Все бабы суки!

– Далеко не все, просто ты по своей кобелиной натуре сук выбираешь, – возразила Альбина.

Словом, не так не уж права была информированная санитарка Ефимовского роддома, когда предположила, что в машине Дмитрий Михайлович был с чужой женой: в тот день, когда его взяли в коробочку, он вёз фальшивую сурмаму, жену другого мужика, в их роддом, где была договорённость с заведующей родильным отделением о родах и последующем оформлении младенца. Но вследствие травм роженицы и отца-младца их на вертолёт отправили в Новогорск. А оттуда уже они разъехались по домам, он с сыном, а она – официально отказавшись от него и получив деньги.

На третий день переселения в особняк Дмитрия Михайловича позвонил Вельцман и попросил о встрече. Не считая нужным скрываться, она назвала адрес. Приехали трое: Вельцман, Смирнов и некто третий, представившийся адвокатом столичной конторы. Смирнов пробормотал:

– Надеюсь, ты поступишь со мной по справедливости...

– А Сашка, одноклассник мой, где? – перебила его Альбина. – Алименты не собирается платить?

– А ты сама знаешь, от кого родила?

– Я-то в курсе, мои дети на него записаны, мне только интересно, что вам от моих детей нужно?

Тут в разговор вмешался москвич и пояснил, что душеприказчиками её дяди Павла Васильевича Бережкова ему поручено разыскать наследников, и она с детьми может претендовать... ну, и так далее. Альбина засмеялась:

– Такие «письма счастья» по имэйлу охапками рассылают.

Тот холодно заметил, что лично явился с копией завещания, и ему надо только убедиться, что она – единственный потомок Василия Васильевича, родного брата наследодателя. Альбина вздохнула: если бы полгода назад на поминках по Володе Бережкову односельчане не прошерстили её родословную, у неё бы сейчас в зобу дыханье спёрло. Поэтому попросила немного рассказать об её якобы дяде. А выслушав, заявила:

– Эх, из-за вашей небрежности меня Смирнов по окрестностям гонял, и вместо того, чтобы спокойно носить в утробе плод горячей любви, я как жучка от этого алчного придурка бегала! Сейчас найду я вам наследников!

Она набрала сохранившийся в телефоне номер соседа по Бережкам Василия и спросила, кто из жителей деревни лучше всего знает деревенские семейные связи. По полученному номеру она сцепилась языками с некой тётёй Нюрой, у которой спросила, не получал ли кто лет пятьдесят назад письма из Канады. Выслушала её, поблагодарила и сказала сто-

личному гостю:

– Вот теперь отправляйтесь в деревню и навестите единственную наследницу канадского миллионера. Ещё полгода назад наследников было двое, причём Володя Бережков как наследник мужского пола согласно этому завещанию имел перед тёткой преимущество. Ну, а теперь всё достанется ей, одинокой старухе лет под восемьдесят. Надеюсь, соседи не дадут её обидеть, они хорошие люди. Я их предупредила.

– Но это точно?

– Точнее не бывает. Было в деревне два полных тёзки, оба переехали в Пружинск почти одновременно, только мой папа, ещё подросток тогда, с матерью, а другой – с новой бабой от двоих детей сбежал. И брат этого предателя родины двадцать девятого года, а мой папа тридцать девятого, отец его на фронте погиб, и молодая вдова, моя бабушка, папу растила одна, больше детей не имела. В областном архиве можете найти соответствующие записи. И наконец-то от меня Смирнов отвалит. Ну не будет у меня канадских долларов!

В ближайший выходной в гости приехали сёстры Маша и Саша, чтобы стать крёстными для её детей. А Альбина стала крёстной матерью Игорьку.

Глава четвёртая. ОТ ОСОБНЯКА ДО БИЗНЕС-ЦЕНТРА

Дима только после часа опомнился. Позвонил:

– Альбина, ты где?

– В Новогорске.

– И что ты там делаешь?

– Живу.

Некоторое время он сопел в растерянности. Потом стал задавать вопросы, на которые она, уже успокоившаяся, сказала всё как есть: переехала с детьми в собственную квартиру, будет теперь в своём углу жить. Обидно ведь на пятом десятке терпеть унижение в чужом доме. Да, Игорька ей жалко, но она прежде всего за своих детей ответственность несёт. А кем они вырастут и как будут к ней относиться, если будут оскорбления слышать в её адрес? Игоря она растила два года, из пелёнок вытряхнула, дальше сам, папаша! Желаете вырастить такого же хама – имеешь право, хоть и жаль. Карты, доверенности, квитанции, финансовый отчёт – всё в кабинете в ящике стола.

Отключила телефон и продолжила уборку, покуда дети спят.

А повела бы она себя так, если бы не эта квартира? Вопрос. Подумала и решительно потрянула головой. Просто не

стала бы уезжать из Утятина, а утром пошла бы на рынок и разузнала насчёт съёма квартиры. Сейчас осень, отдыхающие схлынули, можно недорого снять, если только до лета. А там не спеша найти что-нибудь вроде того домика, в котором она жила в первые месяцы её детей.

Да, эта квартира стала её удачей. Примерно спустя полгода после того, как она начала работать в доме Дмитрия Михайловича помощницей по хозяйству, Вавилов наконец-то решил купить её уремовскую квартиру, которую до этого больше года снимал. А она сильно засомневалась. Добавить из тех, что были вытащены из сейфа и тех, что достались ей по соглашению, и купить что-то побольше? Но тогда надо в неё въезжать: стоит ли покупать квартиру, чтобы отдавать её на разорение случайным жильцам? Ведь такого ответственного арендатора, как Вавилов, ей вряд ли удастся найти. И тут Вавилов рассказал ей, что ещё и в Новоорске для подрастающих детей квартиру покупает. Только там – на нулевом этапе строительства, поэтому значительно дешевле. Риск долгостроя есть, но застройщик – знакомый его знакомого, и уверяет его, что дело верное.

После этого разговора Альбина не спала почти всю ночь. Ей так хотелось рискнуть, ведь Новогорск – город её студенческой юности, она родом из этой области, но Артур после института потащил её в Уремовск, потому что там у него была унаследованная от тётки квартира, и последний год она доучивалась на заочном. И вообще, Новогорск вдвое больше

Уремовска, здесь больше возможностей устроиться на работу, а для детей в перспективе богаче выбор учебных заведений.

В общем, рискнула. И полгода сходила с ума, потому что ничего с места не сдвигалось. А потом стройка вдруг резко началась, и через год с небольшим, нынешним летом, дом сдали. Нянька у них была тогда очень надёжная, поэтому Альбина решила сэкономить и не заказывать окончательную отделку у застройщика. Поэтапно оставляла детей на несколько дней и делала всё сама. Ну, почти всё. А когда вернулась в Утятин, поняла, что уедет. Так и наметила себе: летом ничего не менять, чтобы ребяташки провели его на природе, а осенью уехать. Потом ещё некоторое время тянула, пока не случился этот ночной конфликт с хамоватыми друзьями Дмитрия и на глазах в дымину пьяного хозяина. Она скинула одного из них с лестницы и забаррикадировалась в детской. А рано утром заказала тентованную «Газель», погрузила свои вещи и с двумя детьми и лёгкой поклажей отправилась на автобусную станцию.

Если бы не кобеляж хозяина дома, работа в его особняке была бы для неё несложной. Хоть и ограбленный конкурентом и ставший на собственном производстве наёмным работником, он оставался человеком небедным. В просторном особняке на приличного размера участке он содержал штат прислуги, куда кроме домоправительницы Альбины входили кухарка, две няньки, дворник и охранники. Раз в неделю

приходила уборщица. В остальные дни прибиралась Альбина, она же готовила завтрак для всех. Обед и ужин были за кухаркой. Закупки, пригляд за прислугой и подмена в случае необходимости были для неё привычными, ведь в собственном доме размером чуть поменьше она всё это делала сама. Только вот нянек она не могла нанимать старых, потому что приглядывать за тремя малышами такой было бы не под силу. Вот и менялись они как перчатки: кто убежал от его шаловливых ручек и блудливого взгляда, кто наоборот, от неоправдавшихся надежд на серьёзные отношения. Иногда Альбина, глядя на охотничий азарт, пылающий в глазах Димы, вышедшего на тропу блуда в собственном доме, вспоминала Артура и думала, что едва ли он нашёл среди своих дам такую постоянную, которая согласилась терпеть его непостоянство. Разве если он согласится расписаться... но вряд ли согласится, жадность не позволит.

Когда в ходе ремонта ей пришлось выгрести на него остатки наличности из ячейки, она вынула и коробку с квадратами. Повертела в руках, подумав, что продать монеты можно бы, и очень выгодно, да не стоит мараться. Пусть Смирнов её ограбил и избил, но живётся ему хуже, чем ей. Простит его Альбина и порадует. Дома прикопала коробку на месяц в землю, а когда она достаточно раскисла во влажной земле из-за частых в то лето дождей, вытащила её, просушила с одной стороны на солнце, сунула в пакет и поехала в бывший свой дом. Так же, как три года назад, сунула ко-

робку через ограду палисадника под куст шиповника.

Это удивительно, но Артур ей обрадовался. Дома было убрано, но всё равно ощущался какой-то дух неустроенности. Было понятно, что порядок здесь наводила не хозяйка, а прислуга. И Альбина сразу пресекла его надежду на возврат к прошлому, сказав, что живёт с Дмитрием в длительном союзе, воспитывая своих и его детей, и всё её устраивает. А к нему явилась просто из любопытства. Прошлась по дому, поглядела из окна на захламлённый участок, покачала головой, вышла во двор и, прощаясь, посоветовала хоть то, что на виду, прибрать, у ворот траву обкосить. Он покивал, согласился, что это должно соседям глаза резать, и пошёл провожать её до остановки. Взглянул на принесённые ветром пакеты, висящие на кустах, лихо перепрыгнул через заборчик, прихватил пакеты, за одним потянулся под куст и наткнулся на потерявшую вид коробку. Артур не просто побледнел, он позеленел. Дрожащими руками вытащил коробку, перебрал квадрумы:

– Альбина, тут всё цело!

– Не всякий поймёт, что это денег стоит, – сказала она. – А деньги там не валяются?

– Чёрт с ними, – всхлипнул он. – Альбина, ты извини, но я домой!

– Прощай, – помахала она ему рукой. – Рада твоей радости!

За два месяца жизни в Новогорске Альбина многое успела

сделать. Почти сразу она ребятишек умудрилась устроить в детский сад. Просто зашла в тот, чей двор из окна квартиры просматривался, и поинтересовалась у заведующей, как сюда устроиться. И услышала в ответ, что очередь очень большая, но зато недобор в ясельную группу. И если она их сейчас туда определит, то их автоматически переведут летом в младшую группу. Дети, выросшие втроём, легко вошли в группу и ходили в сад с удовольствием. А ещё Альбина познакомилась с старушкой-соседкой, которую дети отселили сюда из её собственной квартиры в центре, когда внуки подросли и нянька им стала не нужна. После прислуживания детям и внукам она маялась от безделья и охотно согласилась помогать ей с детьми в случае необходимости: и время займёт, и денежки заработает.

Альбина разослала резюме по десятку с лишним адресов, но толку от этого пока не было. Некоторые отмолчались, а те, что пригласили на собеседование, ей не подошли. Была вакансия инженера по эксплуатации в их управляющей компании, но, пообщавшись и главным инженером, она ушла. Подчиняться такому – себя не уважать: молодой, хамоватый, явно по блату принят. Только в середине декабря на её телефон пришёл звонок, и женский голос поинтересовался, актуален ли её запрос о вакансии? И в ответ на подтверждение ей скинули адрес, по которому надлежало явиться на собеседование назавтра к двенадцати. Дома проверила свои записи. Ну точно, почти два месяца назад заявлялась в эту фирму.

му на сметчика. Неужели они за столько времени никого не нашли? Тогда почему не вызвали её раньше? Или брали других, а те не прошли испытательный срок? Но это говорит о том, что требования там непомерные или условия неважные. Да ладно, сходить посмотреть и лишний раз потренироваться не помешает.

Бизнес-центр на проспекте Жукова, где располагался офис финансово-девелоперской компании «Новострой», выглядел внушительно. Многоэтажная подковообразная стекляшка с парковкой для посетителей и подземной парковкой для хозяев и арендаторов, пропускная система. «Новострой» занимал четвёртый и пятый этажи, после того, как она представилась, её нашли в списке, выдали пропуск и предложили подняться на пятый этаж в приёмную. У Альбины был небольшой опыт устройства на работу, но всё-таки она удивилась, что её не в отдел кадров направили. Ну, или к начальнику отдела.

В приёмной за столом секретаря не было никого, сидели на стульях у стены и тихо разговаривали две девушки в стандартном офисном прикиде «белый верх, чёрный низ», да пожилой мужчина небольшого роста пристраивал свою дублёнку на вешалку. На зашедшую никто не обращал внимания. Тогда Альбина спросила:

– На собеседование куда?

– Раздевайтесь, проходите к генеральному, – недовольным тоном ответила ей одна из девиц.

Она повесила куртку, взглянув в зеркало на стене, поправила волосы просто рукой и пошла вслед за женщиной. Он пропустил её вперёд, она кивнула ему благодарно, девицы вслед им прыснули.

В большом кабинете уже сидели за большим приставным столом двое молодых мужчин, ещё один в её возрасте и одна холёная дама в возрасте под сорок. Пристроились к столу и они, причём её спутник, продолжая демонстрировать хорошее воспитание, отодвинул для неё стул. Тут же следом за ними в кабинет влетела одна из офисных девиц, и дверь за ней даже не успела до конца закрыться, как распахнулась вновь и вошёл он. Или лучше сказать Он, то есть Большой Босс. Вот прямо на лбу написано, что он большой человек, да и ростом и размером костюма это подтверждается. На полную даму, следующую за ним, Альбина как-то даже внимания не обратила. Он поздоровался на ходу, дойдя до стола, окинул присутствующих внимательным взглядом, посмотрел в телефон и сказал:

– Прошу прощения, ещё пару минут.

И вышел. А пока он отсутствовал, Альбина ещё раз поглядела на конкурентов и поняла: дело нечисто. Слишком разношёрстная публика. Каковы тут критерии отбора? Не может быть, что они отсутствуют, скорее всего, только один им соответствует, а остальных пригласили для массовки. Ей кровь ударила в голову, хотелось встать и уйти, но потом сама себе сказала, что не так уж позорна её роль, главный кло-

ун тут тот, кто вынужден будет выбрать в отсутствие выбора. Вернулся большой человек, как и обещал, очень быстро, сел за стол, принял из рук сопровождающей бумаги, разложил их перед собой и начал:

– Ну-с, познакомимся. Я генеральный директор «Новостроя», зовут меня Геннадий Иванович Бережков. Вы... Аркадий Иванович!

Альбинин сосед привстал, кивнув. Директор медленно перечислил всех, задерживаясь на каждом цепким взглядом. Потом спросил, кто из присутствующих имеет архитектурное образование. Таковых оказалось двое, пожилой Альбинин сосед и один из молодых мужчин. Потом спросил, у кого из присутствующих есть водительские права. Руки подняли все кроме Аркадия Ивановича и холёной дамы. Альбина, подняв руку, тут же с досадой её опустила.

– Альбина Васильевна, так что с правами?

– Только сейчас вспомнила... они у меня до второго декабря. Менять надо.

– Ну, ничего. Но это им десять лет минуло, или вас лишили?

– Ну что вы, нет. Нормальные права категории С. Никаких нарушений.

– А зачем вам категория С? – спросила полная дама.

– На стройке, знаете ли, чаще тяжёлый транспорт разъезжает. Порой и с прицепом. И людей возить приходилось. Не постоянно, а на подмене в случае форс-мажора.

– Так. Кто из вас готов в случае необходимости задерживаться на работе, выходить в выходные и праздничные дни?

Все подняли руки кроме Альбины. Он остановил на ней взгляд, и тогда она ответила:

– Если иногда, то изыщу возможность. Если регулярно – не смогу.

Вопросы продолжались. Наконец он спросил:

– Кто из вас владеет какими-нибудь рабочими строительными специальностями?

Поднял руку один из молодых мужчин, сказал, что работал сварщиком. Альбина подняла палец. На его кивок заговорила:

– Практически многими. Начинала в бригаде шабашников. Все виды отделочных работ, электрика, сантехника, газовая сварка... ну как, разряда не имею, но трубу приварю. Кладка... а, да, и печное дело, но это редко приходилось...

– А камин сложить можете?

– Конечно. Это проще, чем печь. Классический камин топится напрямую, он больше для красоты, для любования огнём. Иногда заказывают каминную печь. Но всё равно там меньше дымооборотов, чем в настоящей печи.

– А установить неисправность в старинной печи сможете?

– Приходилось.

Далее последовали вопросы, более касающиеся инженерно-строительной профессии, но цель этого конкурса пока не просматривалась. Наконец-то прозвучало задание, прямо

относящийся к должности, на которую Альбина претендовала. Им нужно было подсчитать расходы на облицовку сложной стены. Она заглянула в телефон, ввела цифры, переписала на бумажку и положила на край стола. Полная дама подошла и отнесла бумажку большому боссу. Он посмотрел и спросил:

– Чем вы пользовались?

– Просто самодельная таблица в Excel. Это очень приблизительный подсчёт, когда при первой встрече с заказчиком ему нужен всего лишь порядок расходов.

Пока они выполняли это задание, Геннадий Иванович покопался в столе, вынул оттуда несколько листов и передал своей ассистентке, что-то шепнув. К тому времени, когда все справились, она вернулась, отсканировав их.

– Теперь вам предлагается творческое задание. Сейчас вам раздадут материалы по охраняемому как памятник культуры объекту. Его предстоит реконструировать под жильё для одного небедного человека. Хотелось бы услышать ваши предложения.

Когда Альбина увидела фотографию полуразрушенного здания, её сердце пропустило удар. Судорожно перебрала листочки. Ну точно, вот ещё дом Пудовкина, ротонда, фрагмент ограды, карта усадьбы. Да что они, издеваются? Она положила листки перед собой. В подростковом возрасте ей это снилось в кошмарах, потом постепенно забылось. Несколько лет назад, когда как раз упомянутому сейчас в разговоре

печному делу училась, всплыл разговор об этой усадьбе, и ей тоже было плохо. Но тогда она справилась сама. А стоило об этом напомнить, и вот она, паническая атака. Уйти, что ли? Ну нет, досмотрю этот цирк до конца, выслушаю их дурацкие предложения.

Кстати, её сосед Аркадий Иванович тоже с прожекторами не заморачивался, отложил листочки в сторону. Остальные яростно чиркали на бумажках. Ну, пока суд да дело, надо попробовать угадать, кто тут имеет волосатую лапу. Первым делом вычёркиваем соседа: архитектор, пьющий, но мозги не пропил, ишь, как насупился, подставу точно просёк. Если бы у него здесь были связи, конкурс затевать бы не стали. Теперь молодая девушка... эту, пожалуй, тоже стоит исключить. Её поддержка – подружка-секретарша, она подсказала форму одежды, видно, большой босс на работе не охотится и другим лицензии на отстрел не выдаёт. Но две пуговички всё-таки расстегнула, значит, сознаёт, что бюст – её самая сильная сторона. А мозги не самая, иначе бы к совету подружки прислушалась. Теперь дама. Тут надо подумать. Зачем такой шикарной женщине рядовая должность при не очень уж крутой зарплате? Охота за спонсором? В спонсоры дамы такого экстерьера годится только большой босс, а она пуговичку не расстегнула, глазками не стреляет. Так, а ещё раз по внешности. Вещи дорогие, макияж минимальный, вкус у дамы безупречный... так, обувь! Сапоги осенние! И не на машине, прав-то нет. Значит, на ней остатки

былой роскоши, и зарплата ей действительно нужна. Предполагается жизненный крах – овдовела или бросили. Может кто-то составить ей протекцию? Почему нет? Но не таким образом. Мужик предложит другой вид помощи, а баба скорее позлорадствует, чем поможет. Тут ещё имеется чувство собственного достоинства. Нет, она сама по себе.

Остаются три мужика в самом расцвете сил. Вот тут полная неопределённость. Один архитектор, один строитель, один строитель с удостоверением сварщика четвёртого разряда, все с водительскими правами. Кто-то из них, но вот кто...

Эти и заявили первыми на выдвижение творческих реставрационных идей. Пока Альбина рассуждала о конкурентах, она совершенно успокоилась, а тут у неё сердце снова засбоило. Все сходились на том, что домишки для богатого человека маловаты, надо бы их надстроить подобно тому, как в сороковых годах надстроили здание нынешней мэрии Москвы, или к ним пристроить, а может, объединить, втиснув между ними особняк какой следует, а если нельзя загроживать исторические объекты, можно возвести здание с парой подземных этажей. Альбина поглядывала на соседа. При первой же прозвучавшей идее по его лицу пробежала судорога, он угнулся и в дальнейшем глаз от стола не поднимал. Тут либо смех, либо гнев. Сама она сочла за лучшее тоже не привлекать к себе внимания и тоже сидела, уткнувшись взглядом в триггерную фотографию, тренируя волю.

Вслед за мужчинами бросилась на амбразуру офисная девица, предложив расширить усадьбу, возведя какой следует особняк за пределами старинной ограды, а всю эту ветошь подновить и оставить для променада. После всего этого осторожное предположение красивой дамы о том, что любой новодел рядом с памятниками архитектуры будет смотреться как спутниковая антенна на куполе храма, прозвучало как голос санитаря в психушке. Может, стоит богатому человеку или ограничить свои аппетиты и обойтись имеющимся метражом, или отказаться от этого затратного проекта? Работы по реставрации и так выльются в копейчку.

– Альбина Васильевна, вижу в вашем лице несогласие...

И что он там мог разглядеть? Она полчаса глаз не поднимает. Ладно, можно и ответить.

– К сожалению, я слишком хорошо знакома с этим объектом. Это имение Павлищевых-Пудовкиных в двадцати пяти километрах от Пружинска. Покойный профессор Зельдин, который читал в институте, в котором большинство из нас училось, спецкурс «Реконструкция объектов градостроительного наследия» и «Сохранение наследия в условиях развития современной архитектуры», любил приводить в пример эту усадьбу. Он говорил о ней как об объекте реставрации: «Это такой геморрой, что, имей вы задницу самого гигантского размера, сидеть вам будет больно, но посадят вас всё равно».

– Лев Борисович, да, – оживился Аркадий Иванович. – Я

помню эту его фразочку, а вот о какой усадьбе – забыл. А ведь что-то знакомое.

– Он не предполагал тогда, что кто-то её выкупит и захочет вселиться, речь тогда шла только о реставрации. Планируя застройку объекта, коллеги не учитывают, что памятником является не дом Павлищевых постройки екатерининских времён, а вся усадьба, хотя дом Пудовкиных, как и флигель, иначе называемый домом управляющего, возведён в конце девятнадцатого века. А подвалы под всеми этими зданиями и подземные ходы между ними и не только, относятся по разным источникам ко времени постройки дома Павлищевых, а возможно, и ко времени правления Алексея Михайловича, когда здесь был монастырь Петра и Павла. Так что предложение углубиться в почву грозит тем, что вы не только разрушите исторический объект, но и попадёте в нехорошую историю. И ещё одно замечание. Обратите внимание на карту. Видите вокруг усадьбы горизонтальную синюю штриховку? То есть, простите, на чёрно белой ксерокопии это просто штриховка. Поверьте мне на слово, это болото.

– Усадьба на болоте построена? – недоверчиво спросил кто-то.

– Вокруг раньше леса стояли. Усадьба на большом пологом холме с плоской вершиной, чуть ниже на юго-востоке от неё было село Павлищево. Леса начали вырубать перед войной, а после войны, когда нужно было отстраиваться – тем

более. Свели леса, сократился расход грунтовых вод на десукцию – и началось заболачивание. Сначала подвалы стали весной подтоплять, потом из них вода вообще перестала уходить, в колодцах вода стала цвести. И началось переселение. А болото заросло густым покровом осок, хвощей и камыша, мхом. Здесь теперь богатое птичье население. В имении открыли пионерский лагерь и профилакторий завода. В девяностые лагерь закрыли, профилакторий приватизировали и закрыли.

– О, я вспомнил, – оживился Аркадий Иванович. – Я в детстве там отдыхал! В доме Пудовкина жилой корпус был. Вокруг сирень и соловьи. И комары от болота, точно!

– Вот-вот. Позже деревянные домики поставили для детей на лето, а в доме профилакторий был круглогодичный. Так что подземные этажи и строительство особняка за пределами усадьбы – это путь в болото.

– И всё-таки что бы вы стали делать, если пришлось бы что-то решать? – перебил генеральный.

– Да избави господь! Я вам резюме посылала на должность рядового сметчика. И удивлена, что на этом посту могут со мной советоваться по такому серьёзному проекту.

– А вы, Аркадий Иванович, что по этому поводу думаете?

– Присоединяюсь к Альбине Васильевне и покойному Льву Борисовичу: это геморрой.

– Так, благодарю всех. Мы с вами свяжемся в ближайшие пару дней и известим о принятом решении.

Альбина сидела ближе всех к двери, первой и вышла. Сосед шёл следом, оказалось ещё за ними не отставая вышла красивая дама. Остальные не спешили покидать кабинет управляющего. Аркадий Иванович помог своим спутникам одеться и сказал, когда вышли в коридор:

— Странно это как-то всё. И неуместно. Но есть у меня ещё несколько мест на примете. Может быть, что-то не подойдёт мне, но устроит вас? Если будет такое, вас известить? Давайте ваши телефоны.

– Людмила. Просто Людмила, – сказала дама, продиктовав номер.

– И меня можно без отчества, – улыбнулась галантному кавалеру Альбина. – Я до весны ещё числюсь на прежнем месте, да и жить пока есть на что. От помощи по трудоустройству не откажусь, но предлагайте сначала Людмиле.

Позвонили ей из «Новостроя» уже на следующий день и пригласили опять к определённом часу «для предметного разговора». А когда она вошла в приёмную, то увидела сидящую в ожидании Людмилу. Едва она поздоровалась, секретарша с недовольным лицом соединилась с начальником и сказала:

– Геннадий Иванович, все в сборе.

«Однако, – иронично прикинула Альбина, поспешно скидывая куртку, – он собрал только дам, и только в возрасте! Интересный ход. Такое впечатление, что ему нужна сметчица для утех, причём опытная».

– Должен перед вами извиниться, – сразу взял быка за рога босс. – Я просмотрел ваши документы и пришёл к выводу, что наша кадровая служба сработала с ошибками. Был объявлен конкурс на замещение должности заведующего отделом, а вы обе высылали свои резюме ранее, и на должность сметчика...

Теперь стало понятно, что претендент «с волосатой лапой» – тот, что постарше. Прочая молодёжь или попала на собеседование так же, как они, или переоценила свои возможности. То есть реальными конкурсантами были двое: он и старик. Интересно, босс выберет кого-то из них или объявит дополнительный конкурс? Ответ она получила тут же: в кабинет вошёл Аркадий Иванович. А босс сказал, что за эти два дня в отделе образовалась одна вакансия, и он пригласил их обеих, чтобы новый начальник выбрал одну из них. Аркадий Иванович обменялся взглядами с Альбиной и увидев, что она едва заметно повела головой в сторону соседки, заявил:

– Мы такой выбор обговаривали заранее. Альбина Васильевна согласилась подождать следующей вакансии.

Похоже, большой босс ожидал другого решения и растерялся. Он слегка завис, но потом быстро опомнился и сказал откровенно:

– Вообще-то я предполагал, что вы выберете Альбину Васильевну, она специалист опытный, тогда как у Людмилы Егоровны был большой перерыв в стаже и затем работа не

по профилю. Поэтому, чтобы не обижать проигравшего, хотел предложить ей место в бухгалтерии. Я знаю, вы обе такую практику имеете. Оклад примерно такой же. Так что вы предпочтёте?

Теперь переглянулись женщины, и Альбина кивнула Людмиле, предоставляя право выбора. Она поблагодарила босса, сказав, что будет в бухгалтерии чувствовать себя уверенней, последнее время она бухгалтером работала. С тем они и отправились в отдел кадров оформляться, но у дверей их догнал вопрос:

– Вы трое так слаженно договариваетесь без слов, что хочется спросить, давно ли вы знакомы?

Аркадий Иванович улыбнулся:

– Позавчера в вашем кабинете познакомились и вместе вышли из здания, на ходу переговорив. Знаете, бывает любовь с первого взгляда, а бывает э-э... симпатия с первого слова.

Когда они выходят из здания, Людмила робко спрашивает:

– Ты не обидишься, если я скажу, что этот генеральный на тебя запал?

Альбина смеётся:

– Вот познакомишься с коллегами, и услышишь от них, что босс категорически запретил подкаты на работе. И не тряси головой, это вовсе не означает, что вне работы он на баб не глядит. А запал он на мой профессиональный опыт.

Чую, фирме жизненно необходим печник.

Уже через неделю они от отделов были посланы наряжать ёлку и украшать холлы как самые незагруженные. С ними были ещё три секретарши помоложе, то есть, может, и не все были секретаршами, но в должностях уровня секретарш. Приданный им в качестве помощника дрищ из айтишников не дотягивал Альбине до уха, поэтому прикреплять к потолку дождик со стремянки пришлось ей. Они развешивали гирлянды в холле перед лифтами, когда один из них остановился на этаже, и из него вышел генеральный с двумя гостями. Поздоровавшись, гости прошли мимо стремянки, на которой балансировала Альбина, как вдруг один из них вернулся, задрал голову и сказал:

– Как интересно! Встреча через столько лет, и снова на стремянке!

Альбина пригляделась и спустилась к нему:

– Игорь Николаевич! Рада вас видеть. Удивительно, что вы меня узнали, три года назад я выглядела совсем иначе.

– Ну, не так уж вы изменились, разве что похудели. И кто у вас? Мальчик, девочка?

– И то, и другое. Двойняшки.

Он повернулся к генеральному и пояснил:

– Когда-то Альбина Васильевна подвигла меня на строительство оригинальной автобусной остановки, спроектировав несколько вариантов на коленке и по памяти назвала артикулы стройматериалов, даже не заглядывая в интернет,

тем потрясая моё воображение. А одному моему знакомому ресторатору вообще придумала рациональное использование аварийного здания.

– Не Вавилову случайно?

– Как тесен мир, – хмыкнула Альбина. – Судя по общим знакомым, Геннадий Иванович, скорее всего, я квартиру в Новогорске на стадии строительства два года назад по вашей рекомендации купила.

– В пятнадцатом микрорайоне? Это наш объект. Да, он через Игоря Николаевича со мной советовался. И наши специалисты проводили геологические изыскания вокруг его покупки, а строил потом Игорь Николаевич, отсюда и знакомство. Я видел ваши наброски, Альбина Васильевна, и удивляюсь, что с такой головой вы сами своё дело не открыли.

– Было дело... небольшое, правда, да пришлось и его на безделье поменять.

Когда босс увёл к себе гостей, секретарши, до этого сачковавшие, набросились с расспросами, что за мэн возник на горизонте, и годится ли он в качестве дичи.

– Ей-богу, не знаю, встречались мы с ним несколько раз по поводу благотворительной акции. Один раз видела его с женой. Это что-то.

– В смысле?

– Она похожа на сказочную принцессу. Любому сильному мужику в кайф заключить такую в объятия и нести по жизни.

– Трудно ей придётся, если внезапно из рук выпустят, – с

горечью заметила Людмила.

– Это у заморских принцесс синяки от горошины через семнадцать перин. А у наших русских стальной стержень. Ради детей эта принцесса и коня поджарит, и избу на скаку развалит.

– Что вы имеете в виду? – наморщив лобик, спросила одна из секретарш.

– Ну, можно, конечно, мужика от законной жены увести. Только если мужик от сказочной принцессы уходит к какой-то лошади, то он не принц, а конь. А у коня, как известно, голова большая, да мозг вдвое меньше, чем у человека. Так что хрен с ним, с этим жеребцом, но вот если он вздумает в машину и квартиру свою лошадь притащить, то мало ему не покажется. И бабок им на овёс со временем хватать не будет, потому что это с принцессой он зарабатывал как принц, а коню столько платить не будут.

Отгулялись новогодние детские ёлки и взрослые корпоративы. В предпоследний день уходящего года, нерабочий уже, Альбина вышла на ярмарку, оставив детей на старушку соседку. Эта Екатерина Семёновна так ей и сказала: «Гуляй хоть до рассвета, только картошки хорошей деревенской мне притащи». Вот и отрывалась она на покупках, сгружая их в сумку на колёсах. У очередной торговой палатки вдруг наткнулась на большого босса. От неожиданности у неё вырвалось:

– О, да вы как рядовой россиянин закупаетесь!

– Я, конечно, не рядовой, но и не генерал, – хмыкнул Геннадий Иванович. – Впрочем, генералы тоже продукты покупают и, извините, хоть солдатский, хоть маршальский организм их перерабатывает и в унитаз спускает.

Альбина извинилась, что ничего плохого не имела в виду, и даже не допускала мысли, что унитаз у гендира золотой. Пара шуток и анекдотов, проход через толпу – и Геннадий Иванович прицепил её руку к своему локтю, чтобы не затеряться. В неформальном общении он неожиданно оказался собеседником лёгким и интересным, так что она даже забыла, что он большой начальник и богатый человек. Спросила, не земляки ли они, поделившись, что её девичья фамилия Бережкова. Но нет, он родом оказался из Юрьев-Польского, предки его из духовного сословия, и родословную свою числит с восемнадцатого века. Они обошли торговую площадь и вышли в тихий переулок. Вдруг он притормозил, прижав локтем её руку, посмотрел на стеклянные двери маленького отеля и спросил:

– А не зайти ли нам в эту гостиницу?

– А не зайти ли, – смеясь, легко согласилась она.

Когда Альбина затащила сумку в прихожую, Екатерина Семёновна вышла ей помочь, молча выложила продукты и стол, но потом шёпотом спросила:

– С мужиком встречалась?

– А как вы догадались? – так же тихонько спросила она.

– Глаза горят довольством как у мартовской кошки. Хо-

рош мужик?

– Как трехстворчатый шкаф. И солидная трудовая мозоль над мужским достоинством.

– Ну, живот – он ни любви, ни красоте не помеха. А достоинство, значит, есть?

– Достоинство достойное.

– А как в смысле перспектив?

– Нет, это несерьёзно. Он из другого мира. Вы не думайте, я не шалава. Это третий мой мужик за все мои сорок четыре года.

– Ну и дура!

– Согласна.

– Дурнее тебя только я. У меня вообще никого не было. Тридцать лет с мужем, а потом одна. Так что звони, если позовёт. Всегда подстрахую.

Переглянулись и рассмеялись. А Геннадий Иванович за новогодние каникулы ещё дважды в тот отель звал. И она без возражений срывалась.

После выхода на работу встречи прекратились на целый месяц почти. Сталкиваясь в коридорах, вежливо здоровались – и всё. В феврале вдруг зашёл в отдел и попросил Аркадия Ивановича отпустить её с ним на объект – старинный купеческий дом на окраине. Потребовалось её мастерство печника. Старик напросился к ним в компанию – на старинные интерьеры взглянуть и работой печника полюбоваться. Видя секундное замешательство, промелькнувшее на лице

большого босса, Альбина поняла, что нужен был ему не печник или не только печник.

Печь была потрясающей – с лежанкой и покрытая изразцами дивной сохранности. И ремонтировать не пришлось, всего лишь нужно было дымоход прочистить. Аркадий Иванович ахал над лепниной потолка, и остался до вечера, решив вернуться с автобусом, перевозившим рабочих. А босс повёз её на свою дачу, и там они рассорились. Он ей серьги подарил. Она возмутилась:

– Это ещё зачем?

– Я не могу подарить тебе безделушку?

– Нет, извини, в свете наших взаимоотношений это выглядят как плата за пользование моим телом. Я предпочитаю думать, что пользование у нас обоюдное и взаимозачётное, и подарками нам обмениваться ни к чему.

Потом она осознала, что мужик обиделся, и попыталась успокоить его, отказавшись всё же от подарка, который посчитала унижительным, и сказала, что если хочет сделать ей приятное, то лучше посоветовал бы хорошего риелтора для Людмилы, которая замучилась в квартире, где она с детьми вынуждена в последние месяцы проживать с бывшим мужем и его нынешней женой.

– Она знает о нас? – возмутился Геннадий Иванович.

– С какой стати? Мы шифруемся вполне надёжно. И Людмила меня ни о чём не просила, я просто подумала, что тебе это несложно.

В общем, до использования тел они не дошли и расстались в величайшем раздражении. Такси для неё он, правда, вызвал и оплатил. Она, конечно, досадовала, но вместе с тем почувствовала большое облегчение, потому что начинала привыкать и боялась, что привяжется к нему.

Однако история на этом не закончилась. Через неделю Людмила вызвала её из отдела и попросила сопроводить её после работы на встречу с риелтором. Говорила она в обычной своей сдержанной манере, но Альбина поняла, что женщина сильно взволнована. По дороге Людмила рассказала, что генеральный её с утра остановил в коридоре и спросил, как дела. Естественно, она ответила, что всё в порядке, но он как-то незаметно вытянул из неё всё о личном и обещал хорошего специалиста по решению квартирных проблем. И вот теперь на площади её должна перехватить риелторша, и она жутко боится согласиться на то, о чём будет потом жалеть.

Через пять минут общения риелтор сказала:

— Терпеть не могу скандалисток, но с ними приходится работать. Уважаю интеллигентных, но их интеллигентность в ущерб им самим. Поэтому буду действовать по-хамски. Не волнуйтесь и не обижайтесь, так вопросы быстрее решаются.

Людмила повернула ключ в дверях и расстроено сказала:

– Они опять закрылись на задвижку...

– В сторону! – скомандовала риелторша и нажала на кнопку звонка.

Она держала её минуты две, пока дверь не распахнулась,

и какая-то сдобная красotka с почти вывалившимся из плохо запахнутого халата бюстом. Альбина поспешно нажала на кнопку видеосъёмки, когда увидела, что в зале с отцом сидит на диване четырёхлетний Сашенька.

– Вы не имеете права, – вскочил бывший муж Людмилы.

– Да вы не волнуйтесь, в соцсети не выложу, это для опеки, – сдержанно ответила она.

– Вот это дело, – одобрительно сказала риелторша. – А то, вишь, взяли моду при детях детей делать. И вообще, моё время слишком дорого, чтобы на расстёгнутые ширинки отвлекаться.

Бывший муж невольно схватился за zipper, и на экране это выглядело очень убедительно. Риелторша прошлась по квартире, как из пулемёта выпуливая вопросы: «Доля идеальная или реальная? Лицевые счета отдельные? Предложения совладельцам оформлены? Материнский капитал использовали? Доли детей выделены?» Потом сказала:

– Три варианта. Первый, нереальный: кто-то из вас выкупает долю другого. Второй: продаём квартиру, делим деньги по долям и разбегаемся. Третий: сладкая парочка эксгибиционистов козлится и продавать свою долю отказывается. Тогда выделяем реальную долю и продаём её. Конечно, дешевле, чем взяли бы за целую. У меня есть на примете семья, которая хотела бы купить дёшево метры неподалёку от центрального рынка. Не буду вас пугать, они не из Средней Азии. Вполне себе российские граждане. Армяне из-под Ро-

стова, молодая пара и папа. Ух, как мне папа нравится, галантный такой! Удобные соседи, будете с овощами-фруктами, – покосилась на молодую жену и вкрадчиво добавила. – И будет кому сиси казать, – и снова обратилась к Людмиле. – Давайте сразу съездим в пятнадцатый микрорайон. Сейчас у меня там в работе одна квартира, которую реально купить за вашу долю в этой. Хорошая, я бы её вам не уступила, но ваш мужчина очень просил скорее вас переселить.

– Какой ещё мужчина, – зло зашипел на Людмилу бывший муж.

– Мне показалось, или ваш нынешний реально хочет бывшую себе оставить? – спросила риелторша у новой жены. – А хватит его на двоих?

В общем, через две недели Людмила с детьми переехала в ту самую квартиру. Она Альбине со слезами на глазах высказала своё восхищение боссом. А Альбина вдруг подумала, может ли Людмила позволить себе поехать к нему на дачу или встретиться в том отеле? Конечно, она говорила о нём с придыханием не как о мужчине, а как об отце родном, но... да ладно, расстались ведь уже! Однако не успела она свыкнуться с этой мыслью, как Аркадий Иванович дал ей задание съездить на новый объект и оценить объём работы, и сколько человек из отдела задействовать в расчётах, мол, архитектор с утра там. А ждала её на выезде со стоянки машина босса. Она села в неё, посмотрела на его насупленное лицо и спросила:

– Мы на объект поедем или ко мне?

Встречи возобновились, только теперь встречались, в основном, у неё и в рабочее время. А в тот день они сначала всё-таки поехали на объект, странное недостроенное здание, втиснутое в район старых жилых домов, но неподалёку от оживлённого проспекта. Оно долгое время переходило из рук в руки, и в обветшалом состоянии было выкуплено нынешним владельцем, чтобы сделать здесь медицинский центр. Альбинино присутствие на данном этапе не требовалось совсем, разговор вели босс, архитектор и заказчик, а она просто стояла в стороне и поглядывала по сторонам, раздумывая, что задача перепланировать офисное здание под больницу такая же дурацкая, как переделать старинную усадьбу под жильё для нувориша.

Таких как она, неизвестно зачем глазающих на переговоры, было несколько человек. Может, для солидности сопровождали, может, для информационной поддержки. Один из таких со стороны заказчика, крупный мужчина среднего возраста, непринуждённо завёл с ней какой-то необязательный трёп, а затем, когда переговоры завершились, он пригласил представителей «Новостроя» пообедать. Архитектор отказался, а Геннадий Иванович с Альбиной отправились с ним в ресторанчик на проспекте.

– Вы, как я понимаю, врач, – спросила Альбина. – В чём специализируетесь?

– Пластический хирург.

Альбина подавилась.

– Что, не похож?

– Не обижайтесь, но у вас такие мощные руки, а мне казалось, что это тонкая работа, мелкие инструменты, ювелирные швы. С вашими габаритами скорее я бы предположила, что вы травматолог или мануальщик.

– Справляюсь с мелкой работой, не сомневайтесь. А я уж подумал, что вы негативно к самой специализации относитесь, мол, сиськи, губки для гламурных девиц.

– Вовсе нет. Около трёх лет назад я даже подумывала сама о пластике. Но потом от этой мысли отказалась.

– Что тебя в себе не устраивает? – вырвалось у босса.

Врач метнул на него такой выразительный взгляд, что Альбину покорило. Геннадий Иванович испугался, что она коллеге об их отношениях проговорится, а сам выдал себя одним вопросом. Но ответила:

– Я матерью стала впервые в сорок два года. И подумала, что, когда детей в садик водить буду, им скажут, что за ними бабушка пришла.

– Ну, ерунда, – возразил врач. – Бабушкой вы ещё не скоро смотреться будете. Лет через пятнадцать-двадцать обращайтесь, тогда и подкорректируем.

Визитку ей сунул. Потом разговор перешёл на здание, и Альбина вылила своё раздражение на этот проект. Потом, уже на обратном пути, своё раздражение на неё изливал Геннадий Иванович, что запала на этого врача и, чтобы его за-

влечь, кидала инновационные идеи и нарушила корпоративную этику, обхаяв их работу.

– Ты что, не видел, что у него обручальное кольцо? Женат этот Голиаф, а я на чужое никогда не польщусь!

Босс опомнился:

– Прости, что-то я не туда попёр! Слышал я, как ты осуждала жеребцов, уходящих от принцесс к лошадям!

– Э, когда это я тебе говорила? Я помню этот разговор, он под Новый год был. Кто его тебе пересказывал?

– Тьфу, блин, проговорился! Не бери в голову, никто мне не стучал. Мой санузел в комнате отдыха с холлом перед лифтами граничит. Там через вентиляцию всё слышно, так что под душем я не пою. Мы с гостями перекусывали, а дверь в душ открытой оставалась после того, как они руки мыли. Ну, и... ты не думай, Игорю очень понравилось, что ты его жену заколдованной принцессой назвала. И он подтвердил, что при её внешней хрупкости стержень в его жене стальной, ты сходу всё просчитала. А мы позавидовали.

– Ладно, замнём, – буркнула Альбина, взяв себе на заметку впредь в служебных коридорах в разговорах за рамки пустого трёпа не выходить. Но потом решила не обострять и сказала. – А ты обратил внимание на руки этого Голиафа? Ладно сиськи, но представь себе, как он этими пальцами, где каждая фаланга размером с сардельку, силикон в губы красотки запихивает.

Вернувшись в отдел и доложив заведующему, что поездка

была пустой и только радости, что обедом накормили, Альбина села за рабочий стол, потом вспомнила нового знакомого и прыснула. Коллеги поинтересовались причиной её веселья, и она рассказала о пластическом хирурге и обрисовала им его габариты и как она видит его на рабочем месте. Мужики захохотали, женщины захихикали, а в это время в отдел босс зашёл с мрачным взглядом. Смешки затихли, а он сдавленным голосом произнёс:

– Догадываюсь, разговор о пластической хирургии. А мне какво? Я в приёмную захожу, гляжу на Свету, а представляю, как этот амбал своими сардельками, – и рухнул с хохотом на стул.

– ...в Светкины губки силикон запихивает, – подхватывает кто-то и женщин.

– ...и на выходе вареники, – басит кто-то из мужиков.

– Чебуреки, – возражает под общий смех Аркадий Иванович.

– Но шутки в сторону, – мрачнеет босс. – Ваши работники, Аркадий Иванович, с их развитым воображением раскритиковали наши договорённости с заказчиком. Альбине Васильевне, видите ли, не понравился наш проект, и теперь заказчик требует его доработать.

– Моя мама в подобных случаях говорила «сделать из говна камзюльку», – хладнокровно ответил старик. – Исходный объект не годится ни подо что, так что и проект хорошим быть не может. Альбиночка, а что ты можешь предложить?

– А ничего, – рассердилась она. – Моя мама в подобных случаях предлагала «выкрасить да выбросить». Что за больница без дворика для пациентов? Всего-то я предложила на крыше сад сделать. И аналогично на козырьке над входом, там площадь приличная. Это, конечно, существенно комфорта не добавит, но стоимость услуг для ВИП-клиентов можно задрать. И в рекламных роликах это будет смотреться.

– Хотят доработки – получают доработку. Кто у нас по клинике над проектом работал? Серёжа? Скажу ему завтра, чтобы рассчитал фундамент под возможность нарастить здание на один этаж. Там будет зимний сад, а на крыше эта лабуда с деревьями в кадках и рулонным газоном. Прицепим бантик к лысой башке. Это удорожит строительство процентов на пятнадцать-двадцать. Ну, и проектно-сметные на семь. Как, Геннадий Иванович, они потянут?

У начальства при обозначении сумм настроение резко повысилось. Он сказал:

– Инициатива наказуема. Альбина Васильевна у нас специалист по мгновенным среднепотолочным расчётам. Вот пусть подгонит к этим показателям и правдоподобную аргументацию набросает до конца дня.

Ночью не спалось, думы замучили. А думала дама сорока пяти лет отроду... о любви. Вот такие чудеса. Разбередили душу разговоры с любовником о сказочной принцессе. У Альбины тогда вырвалось, что каждая женщина на опре-

делённом этапе жизни мечтает о принце, но чаще тот, кого она приняла за него, оказывается просто попутчиком, да ещё желающим проехаться на халяву. И в результате она превращается в лошадь, несущую этого жирного жокея. Лично она в браке стала лошадью даже не верховой, а ломовой. Геннадий сказал, что никогда не мечтал о том, чтобы носить свою женщину на руках, эти манерные создания только косят под принцесс, а по сути они пиявки. Партнёрство должно быть равноправным. И ему нравятся лошади, если у них мозг человеческий как у гуингмов. Альбина ухмыльнулась, представив себе, как посылает ему СМС с текстом «Живо в стойло, мой жеребец!» При равноправном партнёрстве это было бы естественно, но покуда только босс решает, встречаться ли им и когда.

Зашла в детскую, посмотрела на малышей. Ильюшка побогатырски развалился звездой, Инночка спала попой кверху, стоя на коленках и уткнувшись носом в подушку. Дочь повернула набок, прикрыла одеялом, над сыном наклонилась, прислушалась к дыханию. Вот она, любовь – семья! Разве найдётся мужчина, который войдёт в эту семью? Никому не нужны её дети, только ей. Нет, вот Дима никогда не разделял детей, когда они росли с его Игорьком. Он валялся на полу, а они с визгом прыгали по нему. Они даже папой его звали вслед за Игорем. Но Альбина с самого начала выстроила между ними чёткие рамки, ограничила общение только деловым и дружеским, сказав, что мужчина-всеобщее

достояние её не нужен. Он был хорошим отцом, но в мужа не годился.

А с Геной она рвать не будет. Пусть не любовь у них, а связь, но вполне приятная.

Глава пятая. УСАДЬБА

Весной начались геодезические изыскания в усадьбе Павлицевых-Пудовкиных. Зная в общих чертах её отношение к этому месту, Аркадий Иванович обещал к объекту не привлекать. Но однажды в начале лета пришлось. Заболел он, и исполнял обязанности начальника Сергей, личность амбициозная, злобредная и жадная. До этого с ним пересекаться как-то не приходилось, кто она – рядовая сметчица, а тут творец, правая рука заведующего отделом. Но так получилось, что в тот день она оказалась в отделе чуть ли не в единственном числе: кто в отпуске, кто на больничном, кто на объекте, кто для прислуживания староват. И он потребовал, чтобы она взяла из его стола ключи и срочно привезла их в усадьбу. На вопрос, нельзя ли послать водителя без неё, Сергей ответил, что водителя у него нет, а офисных бездельников, протирающих штаны в отделе – завались. Тут Альбина включила запись и продолжила разговор, спокойно уточнив, что в её отчёте за месяц даёт ему основания утверждать, что она не выполняет нормативов, и что даёт ему основание использовать её как курьера. В общем, с его стороны дело дошло до мата и в конечном счёте до обвинения в интимной связи с шефом. Альбина даже сначала не поняла, что он имеет в виду Аркадия Ивановича, испугавшись, что он каким-то образом узнал о её встречах с генеральным. Разобравшись,

она захохотала, сказав, что он с шефом гораздо чаще уединяется, чем она, поэтому о нём тоже поговаривают, что он через постель карьеру строит. Придя в хорошее настроение от того, что тайна их не вскрыта, и подумав, что с этой опасной связью пора завязывать, она решила больше не ругаться, спросила, что за ключи, сколько их, на каком брелоке. Он ответил, что ключи большие, старинные, с фигурными бородками, их восемь штук, связанных стальной проволокой. Когда Альбина взяла их в руки, ей стало нехорошо. Это явно были ключи от подвальных помещений, потому что в доме Пудовкиных даже тридцать лет назад двери были современные, а в доме Павлищевых давно уже кроме стен ничего не оставалось. И у неё вырвалось:

– Зачем их было из усадьбы уволакивать? Чтобы дубликаты сделать? Я же вижу, что они в пасте!

Сергей завопил, что это не её ума дело, и чтобы пулей ехала в усадьбу.

Только закончив разговор, она поняла, что со слов о бездельниках, протирающих штаны, весь разговор записан. Это даже хорошо, а то у этого хама хватит наглости потом сказать, что он её никуда не вызывал. Посмотрела расписание автобусов на Пружинск, созвонилась с Екатериной Семёновной, потому что в сад за детьми не успевала, и отправилась на автовокзал.

В Пружинске она купила билет до Ссёлок и сразу пошла на посадку. И там услышала, что в Ссёлках пропало трое

подростков, их ищут уже пять суток. Её охватил озноб: как и тогда, два мальчика и девочка. Волонтёры искали их следы на болотах и по берегу реки, до которой путь был не близок. Но односельчане склонялись к тому, что дети проникли в усадьбу и спустились в подвалы под флигелем управляющего, только вот работники нового владельца усадьбы утверждали, что проход в нижний ярус подвалов, который, по легендам, был потайными ходами древнего монастыря, завалило ещё неделю назад. Участкового они впустили, и он, вернувшись, подтвердил, что рухнула каменная стена, и вход в нижний ярус завален безнадёжно. Вот интересно, из пассажиров автобуса одна Альбина бывала в этих подвалах, остальные не то, что не были, но даже не общались с теми, кто там бывал, однако спорили о том, как туда попасть. Ей было так плохо, что хотелось вскочить и заорать на них, чтобы замолчали. Но она продолжала сидеть, потупившись, пока вдруг из носа не потекло. Успела подставить руку, иначе кровь закапала бы на джинсы. Тут уже спорщики переключились на неё, заставили шофёра остановиться, холодная вода нашлась, чтобы умыться и попить, и после остановки разговор шёл исключительно о давлении и слабых сосудах.

Впрочем, когда автобус остановился у Ссёлковского магазина, все сочувствующие ломанулись на выход и шустро разбрелись по домам. Альбина дошла до сельской администрации, где, как говорили в автобусе, находился штаб по поискам, но там только бухгалтерша сидела, оставленная, как она

сказала, для связи, усталым голосом повторявшая спрашивающим что лично, что по телефону: «Пока без новостей, поиски продолжаются». Альбина вздохнула и поплелась к церкви.

Путь был неблизкий, село, сравнительно небольшое по населению, тянулось вдоль трассы на Энск. Хотя колокольня была видна вдалеке за купами деревьев с пяточка перед администрацией, она всё-таки спросила у идущей из магазина бабки, сможет ли она идти к кладбищу напрямую, ориентируясь на колокольню.

– Ой, дочка, если давно не была, лучше вдоль шоссе иди, а за школой свернёшь. А то тут между домами тупики да закоулочки.

Альбина намочила носовой платок под колонкой, положила его на голову и двинулась назад к трассе. Солнце жарило немилосердно, но её по-прежнему пробирал озноб, да так, что руки гусиной кожей покрылись. А когда, наконец, свернула на ведущую к кладбищу узкую полосу асфальта, вдоль которой стояли плотно высокие тополя, ей вдруг в тени стало наоборот жарко. Она миновала школу, потом двухэтажный многоквартирный дом, построенный полвека назад совхозом, за ним ещё два коттеджа примерно того же времени постройки, а дальше по этой стороне началась берёзовая рощица. У крыльца последнего коттеджа, присев на нижнюю ступеньку, разговаривал по телефону молодой бородатый мужчина. Что-то в его лексике натолкнул её на мысль,

что он священник. Альбина, до этого шедшая быстрым шагом, замедлила свой ход. Он поднял на неё глаза, глядя вопросительно, но доброжелательно. И она выпалила:

– Батюшка, с вами можно поговорить?

– Зайдите, здесь, во дворе вам удобно будет, или в дом зайдём?

– Да чего там, дело моё такое... о нём сейчас все только и говорят.

Альбина присела на скамейку, стоящую за крыльцом, и быстро, чтобы не передумать, заговорила:

– Тридцать два года назад я отдыхала там в пионерском лагере, – она махнула рукой в сторону кладбища. – Однажды мы втроём, я и ещё двое парнишек, один из лагеря, второй здешний, залезли в дом Павлицевых. Местный мальчик сказал, что знает щель под лестницей, через которую можно попасть в подвал...

– Я слышал такую историю от предшественника, а он – от покойного сторожа, – осторожно перебил её священник. – Значит, говорите, тридцать два? Меня отец Сергей зовут. Представьтесь и вы.

– Альбина.

– Местного мальчика не помните, как звали?

– Я его тогда видела в первый и последний раз. Я и нашего-то не помню... вроде, Вова. У нас была робкая такая дружба... ну, наподобие первой любви. Знаете, ничего такого, но гормоны играли, и в подвал на слабо они меня угово-

рили лезть, хотя я всегда была сдержанная и разумная. А тут приводит Вова этого мальчика... как же его... прозвище какое-то дурацкое... Сурепка, что ли?

– Особые приметы у мальчика были? Родинки, шрамы?

– Да, помню! Шрамик под глазом и немного нос кривоват.

– Минутку, прошу прощения, – он набрал номер и сказал в трубку. – Наталья, твой супруг сейчас на вахте? Очень хорошо. Скажи-ка ему, чтобы быстренько он ко мне подошёл. Надо мне с ним поговорить. Нет, тебе приходить не надо. Не волнуйся, я его надолго не задержу, – и Альбине. – Значит, вы утверждаете, что плутали по подвалам где-то сутки?

– Я этого вам не говорила... но да, чуть меньше. Мы ушли в начале тихого часа, а вернули нас в лагерь назавтра перед обедом.

– Я догадываюсь, вы предлагаете повторить тот путь...

– А куда деваться?

– Давайте всё же зайдём в дом, Наталья обязательно придёт, а к этой экспедиции, если она всё же состоится, внимания привлекать не нужно.

Они зашли на большую террасу, где стоял стол и несколько разнокалиберных стульев. Выглянувшей из кухонных дверей молодой женщине он тихо сказал:

– Варварушка, ты в окно поглядывай. Если Наталья вслед за мужем приплетётся, так ты её уж постарайся отправить восвояси. Скажи, речь о велосипедах пойдёт, ну, кому их пострелёнок давал, сам ли ездил... нет, ты глянь, уже идут.

Женщина кивнула, вытерла руки о фартук и выскользнула на крыльцо. Тем временем отец Сергей позвонил некому Михаилу Антоновичу и попросил его приехать «срочно, но не привлекая внимания», и чтобы Германа с товарищами позвал, потому что, мол, появилось ещё место, где поискать можно. Через минуту порог переступил высокий худой человек.

– Здравствуй, Андрюша, – сказал ему священник. – Вот, посмотри, не знакомы ли вы?

Альбина встала, потому что поняла: решается её вопрос. А у мужика вдруг губы затряслись:

– Альба!

– Ой, Сурепка! Никогда бы не узнала!

– Эк вы все... с кличками! У Андрея фамилия такая – Серябкин.

– Да, пацаны меня Сурепкой дразнили, – кивнул Андрей.

Некоторое время она молча разглядывала его. Да, теперь, несмотря на тридцать два прошедших года, она увидела знакомые приметы: вот он, шрамик под глазом, точно, и нос слегка кривоват, да не только нос, он и рот кривит.

Тут распахнулась входная дверь, и на террасу вступил грузный мужчина в полицейской форме. Он от порога поздоровался, обернулся, кивнул кому-то идущему вслед, прошёл и сел за стол. Следом за ним вошли трое мужиков, на вид такие средненькие, неприметные, даже поменьше Альбины ростом, одетые в камуфляж и берцы, но это не форма, сейчас

многие так обряжаются. Тоже поздоровались, присели молча, огляделись.

– Вот, эти люди тридцать два года назад по подвалам плутовали, как они утверждают, – сказал священник. – С тех пор не виделись, и сейчас кроме кличек друг о друге ничего вспомнить не могут.

– Да ведь подростками были, отец Сергей, – начала оправдываться Альбина. – А третий с нами был Вовка...

– Нет, кликуха у него Вован, но это по фамилии, как и у меня. А звали его, как и меня, Андрюхой, – возразил Андрей.

Альбина как будто удар по голове получила:

– Андрей? Вавилов?

– Точно, – радостно согласился Андрей. – Вавилов – Ваван!

– А что вас так удивило?

– Несколько лет назад я по работе пересекалась с ним. Теперь понимаю, он ждал, что я его признаю. Альбой звал, но даже это моей памяти не оживило. Вот оно как...

– А что ж он не открылся?

– Значит, было что-то, о чём вспоминать неловко, – вдруг вступил в разговор один из мужчин.

– Точно, – без стеснения подтвердил Серябкин. – Мы почти сразу сдулись, ну, может, несколько часов только... сначала бегали, потом ходили, а потом на кирпичи залегли. А Альба всё по кругу ходила со своим гвоздём. Часа на два

только на кирпичи прилегла – и опять кружить! Потом пришла, нас растолкала и к решётке привела!

– Это подвальная под церковь, что со стороны свечной лавки? – уточнил полицейский.

– Ну да, – подтвердил он. – Мы ещё долгое время через неё орали, никого же не было. Потом сторож пришёл, Михайлов, тогда ведь храм только начали восстанавливать, ломом решётку выломал, нас вытащил, обругал, сказал, чтобы говорили, что в болоте заплутали, и повёл тех двоих в лагерь, а меня огрел палкой и велел домой бежать.

– А вас что, не искали?

– Искали, но тихо, – ответила Альбина. – В лагере нас хватились только наутро. У нас назавтра родительский день должен был быть, мы к нему самодеятельность готовили. Бестолковщина, все бегали, нашего отсутствия не заметили. Вечером и в моей, и в Вовкиной... то есть в Вавилова кровати ребята под одеяло сумок и одежды напихали. В общем, когда нас хватились и собрались поиски начинать, тут нас сторож и привёл. И мы, как он велел, сказали, что по болоту кружили. Моей маме ничего не сказали... ну, я попросила. А мама меня забрала в тот же день, собственно, смена через несколько дней уже заканчивалась.

Пока они разговаривали, Андрей затравленно переводил взгляд с одного на другого, а потом жалобно сказал:

– А меня мамка не искала, она тогда уже сильно пила... и я ничегошеньки не помню, как шли... вы ведь туда лезть

собираетесь?

– Пойдём, Андрюша, я провожу тебя, – положив ему на плечо руку, сказал священник. – Наталья спрашивать будет, так ты ей скажи, что я ищу ребяташек, которые на кладбище озоруют. Они на велосипедах приезжают...

Дальше с улицы доносилось только удаляющееся «бу-бу-бу».

Все молчали, дожидаясь возвращения священника, безоговорочно приняв его старшинство. Он вернулся довольно скоро и сказал:

– Не гнушайтесь им, он больной человек, у него срывы бывают. У вас была мама, которую вы любили и берегли, и она вас любила. А его родительница своим долгом пренебрегала...

– Мы не осуждаем, – перебил его главный из этих троих по имени Герман. – Он нас не предавал. Но, если он слабак, зачем вы его вообще позвали? Это же огласка.

– Мне нужно было подтверждение того, что Альбина действительно была в подвалах. Я же её впервые в жизни вижу. Давайте, Альбина.

– Этот Андрей ничего не помнит, – начала она. – А я ничего забыть не могу. Ко мне всё это в кошмарах приходит...

– Ну, вы сейчас нам всё подробно расскажете, – это Герман вклинился в паузу.

– Даже не надейтесь, что вы меня на поверхности оставите. Не думаю, что там сеть ловит. Я могу что-то забыть, и это

станет фатальным. Не волнуйтесь, гирей на вас не повисну, я ещё не так стара, форму поддерживаю, жизнью закалена, физически всю жизнь работаю, по профессии строитель...

Вот это она зря сказала. Полицейский напрягся:

– Вы из тех?

– Геодезисты из нашей фирмы, да. Но я к этим работам не привлекалась.

– А как здесь оказалась?

– Послана в качестве курьера, в автобусе услышала об этом ужасе. Короче, помогите обмундироваться и полезли. Нужны ещё каждому бродни, потому что там во многих местах вода стоит, желательно бы ещё что-то надувное, если детей найдём, каски, потому что сверху, бывает, осыпается... так, и костыли хоть несколько, ну, типа которые скалолазы используют, там кое-где нужно будет на другой ярус перемещаться. И фонари на голову и обычные, тоже с расчётом на длительное пребывание. Воду, для детей жиденькую кашу или что-то типа протёртого овощного бульона. И не смотрите на меня так, я пойду хоть с чем есть, а вы – как хотите. Вот, смотрите.

Альбина скинула рюкзак и протянула полицейскому паспорт, раскрыв на странице, где дети значились. Он посмотрел, пролистал остальное:

– Тем более, вам себя для своих детей беречь надо.

– Если я там буду, то, значит, всё, что смогла, сделала. А иначе жить не смогу, я тот ужас до сих пор переживаю.

Выглянула из кухни Варвара, сказала:

– Я в сковородку кабачки молоденькие порезала, картошку, морковку, тыкву прошлогоднюю. Пока вы собираетесь, дойдут, блендером измельчу. Солить не буду. Ещё каши манной сварю на молоке, очень жиденькую типа манного супчика. И пойдёмте, я на вас батюшкину одежду подберу. И болотные сапоги у нас есть, хоть батюшка не рыбак.

– Под храмом не пройти, там Михайлов в тот же день всё зацементировал.

– Через часовню пойдём, – ответила Альбина, встав.

– Там нет хода.

– Найдём, – пожала она плечами и ушла вслед за попадьюй.

Через час они вшестером шли цепочкой по кладбищу. Плетясь вслед за Германом, идущим вторым после отца Сергея, она с отчаянием думала, что у её детей никого нет, кроме неё. Пока священник открывал замок, Альбина отошла к ближайшей могиле, присела на скамейку и набрала Диму. В ответ на его радостное приветствие сказала, что позвонит ему завтра для длительного разговора, а сегодня просто хочет попросить, чтобы он в случае чего помог её детей определить. И в ответ на его яростный мат ответила: «Всё завтра, Дима».

– Отец детей? – спросил Герман.

– Крёстный.

Они зашли в часовню. Собственно, это не часовня была, а

развалины старинной выложенной из камня церкви, в которой служба не велась уже лет полтораста, с тех пор, как была построена кирпичная.

– Вы уж потерпите, я буду определяться на местности, сказала она. – Храм там? Окно подвальное смотрит туда?

Закрыла глаза и под скептическими взглядами мужиков стала медленно поворачиваться, мысленно проговаривая, что дверь была напротив, ступени поворачивали налево, ещё раз налево, потом направо, потом на ступени налево, ещё раз и ещё раз, упёрлась в стену, которую открыть не смогла. Открыла глаза и сказала:

– Если ничего не пропустила, дверь за спиной.

Мужики стали простукивать стену, а она вышла, дошла до кучи мусора, нашла там дощечку, вернулась и стала очищать стык стены с полом. Почти в углу обнаружила подвижный камень, вынула его, осветила фонариком в образовавшуюся дыру, вскочила, сняла рюкзак и вынула оттуда связку ключей. Герман их у неё выхватил, сказав: «У меня руки сильнее», и опустил на пол. Перебрал связку, выбрал один, попробовал, посмотрел на напарников, один из них подал ему какой-то стержень. Ещё несколько манипуляций – и часть стены подались вперёд. Все молчали, только полицейский с шумом выдохнул. Один из мужиков, лысый с мелкими чертами лица и сальным взглядом, которого приятели звали Док, нырнул резко вниз в образовавшийся проём, Герман сначала попытался нажать на отошедшую стену, потом

присел и повернул ключ, и только тогда стена встала на место. Они подождали некоторое время, потом Герман вновь воспользовался ключом.

– Там такая же скважина, – сказал тот, кто уходил за стеной. – Ни туда, ни назад без ключа не выбраться.

– Контрольное время – четыре часа, – сказал Герман участковому и священнику. – Возвращайтесь, только дверь прикройте, но замок не навешивайте.

Когда они спустились по ступенькам крутой узкой с неровными ступенями лестницы, где чуть ли не плечами в стены упираешься, и вышли в широкий по сравнению с лестничным маршем коридор, третий член группы, которого приятели звали Чиф, осветив его, присвистнул. Они разделались по двое и обшаривали все боковые ответвления. Мужики хотели для скорости разделить по одному, но Альбина предупредила, что в этом лабиринте ходы то и дело раздваиваются. Минут сорок они гоняли по этим ходам, которые иногда раздваивались, и тогда пара расходилась по одному, но тогда закрепляли бечёвку от этой развилки, чтобы не заблудиться. Иногда ход приводил их всё в тот же главный коридор, иногда в тупик. Бечёвки, выводившие в коридор, они закрепляли на стене, чтобы было видно, что путь проверен. Вернувшись в коридор из очередного хода, мужики что-то просигнализировали Герману, который ходил в паре с Альбиной. Ей показалось, что он артикулировал «двести» и с отчаянием спросила: «Ребёнок?» «Нет, взрослый», – от-

ветил тот и, спросив взглядом Германа, показал на телефоне снимок тела и добавил, что в завале, по всей видимости, ещё один, торчит клок такой же одежды. Метров сто они молча двигались после этого по коридору, почти не встречая ответвлений, зато вода там стояла по колено. Потом идти стало уже невозможно, коридор слегка шёл под уклон, и настал момент, когда стало понятно, что дети туда пройти не могли.

– Выходим на верхний ярус, – сказала Альбина.

– Это где? Мы же всё обошли.

– У меня тогда был с собой гвоздь. Сначала я стрелки царапала, потом стала цифры писать. Каждый проход нумеровала. Сейчас вспомню... нет, точно не скажу, не то девять, не то восемь.

Цифры на стене они разглядели, но выразили сомнение, что где-то ещё есть непроверенный проход, из всех торчали хвостики верёвок.

– Тогда мы искали детей, а сейчас ищем пролом в стене под потолком. Идём по цифрам, а освещаем стены.

Буквально через пять минут они этот пролом нашли по цифре девять. Альбина запрокинула голову и удивилась, как они могли спрыгнуть оттуда, здесь ведь метра три. А мужики играючи поднялись: один встал спиной к стене и сцепил руки замком, другой к нему на руки, потом на плечи, дотянулся до края, подтянулся практически на пальцах и исчез.

– И всё-таки костыли вбивайте, нам ещё назад идти, – буркнула она.

Герман кивнул, вынул из рюкзака костыли и вбил их камнем, поднимаясь по стене, при этом верхний страховал его скинутой верёвкой. Потом следом за ним уже по костылям и верёвке легко поднялась она.

Пока шедший последним Чиф сматывал верёвку, они разглядывали коридор, в который попали. Тут стены были сложены частично из камня, но в основном из кирпичей.

– И для чего было такой лабиринт городить? – удивлялись мужики.

– Это всё в разное время строилось, – ответила Альбина. – Видите, и камень отличается, и кирпичи. Внизу древняя каменоломня, поэтому такие хаотичные ходы, только центральный коридор позже пробит, скорее всего, ранних монастырских времён, предположительно тайный выход к реке в случае нападения, судя по уклону. Позднее – монастырские подвалы, возможно, нижний ярус служил для захоронения тел монахов. А этот – частично подвал для хранения запасов, частично стены монастыря, которые постепенно из-за наслоения почвы в землю вросли. Вот тут кирпич начала девятнадцатого века. Над нами либо здание, либо земля. Тут всё по прямой, просто и без затей, но и практического смысла этот подвал не имеет. Кто-то из Павлищевых развлекался. Кстати, потайная дверь и остальные ключи скорее всего, уже не их работа, а Пудовкина. Пойдёмте!

Они почти сразу достигли цели. В какой-то момент, споткнувшись, один из мужиков ругнулся, и вдруг вдалеке по-

слышался тихий стон.

– Тихо, – сказал Герман. Некоторое время прислушивался, а потом сказал. – Голос будет подавать Альбина, но только по моей команде. Впереди Док, потом она, я замыкаю, – и в ответ на недоумение на её лице пояснил. – Может быть, эти взрослые их напугали. Женщина скорее вызовет доверие.

В первом же проёме оказалась грубая деревянная дверь, правда, прикрытая неплотно. Оттуда удушающе несло как из деревенского сортира.

– Диспепсия, – сказал Герман. – Болотной водички попили. Альбина, голос, Док вперёд!

– Лида, Паша, Толя!

Док зашёл, потом под мышки вывел девочку, которая слабым голосом говорила:

– Я норм, парней спасите...

Альбине он поручил вливать одному из парней воду, которая в нём не задерживалась, так что пришлось ей ему капать в рот из пипетки как младенцу. У неё от напряжения звенело в ушах, поэтому она не придавала значения, когда возник какой-то шелест. Герман вскочил и побежал назад. Вернувшись через минуту, сказал:

– Вода.

– Что вода?

– Хлопок был, потом вода пошла, слышала гул? – уточнил Док, доставая шприцы. – Скорее всего, ваши строители что-то обрушили, и вода затапливает нижний ярус. Много там,

Герман?

– От пролома где-то метр, так что выше головы. Надо искать другой путь. Альбина, ты ведь здесь была?

– В ту сторону флигель управляющего, но там завал, Михаил Антонович говорил, безнадёжный. В ту сторону – тупик. Но за тридцать два года что-то могло осесть, что-то обрушиться. Надо искать щели в потолке, – сказала Альбина.

Оставив Дока с детьми, отправились втроём.

– Он реально доктор? – спросила Альбина.

– Офицер, как и мы. Все в походных условиях можем помощь оказывать. Только Док чужой боли не боится, и рука у него лёгкая.

Дошли до тупика, осмотрели все стены. Ничего не изменилось за три с лишним десятилетия в надёжной арочной кладке. Альбина сопит огорчённо, Герман предлагает:

– Давай всё-таки завал посмотрим.

Когда они возвращаются, Док, привалившийся к стене, открывает глаза и говорит:

– Девочка выпила сто грамм жидкой каши, пацанам влил по две чайной ложки. Глухо? Не сменить?

Герман отмахивается и проходит мимо лежащих на пенке детей не останавливаясь.

Они дошли до пролома, который в торце коридора, но здесь перпендикулярно этому находится ещё один коридор. Альбина светит на стену и видит стрелку. Говорит, что направо флигель. Так и есть, десять метров – и завал.

Повернули назад и снова пошли мимо пролома. Коридор завершается тупиком, но тут на полу валяются обломки кирпичей. Альбина оживилась и стала тщательно осматривать стены.

– Что тут смотреть, стены крепкие, – возмутился Чиф.

– Альбина у нас специалист по кирпичам, – ответил спокойно Герман, присаживаясь на корточки. – Итак, слово специалисту.

– Хоть и спешим, а поучить придётся, – злясь на мужиков, которые относились к ней как к балласту, хотя польза от неё была, Альбина решила им нос прищемить. – На что в первую очередь вы обратили внимание в этом помещении?

– Я обратил внимание на хорошую кладку, – изображая школьника, ответил Чиф.

Герман промолчал.

– А вот я обратила внимание прежде всего на обломки под ногами.

– И что не так с обломками?

– Им меньше ста лет. Делали эти кирпичи не раньше 1927 года. Ну, не дошло? В советские времена тут часть кладки восстанавливали. Для надёжности даже арочную шахтную крепь установили.

– Где пробивать? – вскочил Чиф.

– Над крепью. Пока только один кирпич надо вынуть, причём с величайшей бережливостью.

Чиф долбил раствор между кирпичами, стоя на печках Гер-

мана. Через пять минут Альбина встала, прислонясь к Герману спиной, и скомандовала: «Переступай!» Как ни странно, возражать они не стали. Вскоре зашуршал какой-то осыпающийся сверху мусор, и Чиф спрыгнул, держа в руках целый кирпич.

– Тихо, – подал команду Герман.

«Тук... тук... тук...», что-то едва слышно монотонно стучало наверху.

– Работают? – спросил Чиф.

– Нет, это дождь, – ответил он и кивнул на Альбину, которая сосредоточенно перебирала пальцами мусор, просыпавшийся из пробитого отверстия.

– Что, золото? – дурашливым шёпотом обратился к ней Чиф.

– Золото – это люди, которые в своём деле профессионалы, – счастливо улыбнулась она. – А на нас подобно золотому дождю просыпался керамзитовый гравий. Его ещё в советские времена начали завозить, чтобы дорожки в лагере оформить, только селяне его по своим теплицам стали тырить. Дорожки так и не посыпали, а остатки в дом Павлицевых сгрузили через два крайних окна. Мы под углом здания, который ближний к въездным воротам!

– Долбим дальше? – оживился Чиф.

– У меня есть другая мысль, – сказал Герман, вынул из нагрудного кармана телефон, попытался его включить и показал рукой на стену. Чиф без возражений прислонился к ней и

сложил руки, а Герман легко вскочил ему на плечи. – Михаил Антонович, связь плохая, мы под домом Павлищева. Спасатели нужны. Долбите пол в углу, где керамзитовый гравий. Да, дети с нами, в тяжёлом состоянии. Внизу два взрослых покойника и один живой. Он опасен... да, по его вине... ну, он у них еду и воду отобрал, – и Чифу. – Нож подай, я из верхнего слоя ещё один кирпич выбью.

Альбину выдернули наверх следом за детьми. Когда её глаза адаптировались после темноты подвала к свету хоть и пасмурного, но дня, все уже были на поверхности. Детей унесли сразу, готовились к спуску какие-то серьёзные мужики с серьёзной экипировкой, Герман что-то им объяснял. Альбина взглядом наткнулась на стоящего в толпе Сергея, когда на месте медработница её освидетельствовала, и полицейский попросил выйти для разговора. Они в ожидании, пока к ним дыру в потолке пробьют, обсудили, что говорить, чтобы не подвести местных, особенно не доставить неприятностей священнику и участковому. Поэтому она выдала ему усечённую версию событий последних пяти часов: ехала она по приказу исполняющего обязанности её начальника привезти ему ключи от подвалов... да, ключи, насколько она успела заметить, переданы тем, кто собирается сейчас спускаться, слышала в автобусе о пропавших детях, а поскольку в их возрасте в тех подвалах побывала, то решила помочь. Сначала обратилась в местную администрацию, но там была только бухгалтер. Пошла к церкви, поговорила со священ-

ником и его гостями. Предложила им спуститься и поискать детей в подвале. Почему спасателей не вызвали? У вас, у государственных людей, не меньше двух дней ушло бы на согласование, а тут подготовленные люди. А что, они оставшие военные, люди к экстремальным условиям привычные, один из них в соседней деревне живёт, а двое в гости к нему приехали. Ну, и она тоже не белоручка, строитель с большим стажем. Батюшка им дверь церковную открыл, договорились о контрольном времени и пошли. Если всё, так ей бы поспешить в Новогорск, у неё дети малые в саду.

Когда её подвозили до дома священника, чтобы переодеться, она включила телефон и обнаружила по полтора десятка не отвеченных звонков Димы и Сергея. Сергею ей сказать было нечего, он и сам теперь всё знал, а Диме сказала, что у неё всё в порядке, ложная тревога, сейчас она едет в полицейской машине, а завтра позвонит.

Назавтра на неё такая слабость напала, что она бы взяла отгул, но ей позвонили ещё до восьми и настоятельно попросили явиться к следователю. Тут отношение к Альбине было совсем другое: и ключи-то она у кого-то украла, и с преступными намерениями в подвалы отправилась, и работу она прогуляла, и Сергей ей не звонил и в усадьбу не звал. Она пыталась возражать, но следовательница, дама стержневая и громогласная, всячески её сбивала.

– Я отказываюсь с вами общаться, – сказала взмыленная Альбина. – У меня температура, а вы на меня давите. Я хочу

говорить с вашим начальством.

К начальству её сопроводили, но усадили в приёмной и велели ждать. От нечего делать она начала делать наброски в телефоне, а потом разошлась и накатала заявление на двух листах, потом сфотографировала текст на телефон и отправила, приложив скриншоты со звонками Сергея. Потом зарегистрировала письменное заявление и пошла на работу.

Вот тут её поджидало самое неприятное: на неё окрысился весь отдел. Но ещё до того, как ей туда зайти, она зашла в кадры и подала заявление на расчёт. Потом, увидев, что кабинет Аркадия Ивановича открыт, зашла к нему. Он был очень огорчён тем, что «произошло это досадное недоразумение», но, чувствуется, склонялся к тому, что правда на стороне Сергея. Конечно, ведущий архитектор и сметчица, чего сравнивать. Он попросил доделать расчёты по последней точечной застройке, и они договорились, что, если она не уйдёт на больничный, то закончит их на этой неделе, и со следующей он ей заявление подпишет.

В отделе ей никто даже не ответил на приветствие. Аркадий Иванович, сопровождавший её, укоризненно покачал головой, но промолчал. Альбина прошла в свой закуток и молча собрала кое-что из личных вещей, остальное оставила на последний день отработки. И ушла бы, не выясняя отношений, их ведь и не было как таковых, она ни с кем особенно не сошлась за эти полгода, но на неё налетела с обвинениями одна дама из группы Сергея. Альбина, мол, облыжно

обвинила крупного специалиста и безупречного джентльмена. И тут у неё в памяти всплыли эпитеты, которыми он эту Розочку в числе прочих обложил, когда характеризовал своих подчинённых под одну гребёнку с Альбиной. Она влезла в телефон, нашла её и, зловеще усмехнувшись, сделала рассылку. Потом подумала и послала Аркадию Ивановичу ещё один файл.

– Аркадий Иванович, я на Сергея заявление написала, вам на почту бросаю текст со скриншотами, чтобы вы были в курсе. И всем разослала аудиофайл. Там звонок Сергея по поводу ключей, которого, как вы считаете, он не делал. Правда, не весь. Я запись включила с того момента, когда он заматерился.

– Ах ты, гнида! – сорвался Сергей.

А она включила запись, и под общее молчание зазвучали матерные речи о бездельниках, протирающих штаны, с индивидуальными характеристиками отдельных коллег, особо ему неприятных. Тут в отдел ещё и босс зашёл, видимо, в связи с её прибытием. Его аж передёрнуло, когда речь дошла до обвинений в интимной связи с шефом. Хотя она чувствовала себя уже совсем плохо, но оценила, как Гена вздрогнул при этих словах, и какое облегчение почувствовал, когда понял, что речь идёт об Аркадии Ивановиче. Нетрудно было догадаться, что далее его мысли пошли по тому же маршруту, что и у Альбины тогда: с этой связью надо завязывать.

– Я досчитаю всё после больничного, Аркадий Ивано-

вич, – сказала она и пошла на выход.

– Альбина Васильевна, задержитесь на минутку, – попросил её босс.

– Извините, всё потом. Я очень плохо себя чувствую.

Постеснявшись вызвать врача на дом, она доехала на такси до своей поликлиники, в которой ещё ни разу не была, но там второй раз в жизни потеряла сознание.

Пришла она в себя почти сразу, её даже не успели с пола поднять. Но у неё температуру намерили аж 40,1 градуса!

– При такой, кажется, белок сворачивается, – хмыкнула она.

Предупредила только Екатерину Семёновну и отправилась в стационар.

После многочисленных уколов и непрерывных капельниц ей стало чуть лучше, но к слабости прибавилась ещё и сонливость. После утреннего обхода врача она почти сразу задремала, но сквозь сон слышала стук в дверь палаты и чей-то знакомый голос:

– Ну, узнаёшь?

Потом что-то поползло по лицу, и она схватилась за что-то шуршащее. Открыла глаза. Игорёк тыкал ей в нос букетом. Альбина даже не заметила, что у неё слёзы потекли, только лицо малыша стало расплываться:

– Крестничек!

И он в ответ заревел:

– Мама!

Преодолевая слабость, она спустила на пол ноги и села. У неё не было сил, чтобы взять малыша на руки, поэтому она просто прижала его к коленям и поцеловала в голову. Дима подхватил его и посадил её на колени, а сам грузно опустился на кровать рядом с ней и по-медвежьи её облапил.

– Аль, до чего ж ты себя довела в этом Новогорске. Возвращайся уже, а? Мы так скучали!

И она в ответ вдруг бессильно уткнулась ему в грудь и заплакала. Дай бог памяти, когда она плакала в последний раз? Что-то не припомнится такого. Слезы пролиwała только над книжками, а над своей судьбой... разве что в молодости.

– А если скучали, что ж не приехали?

– Ты ж обиделась!

– Как обиделась, так и разобиделась! Держи ключи, адрес знаешь, соседка детей из садика приведёт, бельё в шкафу, еда в холодильнике.

А вечером Екатерина Семёновна пришла с передачей. Насильно накормила, выговаривая при этом, что грех скрывать такого выдающегося мужчину: и готовит-то он, и детей накормил, и висят-то они на нём как игрушечки новогодние, и папой зовут!

– Ну вот, начинается, – проворчала она. – Мужик, конечно, видный, два метра ростом, я рядом с ним просто девочка-девочка, а не лошадь ломовая, силён как бык, по повадкам мафиози. Мозги у него не по внешности, сам придумал какое-то очень сложное производство, всё до винтика-шпун-

тика. Одна маленькая слабость, которая не даёт мне взглянуть на него как на мужика.

– Неужели слаб? – всплеснула руками Екатерина Семёновна.

– Наоборот. Распыляет свой генофонд как сеятель Ван Гога широким шагом и сильными бросками. И ничем его не остановить.

– Ну, тогда конечно, – разочарованно вздохнула старушка. – С кобелиной стаей нам не по пути.

Приехал Дмитрий Михайлович сюда только на выходные. В воскресенье повёз детей в Утятин. Хоть и не хотелось этого Альбине, а деваться некуда: со следующей недели садик закрывался на ремонт, а навесить ребятишек на старушку на круглые сутки – ноша для неё непомерная. Екатерина Семёновна поехала с ними, чтобы приглядывать за малышами в дороге, а вернулась очень расстроенная:

– Ох, городок хорош, особняк прямо картинка, детям в закрытом дворе просто рай, нянька ответственная, Дмитрий Михайлович такой заботливый! Но сучки вокруг него так и вьются, так и вьются!

– Ага, а он их ногой отпихивает!

– Да вот и беда, что он чуть ли не на каждую с охотой лезет!

С работы к ней приходила только Людмила. Сначала она приносила домашнюю еду и фрукты, предлагала забрать детей и глядела испуганным взглядом, но на второй день при-

шла воодушевлённая и передала ей от Аркадия Ивановича извинения, дескать, был он в имении, до работы комиссии его, конечно, не допустили, но поглядеть издали на объект разрешили и на планах всё показали. Геннадию Ивановичу он заявил, что такой пролом должен был привести к затоплению, и не догадаться о последствиях мог только идиот. Таковым он Сергея не считает, поэтому вынужден считать его преступником. Через пару дней к такому же выводу пришли и правоохранительные органы, и ведущего архитектора арестовали. Дошли слухи, что сделано это не только по выводу комиссии, но и по показаниям того, кого выловили в подвале спасатели. Он оказался из чёрных копателей, которые специализировались на старых зданиях и захоронениях, да и воинскими не брезговали. Сергей с ними много лет сотрудничал, на старинные объекты, на которых работал, наводил. Ключи из флигеля управляющего он стащил и дубликаты заказал для подельников. Когда Сергей их в подвал провожал, они следы видели, и о том, что подростки внизу остались, знал. Завалило дружков у него на глазах. И он никого не пожалел в попытке прикрыть своё участие в преступлении.

Глава шестая. ВСЁ НА ПРОДАЖУ

Утренняя пробежка перед работой. Топ, велосипедки, бейсболка, кроссовки, на шее полотенце. Сначала по тропинке вдоль берега Чирка, потом по берегу озера до городского пляжа и назад. Потом, влетая в калитку, прислушаться, не гомонят ли ребятишки. Нет, тихо, значит, спят ещё, и можно искупаться. Одежду на скамейку, обувь под скамейку и назад, к мосткам. Вынырнула на середине реки и поплыла параллельно беговому маршруту вновь в сторону озера. Недолго, минут десять, а потом назад, на это совсем немного времени уходит, потому что по течению. И дальше уже всей семьёй: побудка, утренний туалет, завтрак, спор из-за того, что сегодня надевать в садик, ну, это обычно дочь капризничает, мальчишкам всё равно.

На работу приходится ехать на Димином Лексусе, потому что сначала надо детей в детсад сдать. Так-то с ними пешком за пятнадцать минут дойти можно, но это ведь глаз да глаз с тремя-то.

Эта дорогушая машина, в переделках побывавшая, а потому изрядно побитая, хоть и давняя покупка Димы, ещё из тех времён, когда был он владельцем завода, – его единственное имущество на территории отечества. Год назад, когда Альбина после выписки из больницы приехала за детьми, Дима, увидев её, измождённую и потухшую, сразу сказал,

что никуда её не отпустит, покуда она не придёт в божеский вид. Сама она тоже понимала, что не пневмония её так извела, а подвальный стресс. А город этот, в котором она провела первые два с половиной года своих детей, она любила больше, чем даже родной Пружинск. Первую неделю она спала до полудня, а потом выходила во двор и валилась на диван-качалку. Дети радостно крутились вокруг неё, потом увлекались какой-то игрой, ссорились, мирились, иногда она их поругивала, иногда бросалась обнимать, а потом снова бессильно валилась на качалку, на скамью, на траву...

Она бы долго восстанавливалась, но что-то заставило её влезть в Димины бумаги. И её как током прошибло. С ножом к горлу подступила, и выяснилось, что он в страшнейших долгах. Он и сам всё прекрасно понимал, но продолжал тянуть резину, всё больше погружаясь в долговую яму. Альбина возмущалась, как мог он, технарь по образованию, но и предприниматель по прежней жизни, так осложнить своё положение? Его детище, завод по производству чего-то высокотехнологичного, в чём она, «специалист по кирпичам», даже и не пыталась разбираться, теперь, оказавшись в чужих руках, медленно но верно сокращал производство, потому что что-то там приходилось закупать за границей, и Дима в своё время начал строить цех по производству этой детали, а нынешний владелец контрольного пакета строительство заморозил. Альбине с трудом удалось убедить его, что пациент скорее мёртв, чем жив, и надо отплывать от этого

корабля с пробойной, чтобы не затонуть вместе с ним. Этот лопух не только завод жалел, он ещё ни в какую не хотел расставаться с особняком, а без продажи дома в Утятине он на нуль не выходил. В грудь себя коленкой стучал: «Это родина моего сына!» А единственная возможность для него выкарабкаться – поехать по приглашению китайцев налаживать аналогичное производство. Но при его долгах его просто не выпускают за границу!

От зла на этого безответственного человека Альбина выскакивает из своей депрессии как пробка из бутылки. Они ругаются и считают, считают и снова спорят. Она уговаривает его продать всё, оставить сына ей и уехать зарабатывать на новую жизнь за границей. В конце концов Дима предлагает переписать дом на неё, чтобы он мог его впоследствии выкупить, а её квартиру продать для покрытия его долгов. Сначала-то он ни много ни мало предложил ей выйти за него замуж! Она так возмутилась, что Дима сразу отступил на заранее намеченные позиции, дескать, это фиктивно, чтобы она Игорька усыновила. Альбина ему ответила, что опыт фиктивного брака у неё есть, и повторения ей и в страшном сне больше не привидится, да и не готова разумная женщина принять шелудивого кобеля, да теперь ещё с блохами, имея в виду его финансовое положение. В результате они продают всё его добро, кроме помятой в коробочке машины и особняка на берегу Чирка, ещё и её Новогорскую квартиру, сделав предварительный обмен на Утятинский дом, Дима оформ-

ляет каким-то образом её опеку над крестником, оставляет сына ей и уезжает за границу.

Выбрался он из страны чудом, потому что через неделю на Альбину «наехал» нынешний владелец Диминого завода. И тогда ей стало понятно, что эти долги – то, чем он держал Диму на своём производстве. В ответ на его претензии она предлагает ему предъявить свои денежные иски через суд, поскольку должник за границей. Есть реальная возможность получить с Веневитинова долги, но в пределах стоимости коцаного авто. Но оказалось, что в надежде на других заимодавцев сам начальник его на крючок не подсадил, пожадничал.

И всё бы теперь нормально было, но незадолго до Альбиного приезда сюда Диму посетила его дальняя родственница Анисья Памфиловна и возвращаться домой категорически отказывалась. В какой степени родства они состояли, он затруднялся сказать, бабуля и сама путалась в показаниях. Когда её пытались выпроводить восвояси, она стонала, что её гонит из дома единственная родная кровиночка, сын родного племянника. А когда собиралась писать завещание, утверждала, что есть родственники и ближе, а Дима – всего лишь внук её троюродного брата. Уже перед отъездом он со вздохом покаялся, что тётя Ниса лет чуть ли ни с сорока, как овдовела, мотается по родственникам и однофамильцам, не желая вести хозяйство и тратить собственные деньги. До этого и дом поддерживал, и готовил её муж. Её в Пружинске

все знают и зовут Пиявицей. Если видят в окно, затворяются и сидят дома как мышь под веником, пока бабке биться о дверь не надоест. Завещать ей есть что, у неё большой дом с мансардой, правда, очень обветшалый, но зато на большом участке в центре города. Но, если в первое время родня клевала на эту приманку, то теперь, когда бабке уже девяносто, все уверены, что жить она будет вечно, и между собой кличут её Памфиловна-Мафусаиловна. И что в Утятин она приезжает уже во второй раз. Первый раз она попыталась пожить у них в Уремовской квартире, но Димина бывшая жена, дама жёсткая, не чета Веневитиновым, решительно спроводила её через несколько дней. А в Утятин бабка приехала сразу после его развода и жила несколько месяцев, вплоть до нападения на него. Когда поняла, что рядом в нём опасно, тут же затребовала транспорт и вернулась на родину. А теперь её наверняка привёз к воротам кто-то из Пружинской родни, кому она обрыдла хуже горькой редьки, и плевать ей, что дом Альбинин, она с ней теперь тоже роднёй сочтётся, и вывести её отсюда можно только как тараканов: отключить на зиму отопление и куда-нибудь сбежать. «А ты добрая, ты только для вида делаешь морду кирпичом». Альбина махнула рукой, но отселила её в квартирку для прислуги над гаражом, больно уж бабка была любительницей тащить в дом всяческую ветошь. И стала считать её той самой козой из анекдота: «купи козу, если не вмоготу, полкомнаты ей отдай, купи козу, а потом продай, и жизнь превратится в рай! Когда охота пу-

стить слезу, до ручки когда дошел – купи козу и продай козу, и всё будет хорошо!»

Вот уже год Альбина работает здесь в ЖЭУ главным инженером, лается с сантехниками и электриками, спорит с управляющим, получает втыки от городской администрации. Ещё калымит в фирме соседа из дома напротив. Фирма это называется «Окна, двери», но практически берётся за всё: потолки, ворота, заборы. Не сказать, что ей денег не хватает, нет, они не бедствуют. Присылает Дима, получает зарплату она. Да и расходы у неё не те, что у этого понтырящика: ну зачем ей охранники, кухарка, дворник? Одну няньку оставила, да и то потому, что той деваться некуда: от мужа ушла, попросилась на работу с проживанием. Платит поэтому Альбина ей меньше, чем Дима, да и нагрузка у неё не та, дети в сад ходят. По выходным приглядывает, да вот хоть и с утра, покуда у хозяйки пробежка.

И вечером иногда. Вот и сегодня Альбина детей из садика привела, быстренько перекусила – и на калым. На Лесной один москвич особнячок прикупил и теперь перестраивает. Камин ему потребовался. Они с соседом третий вечер этим занимаются.

– Чего ты на детей сегодня ругалась? – спрашивает сосед. Альбина смеётся:

– Представляете, захожу вчера в сад, вижу, сидит моя Инна на стуле, вытянув ногу, а какой-то молодой человек ей на неё носок натягивает. Мальчишки рядом стоят, смотрят.

Я спрашиваю, что за ерунда? А Ольга Васильевна мне отвечает, что, мол, дочь моя проводит кастинг женихов. У них в саду теперь фишка такая, после пышной свадьбы дочери местного царька все девчонки собрались замуж. А у Инночки четверо претендентов! Игорь только ворчал, зачем ей этот Вовка, когда у неё два брата. Я ему сказала, что братья не могут быть мужьями, а он как завопит: «Маша, я на тебе не женюсь, мне мама не разрешает!» А Илюшка: «Я тоже брат, мне тоже не надо жениться!» И драпать! Вот попробуй тут выйти замуж, если мужики в окно сигают, как у Гоголя! И я теперь Инну чуть чего пугаю, что её замуж не возьмут, ну, к примеру, как сегодня, с немывтыми руками и с расцарапанным носом.

Звонит Альбинин телефон. Напарник скидывает с рук верхонки и предлагает прерваться. Они выходят во двор, сталкиваясь в дверях с двумя: хозяином дома и здоровяком почти двухметрового роста, который пристально глядит на неё и здоровается. Смутно знакомое лицо, фигурой на Диму похож, только кудрявый, а Дима давно бреет свою изрядно облысевшую на чужих подушках голову. Она кивает ему в ответ, отвечая на звонок и отходит к воротам.

Это Гена звонит. Виделись они последний раз, когда она освобождала квартиру после продажи. Как чувствовал, приехал. Поговорили на ходу, во дворе, пока мужики грузили машину. Он на удивление не психанул и сразу не уехал. Стояли и говорили друг другу какие-то необязательные слова,

он обиженно косился на Диму, но ничего не спросил. Позвонил через месяц. Опять разговор ни о чём, на какие-то общие темы и об общих знакомых. Звонил один-два, редко три раза в месяц, примерно с той же периодичностью, с какой встречались раньше. Может, звонит после встреч с нынешней любовницей, сравнивая? Весной был перерыв, и она подумала, что наконец-то отстал. Но нет, с июня разговоры восстановились. А сегодня она даже обрадовалась ему, потому что вспомнила этого здоровяка, услышав Генин голос:

– Слушай, как ты кстати. Встретила сейчас одного нашего общего знакомого, но никак не могу вспомнить, как его зовут. Пластический хирург максимального размера?

– Э... кажется, Вадим. Он же тебе визитку давал. А где ты его встретила?

– Да у нас в Утятине. Визитку я сразу кому-то из наших дам отдала, он же мне сказал, что его услуги покуда не нужны. А я тут камин выкладываю в доме, где он в гостях.

Геннадий Иванович, чувствуетея, пугается:

– Аль, я ни разу не спросил, как ты живёшь там в материальном плане?

– Да всё нормально, Гена. У меня в собственности двухэтажный особняк, домработница есть. В управляющей компании работаю, а это подработка. Мне это дело нравится, двойная польза: и для души, и для кошелька.

С Вадимом они в тот вечер душевно пообщались, в следующий вечер он тоже следил за их работой и вёл непринуж-

дённный разговор. В выходной зашёл к ней в гости и понравился в доме всем, даже бессмертной Мафусаиловне. Она и с ним попыталась сочтись родством, и всё выясняла, где живёт и как к нему доехать. В субботу утром Вадим поджидал Альбину у калитки с речной стороны, и они вместе добежали до городского пляжа. Она даже в волейбол там поиграла с молодыми ребятами. Просто отбила на бегу летящий на неё мяч, и они попросили составить им компанию. «Да я уж двадцать лет не играла, с институтских времён», – возразила она смущённо, но присоединилась и поразила их мастерскими подачами и блоками.

Вообще с Вадимом Альбина чувствовала себя молодой: лёгкий бег, плаванье наперегонки, пикировка, разговоры о спорте, автомобилях и даже о моде. Она уже кое-что знала о нём, не выспрашивая, а вылавливая отдельные факты из разговоров. Он на три года моложе, недавно овдовел, детей нет. Вроде, всё прекрасно, и есть надежда на серьёзные отношения, но вот не цепляет. Бывает такое, что всем хорош ухажёр, но не то, что бабочки в животе не порхают, но и все предыдущие жизненные циклы этих бабочек отсутствуют: куколки не сворачиваются, да что там, даже гусеницы не ползают. Видно, предыдущие бабочки яйца не отложили. И как-то на работе, стоя в резиновых сапогах над душой сантехников, которые устранили потоп из канализации в подвале пятиэтажки на улице Горького, и прикрывая нос медицинской маской, она стала анализировать, где же происходит разлом

в их отношениях. Он сразу заявил о серьёзности намерений, намекнув, что пятнадцать лет состоял в стабильном браке и не хотел бы сменить образ жизни, заводя временные связи. Впрочем, он сказал это после того, как Альбина отбила его поползновения, так что заявку эту можно всерьёз не воспринимать. Вадим с первого визита стал налаживать контакт с детьми, и это ему удалось, хотя... а вот здесь первое но! Он отделял Игоря от её родных детей. То есть возможно, что планы у него по отношению к ней серьёзные, но принять Альбину он готов с её приплодом, но не с теми, кого она взяла под опеку. А она фактически усыновила няньку Варю, скрывающуюся за забором от буйного мужа, бабушку Мафусаиловну, скрывающуюся здесь от самостоятельной жизни и расходов на неё, и Игоря, которого не смог обеспечить его блудный папаша. Игоря она давно считает родным и не отделяет от Ильи и Инны, Варю жалеет за её безволие и ценит за помощь, от бабушки с удовольствием бы избавилась, но даже она воспринимается ею как родная, а Вадим чужой. И, стоя в подвале по щиколотку в дерьме, она поняла, что её планы на Вадима – дерьмовые. Надо их аннулировать!

Мысли материальны. Стоило проанализировать окружение, как оно стало рушиться. В этот же день, вернувшись с работы, Альбина сразу пошла в дворовую душевую кабинку, крикнув Варе, чтобы та принесла ей халат и полотенце и запустила одежду в стиральную машину с особо пахучим порошком. А она протарахтела взволнованно под дверью, что

слегла Анисья Памфиловна. Впоследствии с этого момента Альбина отсчитывала новую страницу своей жизни. А сразу она не придавала этому маломальского значения, слишком привыкли все к бабкиным причитаниям о близкой кончине. Но, конечно, пошла её навестить и сморщилась от смрада в заваленной всяческим барахлом комнате. И опыт работы в богадельне, увы, навёл её на мысль, что, судя по её состоянию, Памфиловне Мафусаилов век не дан. Пришлось вызывать скорую помощь.

Скорая приехала лишь через час. Пожилая фельдшерица отмахнулась от Альбининых извинений по поводу бардака в жилище:

– Я медик, мне эти старческие помойки не в диковинку. Синдром Плюшкина, или, как сейчас модно всё на английский переводить, хардинг. У вас ещё есть, куда бабку отселить. А сколько семей, которые с ними за этот мусор ежедневно сражаются! Обирается она уже. В течение часа отойдёт. Я бы ничего делать не стала, но для вашего спокойствия один укол впорю. Но это чтобы не сказали, что вы ей медицинскую помощь не оказывали. Вы больше нас не вызывайте, и полицию не надо, я им сообщу, сразу ритуальную набирайте.

Альбина проводила медичку до ворот и зашла в дом, чтобы переодеться. Посидела минут сорок, приняла последний вздох, отправила тело в морг и взялась за разбор завалов. Позже, уложив детей, к ней присоединилась Варя.

– Померла баба Ниса? – деловито спрашивает за завтраком Инна.

– С чего ты взяла?

– Баба Ниса сказала, когда мы из парка пришли. Завтра, сказала, помру.

Ого, это значит, позавчера. Знала или как всегда актёрствовала? А если всерьёз смерть чувствовала, почему не сказала ей или Варе, а вывалила на ребёнка? Ребёнок, впрочем, слишком мал, чтобы прочувствовать серьёзность момента, зато желает новых впечатлений:

– Мама, а ты нас на кладбище возьмешь, чтобы бабу Нису закопать?

– Нет, детям нельзя на кладбище.

– Жалко, – вздыхает она. – Баба Ниса сказала, у них там в Пружинске черти по кладбищу летают.

Не выпрашивает на удивление, обычно она отказ с первого раза не принимает. Но понятно, почему: ей есть сегодня чем поделиться с группой детского сада, маленькой сплетнице и фантазёрке. И Альбина честно предупреждает воспитательницу, что сегодня они все наслушаются историй о смерти, закопанных бабках и летающих чертях.

Ещё она звонит в Пружинск по номеру, оставленному бабкой год назад, сразу по прибытию.

– Неужели померла? – радостно удивляется абонент Валерий. – Ну, Мафусаиловна, обещала помереть в ближайший вторник тридцать восемь лет назад, а дожила всего до девяти

носто одного года! Да не племянник я, муж троюродной племянницы, но душеприказчик. Должен теперь от вас это ценное тело доставить на наше кладбище и похоронить между мужем и сыном. Привезёте, даже так? Ну и отлично!

Он излагает все наказы бабки на случай её кончины, и они договариваются выполнить их все, хоть на два города это весьма неудобно. Заскочив домой в обеденный перерыв, Альбина столкнулась у калитки с атакующими Варю двумя бабками и одной тёткой помоложе, настроенными весьма решительно. Альбина сразу догадывается, кто они, и отвечает на невысказанные претензии:

– Это с вами Анистья Памфиловна в баню ходила по субботам? Хотите проводить в последний путь? Нет, с катафалком поехать не получится, она пожелала, чтобы её тело постояло в родном доме. Её отвезут накануне, но на следующее утро я поеду и могу захватить вас с собой.

Это были самые эксцентричные похороны, которые можно было придумать только сценаристу юмористических концертов. Альбина подвезла бабкиных приятельниц к дому, зашла лишь на минуточку, познакомилась с Валерием, кругленьким пожилым мужичком с улыбающимся не по событию лицом и шепнула ему, что отъедет на часок на кладбище, чтобы навестить своих родителей. Вернулась она уже к выносу.

Когда Альбина подошла к могиле, чтобы бросить горсть земли, она случайно наткнулась взглядом на памятник за

оградой. Знакомое лицо. Славка Веневитинов, ну и дела! Отошла в сторону и стала разглядывать ближайшие могилы. Мафусаиловну закопали в огражденном клочке земли, где покоились муж и сын, и в соседней ограде тоже все Веневитиновы, скорее всего, родственники. А вот по другую сторону длинная ограда, за которой в ряд шесть могил Поповых, и среди них один Веневитинов, её бывший фиктивный муж. Эх, и спросить не у кого, она ни с кем не успела познакомиться кроме Валерия, а он в хлопотах.

Поминки ему пришлось организовать в доме покойной, как того потребовала она, но угощение, в основном, было заказано в ресторане, только кое-какие блюда принесли родственницы, тоже по заявке покойной. Началось застолье стандартно, но после второй рюмки за большущим столом то и дело стали вспыхивать смешки. Начал веселье интеллигентного вида старичок, который взял слово вторым после Валерия:

– Наша Анисья была оригиналка в жизни, но и с собственной смертью всех переплюнула. Какая эклектика! Ну где бы вы ещё увидели и священника с кадилом, и духовой оркестр!

– Всё по заказу, ни в чём не нарушил волю покойной, – сиял Валерий.

Альбина ждала, что мужиков за нарушение протокола окоротят бабки, но те одобрительно закивали головами, а одна откровенно хихикнула:

– Сплоховала Памфиловна, надо было ещё солдатиков за-

казать, чтобы над могилкой стрельнули!

Бабки опять закивали, да ещё и расцвели улыбками. Одна спросила:

– Валера, ты в смету-то уложился? Или скинемся по-родственному, чай, не впервой?

– Всё нормально, на сороковины приходите, и на полгода, и на год помянем. Мне ещё с Альбиной рассчитаться, скажите, сколько потратили.

– Да ладно, – отмахнулась она. – Анисья Памфиловна мне больше года мозги сушила, что же я, на гроб ей пожалею?

– А как она к вам попала, вы же ей и вовсе не родня?

– Мы с Димой жильём поменялись, вот вместе с домом она мне и досталась. Он сказал, что вывести его из него можно только вместе с тараканами: отключить отопление и уехать на зиму.

Родня закатилась смехом. Утятинская подруга покойной поджала губы:

– Как же, Анисья говорила, что вы её родная внучка.

– Ага, – кивнула Альбина. – Ко мне на днях ухажёр прибился, гостил он в доме, где я ремонт делала. Она сразу его родным признала и всё расспрашивала, как ей удобнее до его новогорской квартиры доехать.

– Узнаю тётю Нису, – под смех родни воскликнул Валерий. – Умела покойница уклоняться от расходов!

– У неё была очень приличная пенсия, – возразила Альбина землячка.

– Точно, приличная, – фыркнула молодая девушка, единственная представительница молодёжи на этой тризне. – Приличная и такая стеснительная, что её никто не видел. Последний год вообще в другом городе жила, а пенсия здесь на книжечку капала.

– А где же она деньги брала?

«Да у того, у кого жила!», «А ещё говорила соседям, что голодом её морят». – кидали реплики родственники. В ходе разговора выяснилось, что именно так и было: Мафусаиловна еженедельно получала от Альбины двести рублей на баню, а потом просила товаров доплатить ей на билет, который стоил шестьдесят рублей. Все сгорали от любопытства, сколько накопила эта старая хитрованка и кому завещала свои богатства. И ещё немало дивились тому, что на жизнь бабка старалась не тратиться, а на смерть очень щедро оставила.

Под конец Валерий заявил, что имеет заявление. Ему как душеприказчику было покойной поручено зачитать сразу после похорон завещание, которое вступит в силу через полгода. И зачитал. После чтения все смешки прекратились, и родственники зло насупились. Оставила она свои богатства, а именно дом с приусадебным участком в Пружинске, однокомнатную квартиру там же и счёт в сбербанке внуку своего двоюродного брата Дмитрию Михайловичу Веневитинову. Имелось также дополнение к завещанию, по которому распределялись определённые суммы между прочими родственниками, и его было указано озвучить на сороковинах.

Когда гости услышали, что завещание было составлено почти пять лет назад, все взволнованно загудели, что не может быть этот документ последним, бабка ходила к нотариусу чуть ли не чаще, чем в баню.

Отдать должное утятинским подружкам Анисьи Памфиловны: на обратном пути они перед Альбиной извинились, что поверили старой карге. И по городу потом много делились впечатлениями о жизни и смерти старой Мафусаиловны.

При очередной видеосвязи Альбина рассказала Диме о грядущем наследстве, но сочла необходимым предположить, что слишком хитро издевалась над роднёй старуха, чтобы поступить так просто с наследством, и от неё после смерти следует ожидать ещё какого-нибудь издевательства. Но Дима был в эйфории: ну, выплатит какую-то часть другим, даже всё выплатит, но недвижимость-то денег стоит! И всё равно Альбина продолжала уговаривать его не спешить возвращаться на родину, в наследство ведь вступать только через полгода.

Дима приехал в Утятин через две недели после этого разговора, свалился как снег на голову. И приехал с невестой, красивой, очень скованной в поведении женщиной лет под сорок. Не предупредил, просто однажды в полдень у ворот остановилось такси, и из него вышла эта пара, сгрузив кучу сумок и чемоданов на тротуар. Ребятишки Диме обрадовались очень, он им тоже. Завалил подарками, таскал на руках,

играл. А невеста Ольга повела себя точь-в-точь как Вадим: сюсюкала с Игорьком и игнорировала Альбининых детей. Её игнор, конечно, был детям по барабану, а вот по поводу подарков возмутилась Инна:

– Ни фиги себе у тебя игрушечек, Игорёшечка!

– На, Инна, – сразу стал отпихивать подарки будущей ма- чехи совсем не жадный Игорьь.

– И мои на, – вздохнул Илья.

– А давай они все будут общие, – предложила Инна.

– Давай, – согласились простодушные братья, хотя, будь они чуть хитрее, сообразили бы, что в результате у горы иг- рушек будет одна хозяйка, которая с неохотой будет выда- вать им по одной штуке. Кончилось всё большой дракой, по- тому что мальчишки, получив в руки по маленькой куколке, пришли в недоумение, во что тут играть. И придумали: за- лезли в «пещеру» под стол и сыграли в дикарей-людоедов, погрызя у кукол ноги и носы. Дима давился хохотом, рас- ставляя их потом по углам:

– Сюда людоеды, сюда драчунья!

А ещё через пару дней, вернувшись с работы позже обыч- ного из-за очередного сантехнического коллапса, Альбина не обнаружила дома Варю.

– Вы что, её в магазин отправили? Ей же нельзя на улицу выходить, её муж бывший пасёт!

– Я её выгнала, – холодно заявила Ольга.

Дима при этом стыдливо молчал. У Альбины не в обычае

скандалить, поэтому она вкрадчиво спросила:

– Дима, ты что, к Варе приставаешь? А твоя невеста за это её выгнала? Из моего покуда дома, Дима! А давай-ка я вас обоих отсюда к чёртовой матери отправлю?

– Аль, – жалобно протянул он.

– Оба нафиг!

Телефон Вари недоступен. Она позвонила по нескольким номерам общих знакомых, но ни с кем из них Варя не связывалась. Альбина, уже срываясь на истерику, набрала номер знакомого полицейского и попросила выяснить, где этот психопат, и не случилось ли чего с её нянькой. Спасибо, он не послал её по известному адресу, а сообщил, что как раз сейчас дежурит и доедет до Ветошников, чтобы узнать, дома ли Варин бывший муж. И уже через сорок минут доложил, что психа повязали, а Варю перевязали, и, если она не возражает, докинут дежурной машиной до ворот вместе с вещами.

Плачущую Варю пришлось уговаривать, чтобы она вышла из машины. Видно, очень зло гнала Ольга соперницу из дома.

– В бабкину квартиру пойдёшь?

Нянька облегчённо закивала головой. Полицейские затащили вещи во двор и клятвенно пообещали, что злодей теперь не скоро выйдет на свободу.

Назавтра Ольга затеяла разговор:

– Я знаю, что формально этот дом принадлежит вам, – надменно произнесла она. – Лично я тоже не в восторге

от нашего совместного проживания. Поэтому я подобрала двухкомнатную квартиру в Новогорске. Вот...

Альбина полистала документы в планшете на эту маломерку в пригороде:

– А от меня вы что хотите?

– Перебирайтесь!

У Альбины лопнула вся её выдержка:

– Дима, ты специально поручил вести переговоры с этой дурой, чтобы у меня терпение лопнуло, и я уступила или прибила бы её насмерть, чтобы тебе жениться не пришлось?

Ольга действительно брала её измором. Она так старательно разделяла детишек, что Альбина как-то не выдержала, и высказала Инне, что не папа им Дима, а отец крёстный. Девочке это почему-то понравилось, она побежала к нему и попросила:

– Отец крёстный, почини велосипед!

Он обиделся до слёз. В общем, очень напряжённая обстановка сложилась в донине мирном доме.

А на следующий день приехал Гена.

Когда он вошёл во двор, у Альбины засбоило сердце. Её корпусный босс уменьшился вдвое. Сильно похудел, отчего резко обозначились морщины на лице и шее, но главное – взгляд изменился. Он всегда излучал уверенность, в нём чувствовалась сила и умение доминировать. А сейчас он был какой-то погасший. Альбина, вовсе уже решившая, что их связь в прошлом, только что не заголосила над Генкой. Кину-

лась к нему, обняла. Почувствовав ответное объятие, сдержалась от слёз, но спросила:

– Что с тобой, Гена? Ты болеешь?

– Не волнуйся, Аль, уже всё нормально.

Хорошо, что он зашёл, когда дома были только она с Варей. Дима детей в областной центр в кукольный театр повёз, и Ольга, естественно, с ним. Нормально они поговорили. Весной, когда Гена долго ей не звонил, он с инфарктом в больнице лежал. Было ещё что-то, о чём он сказать не хотел, и Альбина не стала выпытывать. Потом уже, несколько дней спустя, спросила, не связаны ли его волнения с денежными потерями. Он, видно, колебался, но всё-таки ответил, что отчасти да. Больше ни о чём она спрашивать не стала.

Проживание такой разношёрстной компании в одном доме было нелёгким, и Гена через несколько дней собрался домой. Она не стала возражать, но заявила, что за руль его не пустит и сама отвезёт в Новогорск. Это удивительно, как он сюда решился ехать.

Альбина вывела машину за ворота и вернулась в дом. Она поглядела на его обитателей и сказала:

– Слушать всем сюда! Уезжаю не неопределённое время. За старшего тут Варя, в моё отсутствие она за хозяйку. Дети, слушаться беспрекословно! Взрослые, будьте как дома, но не забывайте, что вы в гостях! Дима, если ты позволишь своей невесте обидеть Варю ещё раз, я тебе третьего предательства не прощу!

Уже на полпути Гене стало плохо. Альбина остановилась, дала ему таблетку, покопалась в его бумагах и телефоне и позвонила лечащему врачу. Он сказал, что ждать скорую бессмысленно, она довезёт больного всё равно быстрее.

Никогда в жизни Альбина так не гнала, тем более, на незнакомом авто. Въехала она во двор областной клинической больницы, имея на хвосте патрульную машину. К счастью, врач встречал их на пандусе. Полицейские даже помогли вытащить из машины Геннадия Ивановича, хоть и похуdevшего, но всё-таки очень тяжёлого. Она сунула им в руки свои паспорт и права:

– Я выйду позже!

– Да ладно уж, – вернул ей документы старший из них. – Давайте ключи, я за ворота машину отгоню, а то вы скорым путь перегородили.

В приёмном покое врач сухо изложил обстоятельства: без операции пациенту не жить, а он от неё отказался три месяца назад. По какой причине и не связано ли это со стоимостью операции? Сие медицине неизвестно, отказался и всё. И сейчас он в отключке, а без согласия пациента он его оперировать не будет. Нужно, чтобы родственники подъехали и дали согласие.

– У него две дочери, вы с ними знакомы? – спросила Альбина.

– С одной из них, той, что здесь живёт.

Альбина поняла:

– Значит, она тоже против?

Врач промолчал.

– Послушайте, я формально ему никто. Но назовите сумму, я заплачу. А согласие... я с Геннадием Ивановичем работала, подпись его знаю. Распишусь за него. Если... ну, мало ли... всегда можно сделать скидку на болезненное состояние, мол, руки дрожали.

– А вы ему кто?

– Не знаю, он не говорил. А мне он любимый человек.

Врач сел за стол и стал заполнять какие-то бумаги:

– Вот здесь распишитесь... а что, похоже! Вот квитанция, идите в кассу, мне чек отдадите потом, после операции.

Это было почти всё, что у Альбины было на счёте. Но она радовалась тому, что хватило. Потом ещё часа три сидела в коридоре, молясь и надеясь. Потом врач вышел к ней и сказал, что состояние тяжёлое, но надежда есть. Что как минимум три дня Гена проведёт в реанимации, и только потом его можно будет навещать.

Альбина позвонила Екатерине Семёновне, забрала свои вещи из машины и поехала к ней ночевать.

– Это тот самый, шкаф трёхстворчатый? – спросила старушка.

– Теперь, скорее, двухстворчатый, – вздохнула Альбина.

– Любовь, – в ответ и старушка вздохнула мечтательно. – Говоришь, не знаешь, кто ты для него? Мужики вообще на нежные слова скупы. Но мне кажется, что всё он для себя ре-

шил, иначе чего бы к тебе как верный пёс умирать приполз.

Утром, когда она разыскивала врача, ей сказали, что он на операции, а о состоянии пациента можно узнать только у него. Час она снова маялась в больничном коридоре, а когда врач вышел, оказалось, что оперировал он вновь Гену.

– Нужно что-то доплатить?

– Нет, что вы. А вот уход за ним после перевода из реанимации потребуется.

– Через три дня? Я приеду.

Она отправилась к выходу, и тут позвонил телефон. Она вытащила аппарат из сумки и некоторое время вертела его в руках, пока сообразила, что это, наверное, Генин. Звонила некая Мариночка, судя по тому, что в списке контактов без фамилии и прочих опознавательных знаков, дочь. Ответила. Сказала, что отец в реанимации, навестить его можно будет только после перевода в обычную палату.

– А его переведут? – вырвалось у этой Мариночки весьма скептически.

– Не стоит хоронить отца раньше времени, – обозлилась Альбина. – Операция прошла вполне успешно, и прогноз благоприятный.

– Операция? Он же отказался от операции! И кто будет платить?

– Наверное, скинулись близкие. А может, взял кредит. Спросите у него.

Пришлось вернуться и оставить телефон медсестре.

На работе оформила отпуск. Дима ходил за ней по дому хвостом и канючил, что нельзя ответственной родительнице бросать детей и ехать спасать постороннего мужика, пусть и любовника в прошлом.

– Ну, тебе это незнакомо, – обозлилась Альбина. – Если бы ты во имя спасения пожертвовал хоть рублём каждой из своих любовниц, а они скинулись, мне бы хватило на выкуп своей новогорской квартиры! А я вот по своей натуре верная, и ради любимого человека средств и сил не пожалею. И детей я с Варей оставляю, она тоже женщина верная.

– Ты что, Альбина, – испугался чуть не до слёз он. – Не подумай, что я свинья неблагодарная. Ты для меня судьбу поменяла дважды, квартиры лишилась. И детей я наших люблю. Поезжай, не волнуйся, всё будет в порядке.

Неделю Альбина провела с Геной в больнице. На третий день, выйдя в магазин за фруктами, по возвращении застала в палате Мариночку. Видно, она только зашла, потому что разговор шёл о плате за операцию.

– Кредит я в состоянии возместить, – говорил слабым голосом Гена. – У меня ещё дача не продана.

– А где будут отдыхать твои внуки?!

– Ты считаешь, что я уже достаточно пожил?

– Пап, ну о чём ты! Просто надо было квоты дожидаться!

– В гробу? Ты извини, дочь, но не ходи сюда больше.

Мне ваши с Иришкой безразличие и корыстолюбие страшнее смерти.

Когда Альбина перевезла его из больницы на дачу, он ожил. Как ни странно, не продавая свою последнюю недвижимость, деньги за операцию перевёл Альбине на счёт ещё в больнице. Ходил по участку, с воодушевлением рассказывал, какие задумки у него здесь по благоустройству, показывал, что уже сделано. Она единственный раз была у него здесь, в тот вечер, когда они поругались, но то, что она запомнила, выглядело совсем иначе.

– То есть ты всё это после инфаркта делал?

– А что? Если труд в удовольствие, то это на пользу. Ты привези сюда своих ребятишек, я же понимаю, что ты меня боишься пока оставить, но и без них беспокойна.

Через несколько дней она поехала в Утятин, оставив присматривать за ним Екатерину Семёновну. Но отправилась она не за детьми, а только навестить их. И совсем забыла, что подошли сороковины. Альбина ехать не собиралась, но накануне Дима сломал руку, и пришлось ей садиться за руль. Поехала с ними и Ольга, опасаясь то ли за Димину телесную неприкосновенность, то ли за Веневитиновское наследство.

Поскольку приехали заранее, Альбина выгрузила пассажиров у дома, а сама съездила на кладбище. Поставив цветы на могилах родителей и, прополов там проросшие за месяц с небольшим сорняки, дошла до могилы Анисьи Памфиловны. Видно, что никто там за это время не побывал, что и неудивительно. Она вздохнула, поставила в сторону банку с букетом и взялась за венки: надо было поправить холмик,

осевший после обильных дождей на одну сторону. Тут голоса послышались, и со стороны кладбищенской сторожки вышли Валерий и два рабочих:

– А тут уже работают! Ну и отлично, вчетвером мы живенько!

Мужики быстренько поправили холмик лопатами, уложили заново венки и поставили сверху банку с живыми цветами.

На поминках на этот раз не смеялись. Народу было даже больше, чем после похорон, хотя некоторые из бывших на них на этот раз не пришли. На Диму косились зло: ишь ты, богатый наследник! Выпили по первой, по второй, загомонили. Потом интеллигентного вида старичок, тот самый, который прошлый раз начал веселье, первым не выдержал и на этот раз:

– Валера, давай уже оглашать список! Как ещё произведлась над родственниками наша несравненная Анисья?

Валерий поглядел на часы и ответил строго:

– Позже! Ждите!

Дождались. Ровно в три часа Валерий получил какое-то извещение, глянул в телефон, выключил его, встал и огласил приложение к завещанию, по которому Анисья исключала из числа наследников тех, кто не явился на похороны и поминки, а также тех, кто пожелал оспорить волю покойной в суде. Да, трое подали заявление в суд, желая признать покойницу невменяемой и любые её завещания недействительными.

Таким образом, из числа потенциальных наследников выбыло семь человек, включая главного наследника Диму.

– И что теперь? – спросил старичок. – А ведь Альбина сразу сказала, что слишком причудлива была наша покойница, чтобы не добить нас своим добром! Вот умница, знакомая была с покойницей один год, а познала её до самой сути! Альбиночка, дай ручку поцелую!

Все с нетерпением глядели на Валерия, который после издевательского тоста одной ехидной старушки «Так выпьем за тех, кто отвалился!» с удовольствием закусывал селёдкой.

– Тут ещё одно дополнение есть, – прожевав закуску и промокнув салфеткой губы, поднялся он. – Душеприказчику было поручено наблюдать за могилкой и следить до пятнадцати ноль-ноль дня сороковин, кто посетит могилу и прикоснётся хотя бы к могильному холму. До сегодняшнего утра могила была заброшенной. А утром, когда я уже договорился с коммунальщиками, чтобы они поправили холмик, мы увидели, что её уже поправляет Альбина. И цветочки в банке привезла. Вот так.

– И что теперь? – оживился старичок. – Альбиночка наследница?

– На данный момент получается, что так. Но в первоначальном списке Анисьиной родни Альбины нет. Так что мы выходим на ноль. Это всё, что мне поручено было огласить в сегодняшний торжественный день. Итак, дорогие родственники, встречаемся через четыре с небольшим месяца для

оглашения окончательного приговора... тьфу, я хотел сказать, завещания. О дате и времени вас известят дополнительно.

– Так выпьем же за то, что все мы доживём до этого радостного дня, – хохотнул старичок. – Ну, родненькие, вздрогнули... так, закусываем. А Альбиночку, поскольку она за рулём и не пригубливает, я бы попросил высказать свои предположения. В прошлый раз она очень точно предсказала, что бабкиным добром нам придётся поперхнуться. Что нам предстоит ещё пережить, а?

Альбина прикрыла лицо руками и захохотала:

– Видит бог, я пыталась вести себя подобающе. Но это выше моих сил! Ну Анисья Памфиловна, ну проказница! Знаете, первое время, пока я ещё надеялась выпроводить её из дома, мы с ней разговаривали. Но теперь только сообразила, что сама я о себе много лишнего рассказывала, а вот о ней ничего не узнала. Что ни спросишь, уходит в глубокую древность с этим её зачином, – и её вновь скрючило от сдерживаемого смеха.

– «Когда я ещё в девушках была», – подхватили две тётки, прыснув.

– Да вангуйте уж, Альбина Васильевна, – сердито перебила их молодая девушка, выбывшая из числа претендентов на наследство как подавшая на пересуд.

И под взрывы сдавленного смеха родственников покойной Альбина повела свой рассказ:

– У меня есть опыт большого наследства, которым перед носом повертели, а потом оно другим ушло, так что я знаю, что относиться к посулам покойников надо с недоверием, иначе крыша поедет. После того, как Дима сорвался из Китая в чайнии озолотиться сокровищами мадам Петуховой, я пыталась расспросить дочь о том, что ей баба Ниса рассказывала. Бабка с ней много разговаривала, и та охотно разговор поддерживала. Но Инне четыре года! Она запомнила только чертей, летающих по кладбищу, и как деда Петя бабу Нису на «Гигантских шагах» раскручивал. Так что могу только предположить, что будет в завещании. Что-то я сомневаюсь, что наследство достанется кому-то одному. Уж согласитесь вы, что не было среди вас никого, кто её особенно жаловал, все вы её с трудом переваривали. И было ведь за что! Так что или она поделила наследство среди нескольких близких по крови, или завещала всё постороннему человеку... хотя нет, скорее, не человеку, а учреждению. Может, церковь завещает на месте этого дома построить, может, общественную баню, это дело она очень уважала... детдом тоже, возможно... ой, вот я вспомнила, она меня про дом-интернат для престарелых и инвалидов расспрашивала, где я перед декретом работала. Вот как-то так. Можете делать ставки.

На обратном пути Дима подавленно молчал. Пыталась вывести из себя Альбину Ольга, но Дима, доселе слушавший невесту беспрекословно, на этот раз цыкнул на неё, и она испуганно замолчала. После приезда Дима долго возился с

ребятишками, разгуливая по первому этажу на четвереньках со всеми тремя на спине. Ужин прошёл в молчании, потом, когда малышей утомонили, Альбина осторожно заговорила с ним о дальнейших планах.

– Да не волнуйся ты, не тот я человек, чтобы от потери денег башку в петельку вправлять! Не впервой разоряться, да и деньги ведь не мои! Ну да, жила баба Ниса у меня по-родственному полгода перед рождением Игоря. Но ведь по чесноку маялась с ней прислуга, а не я, и от моих тогдашних доходов траты на неё были смешные. В общем, я с моим прежним компаньоном на прошлой неделе переговорил. Есть у меня задумки, как удешевить производство... да ладно, не буду тебя техническими подробностями грузить. В Китай мне путь заказан, и они зажмотились, и я себя неправильно повёл. Хотел я на бабкины деньги наладить собственное производство, а теперь придётся на паях строить. Потерпишь меня пару лет, если я попытаюсь раскрутиться?

– То есть те деньги, что ты за год заработал, ты в свои прожекты вбухаешь? – вскинулась Ольга.

– А я всю жизнь так: либо грудь в крестах, либо голова в кустах!

Альбина вышла после отпуска на работу, а на выходные уезжала в Новогорск. Узнав о том, что покупка квартиры откладывается минимум на два года, Геннадий Иванович сказал:

– Боюсь, это покажется для тебя не слишком заманчивым,

но подумай. Я предлагаю тебе переехать с детьми ко мне. Этот твой Дима и его ненормальная Ольга... да оставь ты им дом на два года! Конечно, я больной и небогатый теперь, иначе по форме бы признался к тебе в любви и позвал замуж. Я ведь слышал, как ты в больнице сказала, что я твой любимый человек. И не выдумывай, что ты не знаешь, кто ты мне. Помнишь, как Аркадий Иванович сказал о любви с первого взгляда и симпатии с первого слова? У меня к тебе и то, и другое! Я просто не привык о чувствах говорить. Я пытался, когда тебе серёжки подарил, а ты мне о взаимозачёте пользования телами. Мы с тобой, как ты говоришь, специалисты по кирпичам, и словами пользоваться не умеем. Аля, давай жить вместе!

Альбина подумала и согласилась. Она легко вернулась хоть и не на прежнюю работу, а в контору поплоче, зато под начало Аркадия Ивановича, сменившего место, а детей удалось устроить в ближайший детский сад.

Дима был в шоке. Как можно уехать из собственного дома и от близких людей к какому-то больному и не очень знакомому мужику? По возможности деликатно, но без лишних сантиментов Альбина объяснила ему то, что он под собственным носом не видел: подчёркнутое разделение Ольгой детей. И с Ольгой она поговорила откровенно, убедившись, что женщина не столько глупая, сколько эмоционально незрелая. Она пыталась до неё достучаться, что Дима для Альбины как брат, но как мужика она бабника никогда не

стала бы рассматривать, потому что в первом браке сама такой дурой была, и только на одиннадцатом году совместной жизни узнала-таки, что у него с первого года брака были любовницы. «Любовницы? У Димы? Неправда!» Альбина только руками развела. Если это так было с ним в Китае, то, может быть, у него ярко выраженная ксенофобия, и он к женщинам других рас свои Фаберже не подкатывал? А может, женщины этой расы все или порядочные, или умные и на кобеля не ведутся?

Больше всех терял в этой ситуации Игорь. Альбина уговаривала Диму не разлучать детей, но он был категоричен. Варю пришлось поневоле ехать в Новогорск, ведь с Ольгой ей оставаться было невозможно.

Впрочем, до свадьбы у Ольги с Димой дело не дошло. Они приезжали как бы семьёй иногда в Новогорск на выходной, потом, ближе к зиме Дима стал приезжать чаще, но только с Игорем. С какого момента – Альбина не заметила. Только перед очередной поездкой в Пружинск, когда Валерий позвонил и убедительно просил приехать, она наконец спросила у Димы, где Ольга. И услышала в ответ, что в Москве. «Значит, поймала?» Дима кивнул виновато. А потом позвал Варю вернуться в Утятин. Понятно, что не только в няньки, будет она Диме одной из партнёрш. И она, дуручка, вернулась. Альбине осталось только руками развести: Варю, конечно, жаль, но Игорю с ней будет хорошо.

На поминках присутствовало ещё больше родственников,

к тому же через час появился мужчина среднего возраста и очень официального вида. Понятно, нотариус. Резко отказавшись от угощения, он при напряжённом молчании поминающих открыл свой портфель, достал оттуда бумаги и сухо зачитал текст завещания, написанного четыре года назад. Согласно ему половина дома в Пружинске завещана внучке двоюродной сестры, а вторая половина в равных долях трём её малолетним детям, квартира – вдове родного внука Смирновой Альбине Васильевне, ей же счёт в коммерческом банке, а счёт в другом банке – Диме, пенсионный счёт в Сбербанке следовало поделить на перечисленных ниже двоюродных племянников.

– Ни фига себе, – выпалила молодая девушка, которая после похорон подавала на суд. – Полька ни на похоронах не была, ни на сороковинах. И бабка у неё ни дня не жила! А дом ей!

– Позволю себе заметить, – вмешался молчавший до сей поры Валерий. – Наследство распределено между самыми близкими покойной родственниками, потомками её двоюродных братьев и сестёр. Если бы не было завещания, наследниками стали бы они же, только Полина и Димина доля была меньше. Их родители уже скончались, а прочие племянники могут поделиться наследством со своими детьми, если на то будет их добрая воля. Кто-нибудь будет утверждать, что завещание неразумно и незаконно?

– Справедливо, – стукнула по столу подвыпившая стару-

ха, та, что предлагала залп на кладбище. – Что там говорить, Поля у свёкров мыкается в одной комнатёнке. И я не думаю, что Димин куш намного больше нашего. А батя его при жизни Нису в доме своём принимал чаще нас, хоть жена стонала от неё.

– А Альбина Васильевна каким боком ей родня? – агрессивно зыркнула на неё девушка.

– К завещанию было приложено письмо, которое вам зачитают после моего ухода. Заявления всех наследников у меня имеются, кроме Альбины Васильевны и Дмитрия Михайловича, я им бланки выдал. Расписывайтесь, и я уйду.

После ухода нотариуса Валерий встал и сказал:

– Простите старушке её шуточки над вами. Я не родственник и не наследник, мне она оставила определённую сумму, чтобы я приглядывал за могилкой, приколотся над вами маленько и собирал вас на поминки. Полечка, ты не откажешь принять нас в этом доме через полгода?

– Конечно, дядя Валера, – всхлипнула молодая женщина. – Мы к тому времени с Ваней ремонт сделаем своими силами.

– Ну вот и славно. Да, насчёт Альбины...

– Если Славка – её родной внук, то почему он в соседней ограде похоронен? – спросила Альбина.

– Он там с роднёй по материнской линии. И так...

Валерий зачитал письмо Анисьи Памфиловны, в котором она просила не спорить по поводу её распоряжений, «потому

что Поля живёт хуже всех вас, а племянник Мишка, Димин отец, был мне ближе всех». Объяснила, что оставила дом в долях, чтобы родители Полиного мужа не могли заставить её его продать. Поля при этом закивала. А наследство, доставшееся Анисье от родного внука, «надо отдать женщине, с которой он поступил подло». Всё. Письмо написано около года назад.

Завещание никто не оспорил, понимая, что это нормальная синица в руках. Альбина пока оставила в аренде прежним жильцам Славкину квартиру, и на душе стало спокойнее, что какой-никакой у неё дополнительный доход имеется.

Глава седьмая. ИНСАЙДЕРСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Чудесный летний денёк. Солнце, лёгкие облака иногда его прикрывают, не слишком жарко, но и не холодно. Вечером можно сходить поплавать. Альбина сегодня на общественном транспорте, машина на профилактике. Она на автобусе доехала до Жаброво, затоварилась продуктами, зашла за детьми в садик, и теперь они втроём идут через лесок к дому.

С весны прошлого года в очередной раз всё поменялось в их жизни: город, дом, семья, работа, даже фамилия. Когда они с Геннадием сошлись, ей казалось, что всё утрясётся. Как ни странно, он нашёл подход к детям, хотя за всё время их знакомства они обходили молчанием собственные семьи. Кажется, он в пору их жизни в Новогорске ни разу не видел её малышей, а она никогда не спрашивала про его взрослых дочерей, и по какой причине они расстались с женой. И вот она бросила дом и даже Игорька, переехала в чужой дом, перевезла туда детей. Дача Геннадия – это родительский дом в пригороде, не маленький и вполне благоустроенный, он его подновил и немало времени там проводил, а после жизненного краха, подробности которого ей были неизвестны, жил там постоянно.

Детям он нравился, был с ними ласковым, но строгим.

Гена был первым, кто в этой парочке отдавал предпочтение Илье. До него сын всегда находился в тени яркой находчивой сестры. В детском саду воспитательницы охотно прощали ей проказы, все девочки хотели с ней дружить, а мальчики желали числиться женихами, Дима любил детей одинаково, но Инной восхищался и просто балдел от её выходок, даже Мафусаиловна, мало обращавшая внимания на Илью и Игоря, с Инной любила поговорить. А Геннадий Иванович, вечно что-то мастеривший, приобщи́л к этому делу мальчика, и тот тянулся к нему. Наверное, мужчина после разочарования в дочерях неосознанно ожидал того же от падчерицы.

Они прожили в Новогорске примерно полгода, когда внезапно среди недели приехал Дима, и спокойствию наступил конец. Он сразу от порога сказал:

– Происки из Ефимовска, надо поговорить.

– Происки или поиски?

– И то, и другое. Та же женщина, ну, которая в Израиль сына возила...

– Что ей неймётся, господи!

– Она дважды нанимала суррогатных матерей. Там какое-то генетическое уродство по мужской линии. Ну, и... решила, что на безрыбье и внука сгодится. Ладно, я поехал. Я так чувствую, что за домом приглядывают, поэтому выехал с завода через запасные ворота.

– Они что, приезжали в Утятин?

– Пока нет. Николай, мой охранник бывший, ну, таксист,

что с тобой под автоматные очереди попал... он в Ефимовск вернулся, работает на скорой. Ну, и услышал разговор на повышенных тонах врачихи и этой бабки. Фамилию твою услышал, что понял, то и передал. Аль, я так понимаю, бежать тебе надо. Деньги я соберу в ближайшее время.

Альбина проводила гостя, вернулась, и на вопросительный взгляд Геннадия Ивановича кивнула:

– Поговорим вечером.

Когда дети уснули, она начала этот тяжёлый разговор:

– Я не говорила тебе, почему у меня дети поздние? Мы с моим первым мужем...

– А был и второй?

– Был, об этом тоже расскажу. Дети к ним отношения не имеют, но для того, чтобы меня понять, надо тебя с биографией моей познакомить. А то у нас как-то с тобой получилось... знакомство профессиональное, потом трёп ни о чём, а потом сразу... как сказать... телесная близость. Так вот, давай теперь познакомимся. Я почти двадцать лет была замужем за Артуром Смирновым. Знакомы с детства, в одном подъезде жили, он на два года старше, тоже в строительном учился, там и сошлись. Строительно-ремонтную фирму создали, детей сначала не заводили, чтобы, как говорил муж, «нищету не плодить». Был он кобель типа Димки, а я дура, что десять лет этого не видела, так что ревнуешь меня к нему зря, я на такое счастье больше никогда не подпишусь. После первой замеченной измены тяжёлое примирение и решение,

что пора рожать. Обследование, лечение. От гормонов к сорока годам я набрала сто двадцать килограмм. Вот тогда он и скрываться перестал, и оскорблять начал. А по поводу развода один ответ: «Уйдёшь ни с чем». И вот встречаю я свою однокурсницу, и приглашает она меня на встречу. Выпускалась я не с ними, заочно заканчивала, но четыре года вместе, а наш курс дружным был. Стеснялась я своей внешности, но решила поехать. Здесь в Новогорске у одной самой обеспеченной нашей однокурсницы собрались в её большой двухуровневой квартире. Пели, танцевали, болтали. Подшофе уже все... Сашка подсел, так один... кличка у него Слон, тоже волейболист был, ну, и сказал, я, мол, все годы учёбы мечтал тебя трахнуть. Понимаешь, если бы он сказал как-нибудь по-людски, что нравилась я ему, что влюблён был, я бы посмеялась не зло так, мол, исходя из нынешнего веса нравиться я должна ему вдвое сильнее – да и всё! А так я ему: ну и давай закроем твой гештальт, заодно я мужу супружеский долг верну. Вот поверишь, я кроме моего кобеля ни с кем и никогда. А тут в ванной наскоро, тьфу, прости господи, до сих пор вспоминать стыдно, а какой итог! Но он позже от этого хренового соития ещё решил доход поиметь, польстился Слон на чужую морковку. Ну вот...

Ей не было смысла таиться от сожителя, она знала, что он надёжный. И не хотелось, чтобы он гадал и страдал, почему она исчезла. Поэтому рассказала всё о том, как она шла к своему материнству. А он ей сразу после этого рассказа вы-

сказался с возмущением:

– Ведь могла эта баба просто попросить, чтобы ей разрешили присутствовать в жизни девочки, а она сразу требует отдать. Причём на безрыбье пусть хоть девочка! Стерва! Такую к ребёнку подпускать нельзя. Значит, так. Помнишь, на той неделе ко мне друг детства заезжал? Он поделился, что выставил на продажу родительский дом в Энске. Завтра мы с тобой распишемся, я усыновлю твоих детей, и мы под новой фамилией купим новый дом в соседнем областном центре.

Не назавтра, но всё-таки достаточно быстро они расписались и оформили усыновление, предварительно детей изъав из садика и сдав на хранение Екатерине Семёновне.

Энск Альбину очаровал. Он был меньше родного Новогорска, но больше Уремовска. А микрорайон Жаброво, в котором они планировали купить дом, был не хуже курортного Утятина. Идеально размечен на квадраты жёлтыми девятиэтажными домами, а в центрах этих квадратов то торговый дом, то школа, то детсад, то храм. И сосны! Не посаженные, а многолетние, бережно сохранённые при строительстве. Это здорово, когда не дом втискивают между домами, а целый населённый пункт проектируют. Крайние дома примыкают к сосновому лесу, асфальтные дорожки пересекают его в нескольких направлениях, давая возможность прогуляться по нему даже в непогоду. Есть и натоптанные тропинки. А за лесом – окружное шоссе, тянущееся в обход Жаброво параллельно речке Тихая Ряса. На противополож-

ной стороне шоссе – глухие кирпичные заборы, за которыми прячутся особняки, их участки тянутся до самого берега. Вот один из этих особняков и приобрели супруги Бережковы. Они оказались в доме, очень похожем на утятинский, и задняя калитка тоже выходит к реке, только не на травянистый берег, а к песчаному пляжу.

Альбина очень переживала за мужа, ему же наверняка тяжело будет расставаться с домом, в котором провели свои последние годы его родители. Но увидев, как увлечённо он набрасывает план участка, намечая, что будет здесь перестраивать, она поняла, что жизнь с чистого листа его не пугает, а воодушевляет.

С осуществления этих строительных планов началось объединение семьи Бережковых. В доме Гена и Альбина произвели только небольшой косметический ремонт своими силами, и сделали бы это они, опытные строители, за пару дней, но «помощь» детей растянула эти работы на неделю. Зато малыши были в восторге. А уж когда они занялись благоустройством двора, дети начали звать Гену папой. Альбина запомнила этот день: она оставила мужа с детьми во дворе, чтобы встретить на автовокзале дорогую гостью, свою бывшую соседку Екатерину Семёновну. Усаживаясь за руль, она слушала, как Инна громко возмущалась, что Илюше, а не ей, доверили завинчивать болты каркаса беседки. А вернувшись, застала своих домочадцев работающими в молчании: мужики продолжали собирать беседку, а Инна ножов-

кой распиливала на дрова ветки ранее спиленных засохших плодовых деревьев. Женщины ахнули, а девочка им укоризненно сказала:

– Вы что, мне же папа разрешил!

Они переглянулись и ушли в дом. Пока Альбина накрывала на стол, старушка вышла во двор пообщаться с детьми. Когда Альбина позвала работников обедать, мужики тут же стали складывать инструменты, а Инна продолжала спиливать у забора какое-то деревце, которое держала, пригибая к земле, Екатерина Семёновна.

– Что там, тополь? – спросила Альбина.

– Ты что, тополь-то пилится как свежая кашка, – не отрываясь от своих трудов, пропыхтела дочь.

Гена хмыкнул. Альбина укоризненно спросила:

– Папин репертуар?

– Бабушкин, – открестился муж.

– Эх, Екатерина Семёновна...

– А что не так-то? – ненатурально удивилась старушка, с трудом сдерживая усмешку.

Детям теперь шесть. Вот и ломает Альбина голову, отдать ли их в школу или на год ещё в садике оставить. Читать и считать они уже умеют, но уж больно Инна непоседлива! С одной стороны, разделять их нельзя, с другой – Илья садик уже перерос, вполне усидчив, да и ростом он в неё, соседский второклассник его на полголовы ниже. Как усмирить эту живую как ртуть девочку? Поделилась думами с мужем.

– Нашла о чём печалиться, – отмахнулся тот. – Ты что, думаешь, что во всём классе одна Инночка такая гиперактивная будет? Да погляди на их группу в садике! Дочь, конечно, не из тихонь, но по буйности даже не в первой пятёрке.

Но, чтобы Альбину успокоить, стал усаживать ребят за стол и выдавать задания, засекая время. Он-то на группе, не работает, весь день домашними делами занят. А Альбина и здесь трудится в офисе строительной компании. Рутинная, циферки по табличкам разносит. Её устраивает. Но в последнее время ходят слухи о сокращении. Увы, первой в отделе придётся уходить ей, потому что самой последней пришла, всего год с небольшим назад. Эх, вечное ожидание пакостей от жизни, или, как говорил Смирнов, не понос, так золотуха.

С июня повели детей в школу на подготовку, называется это здесь «подучиваться». Возит их Гена, Альбина уезжает на работу раньше. После нескольких дней ребятишки демонстрируют усталость и недовольство, Гена тоже отзывается о школе неодобрительно, а об учительнице вообще со злостью.

– Да что ты, – Альбина даже растерялась. – Молодая, продвинутая, чувствуется хорошее образование...

– Может, высшее образование у неё хорошее, да начального нет! Я просил директора, чтобы наших в параллельный класс перевели, но там и так больше учеников, чем в нашем. Может, в соседний микрорайон будем их возить?

Она категорически возражает и отодвигает мысли о школе на потом, хотя, конечно, надо бы сходить и разобраться.

ся. В обеденный перерыв перекусила прихваченным из дома пловом, разогрев его в микроволновке, и дошла до ближайшего сетевого магазина, чтобы запастись продуктами на вечер. Взглядом зацепила знакомое лицо. Красивая молодая девушка, уныло прихлёбывающая кофе из пластикового стаканчика, которая подняла глаза на неё и встрепенулась:

– Ой, Альбина Васильевна? Какими судьбами?

– Извини, я помню, что ты Веневитинова, но имя...

– Веневитиновой в девичестве была моя бабушка. А я Света Воробьёва.

Заново познакомились. Та самая, что подавала в суд о признании Мафусаиловны невменяемой. Внучка одной из наследниц, действовавшая в её интересах. Вернее, в своих: бабушка отдала деньги ей. Учится в Новогорском университете на факультете журналистики. В Энске на практике в телерадиокомпании. Почему не в Новогорске? Привлекло то, что практикантов обеспечивают общежитием. Но не подумала о бесплатном сыре...

– Сейчас догадаюсь, – всплеснула руками Альбина. – Даже я, живущая в Энске всего около полутора лет, слышала о бомжатнике на Советской. Бедный ребёнок, неужели? Значит, так, у меня, как и у тебя, работа в пять заканчивается. Вот номер моей машины, перехвачу тебя у издательства. Заберём вещи, поживёшь у меня. Да не парься ты, у нас большой дом!

Когда утром Альбина подвозила её к Дому печати, где

на четвёртом этаже располагалась телерадиокомпания, Света сказала:

– Вы знаете, я первый раз в жизни живу в комнате одна. Сколько себя помню – всегда в тесноте. С мамой и папой жила в комнате квартиры папиных родителей. Когда они разошлись, меня забрала бабушка по маминой линии, оба родителя ушли создавать новые семьи. У бабушки домик вообще крошечный, никаких комнат, печка посередине дома, а мы вокруг неё ходим да гнездимся. В институте общага – бывшая казарма, нас в комнате четверо. Господи, как я мечтаю о богатстве!

– Всё относительно, Света, – ответила ей Альбина. – Я вот, вроде, никогда не бедствовала, но всегда бедности боялась. Пока папа был жив, мы нормально жили... ну, или я так видела. После смерти папы, конечно, материально мы просели, но до голода дело не дошло. В студенческие годы подрабатывала, потом с первым мужем на съёмной квартире, потом тётка ему квартиру в Уремовске оставила. Вкалывали мы как лошади. В строительстве, знаешь ли, лёгкого труда нет. А через почти двадцать лет такой жизни оглянулась – а жизни-то я не видела! Дом большой, а пообщаться не с кем. Детей нет, муж – общественное достояние. И что мне от того, что спальня у меня отдельная, что тряпок полно, цапки золотые в шкатулке лежат, в еде себя не ущемляю. О смерти стала задумываться. Если бы не беременность, так бы и сдохла, наверное. Я всё бросила... ну, почти всё, муж

мне самую малость от нашего совместного добра отстегнул. И наступило счастье! А жильё... а что жильё? Самое бедное из моих пристанищ – студенческое общежитие. На первом курсе вообще в восьмиместной комнате жили. До сих пор с умилением о ней вспоминаю. На следующий год нас по трое расселили, так мы плакали, расставаясь! Дело не в условиях, главное – душа! Молодость, мечты, ожидание счастья! И второе по убогости моё пристанище – съёмная квартира в Утятине, куда я после роддома перебралась. Домик чуть получше, чем у твоей бабушки: две смежные комнатки в шесть и одиннадцать метров, кухонька в четыре. Гнилые рамы, перекосившаяся входная дверь, заросший дворик, ветхий заборчик... а я просыпаюсь оттого, что детки в своих кроватках завозились – и меня радость накрывает! Так что богатство – это вещь необходимая, но не достаточная.

– А если не богатство, то что главным считать? Молодость – товар скоропортящийся, – скептически возразила Света.

– Вот только ты не рассчитывай этот товар подороже продать. Любой товар, знаешь ли, подлежит возврату в случае порчи, – усмехнулась Альбина.

– То есть, по-вашему, выхода нет?

– Нет, главное – вовремя понять, что для тебя счастье. Не дай бог, поставишь как я на богатство, а после сорока поймёшь, что главное – любовь. В молодые годы не было любви, поэтому коллеги за суровость звали меня Асфальтоукладчиком. Только не подумай, что я тебя в своих ценностях утвер-

дить хочу. Есть у меня знакомая старушка, которая говорит, что в жизни никого не любила, и даже сексом ни разу не занималась. Тем не менее, не выглядит несчастной, и даже на восьмом десятке глядит в будущее с оптимизмом. А кайфует она от рисования. Разберись в себе, и будет тебе счастье.

– Значит, для вас счастье в семье? – посмеиваясь, спросила Света.

– В любви. Я до сорока лет никого не любила. А когда детей полюбила, то у меня и к другим чувства возникли. Я Игорька люблю Димкиного не меньше своих детей, да и Димка этот беспутный мне как братишка, я бывшую соседку свою Екатерину Семёновну как тётку родную люблю. Я даже к Мафусаиловне со временем душой прикипела.

– А Геннадия Ивановича?!

– О, муж – это отдельная песня, это самый близкий и родной человек, мы как два ведра на коромысле: баланс только в паре, одно свалится – и другое упадёт.

Вроде бы, доброе дело она сделала, Димкину родственницу призрела, но с переездом Светы проявилась нестабильность в семействе Бережковых.

С Альбиной не сказать, что несчастье приключилось, но неприятность точно. Вручили приказ о сокращении. Теперь два месяца ей предстоит отрабатывать на прежнем месте и искать новое. Вечером был тяжёлый разговор с мужем. Он категорически заявил, что никакой работы на стройке ей не позволит. Жене под полтинник, и ни к чему ей трудиться под

солнцем, снегом и дождём, в грязи и холоде, подвергая себя опасности. Можно, в конце концов, год отстоять на бирже, кстати, и за детьми в первый год обучения приглядеть. И денег у него вполне хватит, её зарплата – не столь уж серьёзный вклад в их семейный бюджет.

– Да не привыкла я бездельничать, – расстроено говорила она. – Я и в декрете-то всего полгода была, а так всё работала. Сейчас такие времена, что офисной работы мне не найти.

– Значит, меняй профессию!

Детям их разговоры непонятны и неинтересны. Инна привязалась к пытавшейся незаметно проскочить на кухню Свете:

– А когда тебя в телевизоре покажут?

– Наверное, никогда.

– А почему?

– На телевидении много людей работают, но показывают только самых красивых, – отшутилась она.

– Нет, ты красивая, а тётя, которая про погоду рассказывает, она страшная, у неё зубы как у Бабы-яги.

Света супругам Бережковым сказала, раз уж рядом с ними оказалась:

– Кстати, о школе. Располагаю инсайдерской информацией. Есть тут совсем недалеко село Липки, вот прямо по объездной от вашего дома всего несколько километров. А в нём начальная школа. Здание старое, красного кирпича, ещё зем-

ство такие в конце девятнадцатого века строило. Но модернизировано в соответствии с современными требованиями, рядом поставлена газовая котельная и санузел с тёплым переходом к нему. И педагогический коллектив там хороший. Тут один наш сотрудник о них сюжет симпатичный снял, но его зарубили. Понимаете, село на трассе, здание это под придорожное кафе так и просится. Ну, и интригует районная власть, чтобы «оптимизировать», как это сейчас принято. Там проблема как раз с первым классом, если бы несколько человек набрались, то закрыть не получится, а на следующий год там шестилеток в селе для класса достаточно. Я вам видео сброшу, посмотрите, милая такая школа.

Альбина покивала, чтобы девушку не обидеть, но обсуждать даже этого не стала. Какая там деревенская школа, вот ещё глупости! А Гена заинтересовался, сюжет посмотрел, сказал, что завтра же в эти Липки поедет.

Утром по дороге на работу Альбина из вежливости спросила, чем они там на практике занимаются. Света сказала, что ерундой. Мол, формально руководит практикой директор, но фактически кинул он их на одну нелюдимую тётку, а ей ими заниматься в лом, вот и спихивает она по одному-второму репортёров сопровождать. А они если только заставят панель-отражатель подержать – и вся практика.

Вечером Света подъехала к стоянке у Альбининой фирмы на автомобиле с откидной крышей и с пухленьким водителем за рулём. Ясно, девочка решила молодостью торгануть.

Не старик, но всё равно неприятный тип: вид надменный, разговор хамский. Но связываться с поучениями не стала: девушка она вполне взрослая, двадцать один год, даже по западным меркам совершеннолетняя. Пусть набивает шишки и набирается ума. А муж дома стал с воодушевлением рассказывать, какая в Липках замечательная школа, а какая там замечательная учительница первого класса и какой там замечательный заведующий школой, отставник, преподаёт физкультуру, музыку и изобразительное искусство! Альбина отмахнулась, но выяснилось, что сегодня Геннадий не просто съездил туда на разведку, а брал с собой детей, и они остались там учиться! Причём дети высказались о новой школе с не меньшим воодушевлением. Альбина, естественно, возмутилась, как мог он такой серьёзный шаг сделать единолично! Они не скандалили, конечно, но рассердились друг на друга сильно.

Утром встала не выспавшаяся и с больной головой. Но, увидев мешки под глазами мужа, поняла, что он тоже расстроен, и сказала, что доедет сегодня вместе с ними и посмотрит на эту так понравившуюся им школу.

Ну, школа как школа. Казённое здание времён царизма с большими окнами, только окна заменены на пластиковые. Класс большущий, а ребятшек всего одиннадцать человек вместе с её детьми и ещё парочкой из прежней школы, родителей которых сагитировал Геннадий Иванович. Это неплохо, воздух свежее. Учительница такой традиционной внеш-

ности, среднего возраста, прямо как из книг пятидесятих годов, выдержанная и приветливая, придраться не к чему. Скрепя сердце, оставила своих здесь, но на обратном пути заглянула в Жабровскую школу. В крыле начальных классов занятия уже шли. Проходя мимо бывшего класса детей, услышала, как кричала на детей учительница. Так вот что не понравилось Гене! Она вернулась к директорскому кабинету и написала заявление о том, что забирает детей из школы. А с работы позвонила мужу и сказала:

– Я забрала документы. Ты прав насчёт учительницы. Сегодня я слышала, как она орала на детей. У меня от неожиданности колени так ослабли, что я даже на корточки присела. Бедные ученики! Но всё равно, такой серьёзный вопрос ты не должен был решать единолично.

– Согласен, я не прав. Только ведь и ты отмахивалась от решения, вся была в думах о работе, а дети – это самое главное. Вот и резанул, не дожидаясь перитонита.

– Ладно, мир.

Как ни странно, на этот раз Света с работы поехала с ней. На вопрос о том, почему оставила кавалера с крутой тачкой, ответила, что ею получено задание, и его надо обмозговать, а поездка с ветерком ей этим самым ветерком мозги вышибает.

– Понимаете, босс к завтрашнему дню велел разработать новые формы актуальных прямых эфиров...

– Так вот прямо за вечер оригинальный сценарий раз-

работать? – фыркнула Альбина. – Это решение только царевне-лягушке по плечу: мамки-няньки, собирайтесь, снаряжайтесь...

– Ну, не сценарий, а идею, концепцию...

– Ой, да не напрягайся ты, всё новое – это хорошо забытое старое, а может, и не очень забытое. Сейчас что в основном гонят по ящику? Суды почти по всем каналам, игры, крикливые обсуждения на тему кто, с кем, когда и как это не айя-яй, плюс к тому использование на шоу модных научных достижений: ДНК, полиграф. Всех это раздражает, но кто-то продолжает смотреть. Что больше всего раздражает? Истерики в толпе, хотя большей частью те, кто кричат – подсадные утки. Ну так вот, если ты предложишь тот же формат, но с запретом повышать голос – это уже будет оригинально. В общем, изымай из чужого сценария один элемент – и на выходе то новое, что от тебя требуют, – смеялась Альбина.

– А из суда какой элемент изъять? Там судья истерики пресекает.

– А ты судью изыми, – продолжала прикалываться Альбина. – Назови это «Суд общественности» или ещё круче – «Суд толпы».

– А может, «Суд совести»?

– Ну вот, творческая мысль заработала! Но вообще любая работа начинается с определения цели. Вот какая у тебя цель в создании телепрограммы?

– Перед начальством засветиться, – хмуро ответила Све-

та.

– Ну, это понятно. Только ведь начальство у тебя спросит, почему ты считаешь, что это будет интересно публике. И ты ответишь, что обывателю интересно в чужой жизни покопаться. Итак, первая цель – интерес публики. Вторая – практическая польза. То есть выносим на суд публики реальную задачу. Не секс на центральной площади, а конкретная беда человека, для решения которой нужны ресурсы. Людские, денежные, интеллектуальные. Дали правовую консультацию, подобрали медицинское учреждение, собрали волонтеров, чтобы сделать ремонт. Те, кто принял участие в обсуждении, омыли душу сочувствием, а если участие активное: предложили практическую помощь, подсказали, куда обратиться, подтвердили правоту героя передачи, – получили кайф от собственной значимости. А их знакомые подтянутся при обсуждении будущих тем, чтобы посостязаться в крутости. Ну, и третья цель – шкурная. Как это у вас называется, джинса? Депутат обещал помочь и проконтролировать, дорогая клиника согласилась прооперировать бесплатно, юрист засветил личико, банкир согласился оплатить дорожные расходы – всё это реклама. И если их заранее проинформировать об обстоятельствах дела, то это будет соответствующим образом оплачено.

– Как вы циничны!

– Не цинична, а реалистична. Давно на этом свете живу. Главное всё-таки то, что конкретному человеку помогли. Но,

конечно, этот человек должен быть кристально чист и абсолютно прав, иначе выйдет этот сюжет телевизионщикам боком. Ладно, не обижайся, если что не так сказала о твоей профессии, но ведь телевидение – дело, в котором все разбираются, как и в кулинарии, воспитании детей, психологии и политике. Это тебе не ракетная техника, где техническое образование нужно.

После работы зашла в Дом печати, потому что Светин телефон был вне сети. Признаться, и любопытно ей было глянуть на телевидение изнутри. Разбередило сердце этот собственный трёп о телевизионных передачах. Захотелось, не оглядываясь на возраст, что-то поменять в профессиональной деятельности, как меняла она несколько раз города, дома и даже семьи. Гена ведь сказал, чтобы искала какую-нибудь спокойную конторскую работу, так почему бы не устроиться не специалистом, а мелким клерком в творческую организацию, чтобы хотя бы издали наблюдать, как работают творцы. Но в телерадиокомпанию она не попала, охранник на входе сказал, что там сейчас только дежурная группа, а все практиканты в конференц-зале, вход в который вот он, рядом. Разочарованная Альбина заглянула в дверь и увидела сдвинутые к стене театральные кресла, хаотично расставленные торговые стеллажи и груды обувных коробок в углу. Несколько мужиков празднично болтались по залу, а две девочки, одной из которых была Света, мерили туфли.

– Вот ноги моей мечты! – закричал один из мужиков.

Глядел он при этом на Альбину. Ну, не в том она возрасте, чтобы смущаться от сомнительных комплементов. Пожала плечами и уставилась на него, да так, что он сам смутился. Подлетел с расшаркиваниями и представился. Какой-то он менеджер какой-то сомнительной обувной фабрики, а в Энке у них распродажа, под которую арендован этот зал. И нужно ему снять рекламу этой распродажи, а реклама обуви немислима без красивых ног.

– Вы сами, что ли, рекламу снимаете? – продолжая уничтожать его пренебрежительным взглядом, спросила Альбина.

Он заюлил, что-то пытаясь объяснить. Подлетела Света, зашебетала, подошёл и представился директор издательства и тоже что-то прогудел басом. Наверное, мужики решили, что родственница возмущена привлечением Светы в модели. Из их совместного чирикания она поняла следующее:

– То есть вы арендовали этот зал, да ещё договорились, что владелец рекламу для вас сделает, и это при том, что специалиста-пиарщика у издательства нет. Девчонки свои ножки дают заснять просто из желания засветиться, а вот этот молодой человек с камерой – он оператор телевизионный, и вы ему вменили этот шедевр дизайнерской мысли создать? У-убиться можно, – другое слово хотела сказать, но вовремя осеклась. – И что это будет, плакат, баннер, видео? Ребята, не обижайтесь, но это смешно...

– А вы в этом понимаете? – обиженно спросил менеджер.

– Только как зритель. По профессии я строитель, но в детстве занималась в кинокружке. Мы мультипликационные фильмы создавали, рисованные и кукольные. Лично я мультфильм на две с половиной минуты рисовала три учебных четверти. Правда, тогда всё это снималось на плёнку, компьютеров не было.

– Альбина Васильевна прекрасно рисует, – выскочила Света.

– Да? А посмотрите, что Митя отснял, – попросил директор издательства. – Меня Иван Васильевич зовут. И не подумайте, что мы тут доходы от аренды помещений налево уводим. У нас юбилей издательства, и управление нам дало разрешение всё, что выручим от хозяйственной деятельности, на него пустить.

– А со всеми вами я товаром расплачусь, – просительно добавил менеджер. – Торговля не началась, денег пока нет.

Наверное, её сегодняшние мечты о работе в творческом коллективе подвигли Альбину согласиться принять участие в этом безнадёжном деле. Не получится – так хоть посмеётся.

– Ну, давайте, попробуем. Вот стандартные варианты подачи товара, – она схематично набросала на листе пять фигур. – Вот бабушка, её внучка за юбку назад тянет, мало ей одних туфелек, вот две девицы в новой обуви друг у друга из рук сапог тянут, вот молодой человек за голову взялся то ли от сложности выбора, то ли от их дури. Или так: гора обуви, девочка её руками обхватила, жадина этакая, а мать её за ру-

ку тянет, хватит, мол. Две дамы друг на друга ногами топают, ту, что помоложе, её бойфренд оттаскивает. Что-нибудь в таком духе. Да, надо непременно, чтобы молодой человек был бородатым или как минимум со щетиной.

– Почему?

– Слащавая внешность будет перебором. Это принцип называется «Среди роз один барбос». Ищите девочку и бородача!

Девочку выловили на улице, пообещав маме черевички как у царицы. Бородача зазвали из риелторской конторы с третьего этажа. Альбина поставила условия:

– Лично я буду сниматься только сильно загримированной и в парике!

Парик нашёлся в телестудии, блондинистый и довольно страшенький. Но девчонки посыпали его какой-то серебрястой пудрой, и на фото он стал выглядеть седым. А ещё разрисовали ей не только лицо, но и ноги побрызгали каким-то спреем, называя его «виртуальным загаром».

– Ну вот, основные фигуры сняты, теперь отдельно снимай ноги в разной обуви. Есть в рисованной мультипликации такой приём, называется «перекладка». Ну, к примеру, рисуешь фигуру, а ноги отдельно: бедро, голень, стопа. И последовательно выкладываешь подъём ноги, каждый раз делая кадр: на земле, потом сгибается, колено подымается выше и так далее. Для движущейся рекламы будет смена обуви, а потом чисто по приколу смена ног: у мужика женские нож-

ки, у девушки мужские, у старушки детские. Делается это, насколько я знаю, в Flash или After Effects, рубишь?

– А то, – возмутился оператор.

– А я только названия слышала. Значит, дальше сам. А мы начнём аванс получать. Покажите-ка мне, уважаемый, что у вас есть из мужского сорок пятого размера!

Потом Света подкалывала её, что она обольстила двух престарелых ловеласов, чтобы попробовать себя в роли модели, а Альбина отшучивалась, что исключительно ради родственницы лицом торговала. Она у Ивана Васильевича выспросила насчёт Светиноного кавалера на красной машинке. Оказалось, что авто принадлежит жене и куплено тестем, так что общается с ним Света не для обогащения, а исключительно по любви.

– Ну и ладно, – вздохнула в ответ девушка. – Не жили богато, не фиг начинать. Да и надоел он со своей тупостью!

Дома их ждали неожиданные гости. Приехали младшая дочь Геннадия Ивановича с мужем. Альбина сразу почувствовала, что добром это не кончится. Муж был напряжён, гости сердиты. Дети, которые обычно от взрослой компании держались поодаль, на этот раз сидели во дворе вместе со всеми. Илья держался рядом с приехавшей за день до этого Екатериной Семёновной, а Инна липла к отцу. Сердито глядя на незнакомую тётку, бросающую отцу едкие реплики, она то обнимала его, то лезла к нему на колени. Когда Альбина и Света, смеясь, достали из багажника коробки со сво-

им авансом, она подошла со здоровущим ботинком, присела на корточки и стала натягивать ему на ногу:

– Вот, папа, носи, пока нога не вырастет. А то Илюша кроссовки в том году не носил, а теперь они ему малы. Мама сказала, я вырасту и буду в них ходить. А такие чёрные мне не нравятся, я их носить не буду!

Женщины захохотали:

– Инночка, ножки растут только у детей. У папы ноги и так большие, куда им ещё расти.

Поздним вечером Альбина померила мужу давление, созвонилась с лечащим врачом, сделала по его рекомендации укол и повезла в клинику. Устроив его в стационаре, перед возвращением спросила:

– Она ведь у тебя денег просила? Отдай, Гена, жизнь дороже!

– Э, нет. Я хоть и старый, но любовь за деньги больше покупать не буду. Да и нет у неё любви. А деньги нам пригодятся, нашим малышам до диплома ещё шестнадцать лет учиться.

Буквально через пару дней реклама обувной распродажи прошла по местному телевидению. Первой её увидела Инна, завопила, что Свету показывают. Когда спросили, как показывают, она ответила, что Света там дралась. Света засмеялась, что девчонка маму родную не узнала. Пришлось им в ожидании следующего блока рекламы смотреть какой-то репортаж о семенной станции. Дождались. Пришли к выводу,

что картинка сляпана халтурно, ноги пришпандорены кое-как. Но не профессионал делал и не за деньги, так что, считай, дарёный конь. Маму Инна и во второй раз не узнала, спорила, даже заплакала. Но потом в газете бесплатных объявлений эту картинку увидела и нехотя согласилась, что да, глазки мамины и кофточка мамина, а вот юбка мамина обрешана, у неё она длиннее была. Через несколько дней Светина практика закончилась, и она уехала. Она потом позвонила и похвасталась, что торговля перекечевала в их область, и реклама с их физиономиями и ногами засветилась в Новогорске.

Вероятно, Геннадий Иванович тоже в больнице телевизор смотрел, но ничего не сказал. Только когда его домой забирала всей семьёй, Инна радостно завопила, увидев растяжку над Московским проспектом:

– Папа, смотри, это мама! Только она юбку подкрутила и волосики запачкала!

– Да уж, модель...

– Ладно, Ген, у меня тут такой едкий макияж, что дети родные не признали. Ну, захотелось похулиганить, так на душе хреново было из-за сокращения. Больше не буду, честное слово!

В больнице Геннадий Иванович провёл две недели, так что оставшийся срок детей в школу отвозила Альбина, а возвращались они с Екатериной Семёновной на рейсовом автобусе. А потом Альбина получила свою трудовую книжку и

решила сделать паузу. Они всей семьёй уехали на полмесяца в санаторий. В сентябре она возила детей в школу и согласилась с мужем, что увольнение кстати пришлось. Хотя и не было в первом классе домашних заданий, но нужно было обсудить, что в школе происходило, накормить, уложить отдохнуть.

К концу сентября подвернулось место в фирме покруче той, из которой её сократили, но работа временная, всего лишь на полгода. Гендир, видный мужчина лет под сорок, зашёл в кадры, когда она оформлялась, и её ему представили. Он как-то слишком внимательно уставился на неё, и спросил, не встречались ли они прежде? Альбина сказала, что зрительная память у неё прекрасная, и видит она его в первый раз. Но, стоило ему выйти за дверь, как её осенило: скорее всего, ему намозолила глаза её обувная реклама. И она с трудом сдержалась, чтобы не захохотать в голос.

Дело привычное, но, поскольку её сразу предупредили, что перспективы закрепиться не просматриваются, потому что заказами на строительство фирма загружена лишь до лета, а в дальнейшем возможны сокращения, рвение Альбины как-то поугасло. Работала она, как и всегда, добросовестно, но на этот раз без огонька. Вправду, что ли, профессию поменять? Позвонили вдруг с прежнего места, позвали вернуться. Она сразу просчитала, откуда ветер подул: там из четырёх сотрудников один был заведующим отделом, и чаще командовал, чем работал, второй – молодым специалистом и

чьим-то племянником, ещё одна женщина была вполне себе рабочая лошадка, да только часто брала больничные по уходу за ребёнком, а последним членом их команды была молодая девушка с длинными ногтями, и этим всё сказано. В общем, Альбина тянула добрую треть всей работы, и ясно, что теперь у них завал. Поэтому она лаконично отрезала, что уже трудоустроена. Когда рассказала о звонке Гене, он отреагировал правильно:

– Сейчас сказали, что работа постоянная, а разгребёшь завалы – и вот оно, новое сокращение. Там с самого начала не было справедливости. Ты у меня лошадка ломовая как была, так и осталась, и слишком много на себя берёшь. Надо искать лёгкую работу, пусть и малооплачиваемую.

На новом месте такой же мандраж у сотрудников по поводу возможного сокращения, только Альбина, обдумывающая смену деятельности, общему настроению не поддаётся. Часто возникают разговоры о вакансиях, появляющихся на фирме: то ввели должность помощника генерального, то расстались с сотрудницей отдела по связям с общественностью. Но это только разговоры, никто из них не сходил в кадры и не предложил свою кандидатуру. Ассистентом внезапно становится заместитель главного бухгалтера, а в PR-службе вакансия висит третий месяц. А эти только шипят, что такие «вкусные» места достаются только по блату или через постель. Поскольку сегодня эти речи звучат прямо над Альбиной головой, она на этот раз не выдерживает и говорит

вошедшей в раж соседке:

– А вы бы пошли и предложили свою кандидатуру.

– Ха! У меня в руководстве ни брата, ни свата, ни любовника!

– Ну, попробовать-то можно, за спрос денег не берут.

– Вот вы, Альбина Васильевна, сходите да попробуйте! Вы ведь первая на выход.

– Это не моё. Там функций слишком много, а я того не знаю, другому учиться поздно, третьего от природы не дано...

– И чего уж такого вам не дано?

– Ну, общительности, например. Я бы лучше в архив пошла работать.

– Да какая там общительность нужна в этот отделе, – раздражённо включается в разговор ещё один сосед по кабинету. – Эти две сучки крашенные, что там сидели, вечно нос кверху, и коллег своих в упор не видели!

– Да нормальные они девки, – гудит старуха-начальница. – Это в тебе обида говорит, Вадя, и мужская логика.

– При чём тут логика? – спрашивает кто-то из молодёжи.

– Есть старинный анекдот о мужской логике: «Она тебе не дала? И мне не дала. Вот б...!»

Мужики радостно хихикают и переключаются на анекдоты. И тут как по заказу в отдел влетает та, о которой говорили – единственная сотрудница отдела по связям с общественностью. За ней заходит оператор с камерой, следом де-

вушка с микрофоном, а замыкает группу сам генеральный.

– Ну, если хотите, можете здесь поснимать...

Мужики приосанились, женщины полезли в сумки за косметичками, Альбина спряталась за монитором. Оператор радостно окликнул её. Пришлось выглянуть и снять очки. Митя-рекламщик обуви. Корреспондентка тоже знакомая, живёт в Жаброво и девочка её ходит в первый класс, начинала подучиваться вместе с Инной и Ильёй. После десятисекундной съёмки телевизионщики уходят, но машут из-за двери Альбине, вызывая на разговор.

Они присели в холле под пальмой и немного поболтали. Женщину интересовало, куда она перевела своих детей, и очень сокрушалась, что не подумала о школе в Липках. Митя просто надеялся на комплемент по поводу рекламы, но Альбина насчёт криво поставленных ножек не преминула его подколоть. Парнишка обиженно поведал, что его выдвинули на премию местной журналистской организации в номинации «Реклама».

– Ну, если не считать роликов из центра, местная реклама – плотный текст с заунывным дикторским чтением за кадром, – согласилась Альбина. – Так что премия будет твоя. Не забудь только искупать в шампанском своих фотогеничных моделей.

Посмеялись и разбежались, обменявшись телефонами.

– Ну вот, а говорила, что не общительная, а у самой вон какие знакомства, – поддела её соседка.

– Знакомство шапочное. Просто племянница в их компании летом практику проходила.

– Вот и могла бы вместо этой сучки крашенной с ними договориться и съёмку провести. А зарплата там очень даже ничего!

– Со стороны чужой работы не видно. А ведь связь со СМИ не только в таких картинках заключается. Я работала в крупной корпорации, где такой отдел едва ли не из десятка сотрудников состоял. Их задача была не только мониторить прессу, но и упреждать, чтобы не проскочили негативные материалы, как, например, упоминание нас в «Губернской газете» на прошлой неделе в числе прочих проштрафившихся. Это аналитика, это составление текстов не только статей, но и выступлений руководителей. Думаю, отчасти для этого генеральному помощнику добавили. Сайт наш, опять же. У нас это просто несменяемые картинки с адресами и телефонами, а должна быть движуха, обратная связь: поиск, акции, предложения покупки, инвестирования.

– Критикуете? – в приоткрытую дверь кабинета заглянула сотрудница отдела по связям с общественностью.

– Наоборот, уговариваю, что не стоит на вакансию в вашем отделе претендовать.

– Правда-правда, – подтвердила начальница. – Говорит, что если в отделе меньше десяти сотрудников, то лучше ретейл стороннего PR-агентства, вдвоём всё равно не справиться.

– И всё-таки где-то я вас прежде видел, – зашёл следом гендир.

– Ох, да не мучайте вы свою память, – фыркнула Альбина. – Вы часто по Московскому проспекту ездите?

– Ежедневно.

– Ну и вот, с июня там на пересечении с Советской растяжка висела с рекламой обувной распродажи. А на Доме печати, кажется, до сих пор плакат не сняли. Ну, вспоминайте! Там я в парике и сильном гриме, но всё-таки узнаваемая.

Пиарщица показала ему изображение, найденное ею в телефоне.

– Теперь узнал! Ну, тем более, с таким опытом вам прямой путь в этот отдел. Подавайте на конкурс.

– Ох, нет, это не моё.

Правду сказать, появилась у неё тайная мечта работать на телевидении, поэтому драться за место в строительной организации не хотелось. А может ли женщина на пятом десятке заняться творчеством? Рисовать, сочинять, беседовать с умными людьми? Стать журналисткой! Может быть, весь её профессиональный путь в четверть века так же, как и семейная стезя до сорока одного года, был ошибкой? Кстати, её идея, высказанная Свете в шутку, была принята к воплощению. Уже вышло первое ток-шоу «Чужую беду рукой разведу», и Альбина предложила телевизионщикам, которые дали ей свои номера, тему для очередного эфира. Речь шла о семье отца-одиночки из Липок, который по скорой оказал-

ся с младшим ребёнком в больнице, а за старшими детьми попросил приглядеть соседей. Кто-то донёс в опеку, и детей пришли и забрали. Удалось сбежать только самому большому. И теперь бедняга с двумя детьми пытается вернуть средних двоих, а ему ставят всяческие препоны. Детей вернули прямо на передаче. Вся студия рыдала, утирали слёзы телезрители, а Альбина испытала гадливость. Всё произошло так, как она Свете тогда предсказывала: людям помогли, но очередной депутат пропиарился на этом несчастном семействе. Липкинские педагоги старшего мальчика у себя укрывали, учили и кормили до возвращения отца из больницы, мужики, родители одноклассников его детей, и Геннадий Иванович в их числе, этому отцу-одиночке за пару выходных ремонт в доме сделали своими силами и из своих материалов, и никто из них этим не хвалился, а какой-то жук просто воспользовался своим статусом и засветил морду на голубом экране. Одно дело о таком теоретически рассуждать, и совсем другое – участвовать в этой торговле. Нет, пожалуй, лучше остаться строителем!

Эта досада вылилась при столкновении с начальником. В коридоре на повороте на него случайно налетела. Пока он извинялся, у неё всплыл в памяти случайно услышанный разговор и вырвалось:

– Нет, это я в вас врезалась. Поэтому, чтобы загладить вину, поделюсь инсайдерской информацией.

И она сообщила ему о сюжете, который будет обсуждаться

в одной из программ «Чужой беды». Пояснила, что там эксперты прикормленные, но можно либо со звонком в прямой эфир засветиться с предложением помощи, либо чёрным пиаром конкурентов измазать, раскритиковав их мнение.

Тема прозвучала только через месяц, но за это время аварийный дом, о котором шла речь, их специалисты обследовали и решили, что он безнадёжен в смысле ремонта. И устроили чёрный пиар, утверждая, что дом для проживания непригоден. А подготовленные люди из конкурирующей фирмы обещали укрепить стену. Потом, когда эту обвалившуюся стену показывали по всем центральным новостным каналам, в репортаж включали фрагмент, где эксперты заверяли, что всё будет тип-топ, а жильцы ссылались на мнение их специалистов. Не иначе, пиарщики головного столичного офиса подсустились.

Когда в отделе обсуждали самую горячую новость города и восхищались предвидением руководства, Альбина отмалчивалась. Но вскоре в отдел пришла помощница генерального, и спросила, кто желает поучаствовать в конкурсе на вакансию. Нерешительно поднимают руки двое. Альбина, которая работает последнюю неделю, вздохнув, присоединяется к ним. Дама раздаёт им по флешке, говорит, что задание надо выполнить до окончания завтрашнего дня и удаляется.

Альбина смотрит в монитор. Таблицы, таблицы... за три года таблицы. Знакомые до зевоты формы, только не по отдельному объекту, а по всей строительной компании, и по

ним надо составить пятнадцатиминутное выступление на совете директоров. Никогда не была на совете и директоров видела далеко не всех, и понятия не имеет, чем они занимаются. Но, наверное, советуются насчёт прибыли. Так что есть смысл посмотреть, какой выхлоп от филиалов, от отдельных объектов, как это на зарплате отражается. Так, наверное, ещё таблицы потребуются. Эх, бухгалтерское дело она слегка изучила, но тут серьёзное экономическое образование нужно. Так, пятнадцать минут... это где-то две с половиной тысячи слов или пять страниц. Ну, и наваяла их за половину рабочего дня, а поскольку в тексте на таблицы ссылалась, пришлось ещё и презентацию сделать, скромную такую, на слайдах таблицы, но, чтобы совсем убого это не выглядело, несколько диаграмм добавила просто для красочности. Потом стала перечитывать текст и все критические замечания перенесла в сноски.

Двое конкурсантов задержались после шести на рабочем месте, а Альбина поехала домой. Правда, флешку взяла с собой. Только уложив детей, смогла сесть за компьютер. Мужу сразу рассказала, чем собралась заняться. Удивительно, но он сразу кивнул одобрительно: «Ты сможешь». Более того, предложил помощь. Подсказал сделать ещё одну таблицу показателей использования ресурсов, ухмыльнулся на ехидные сноски, а потом ещё выделил некоторые цифры и сказал, что, судя по этой таблице, в филиале воруют не по чину. Но, конечно, такое на совет не выносится: может быть, так надо.

– Как надо?

– Не как, а кому. Скорее всего, кому-то в филиале. Но вдруг руководству?

Утром она занесла флешку в приёмную и занялась своей последней сметой. Фактически она свои дела здесь уже завершила, на оставшиеся пару дней никто её новым объектом не загрузит. Скорее всего, с завтрашнего дня её подключат в помощь кому-нибудь из сотрудников отдела. Но утром её на входе останавливает секретарь директора и просит зайти в кадры и оформляться переводом в отдел по связям с общественностью.

Глава восьмая.

ПОТРЁПАННЫЕ ЖЕНИХИ, ПЕРЕЗРЕЛЫЕ НЕВЕСТЫ

Возбуждённые предстоящим путешествием, дети устроили им побудку в начале пятого. Сначала одна пробежала по коридору, потом другой. Попрепирались шёпотом на кухне, потом громыхнули ручкой двери родительской спальни. Наверное, заглянули, неаккуратно хлопнули дверью, закрывая. Зашептались за дверью. Гена ещё чуть-чуть полежал, потом нащупал ногами тапки и вышел, осторожно прикрыв дверь. Альбина пыталась заснуть, но поняла, что не получится. На кухне тихо разговаривали дети, иногда срываясь на выкрики, короткими увещательными репликами отвечал им отец, шумела вода в раковине, звякала посуда. Она зевнула и потянулась за халатом.

– Доброе утро, – оглянулся на стук двери муж. – Каша готова.

– Овсянка, сэр, – обнял присевшую рядом с ним маму Илюша.

– Это вы с папой сэры, – зевая, возразила Альбина. – А мы с Инной леди. А перед леди неприлично неглиже разгуливать. Шорты наденьте, юный сэр! К юной леди это тоже относится!

Минут через сорок выехали в сторону Липок. Проехали посёлок, пересекли железнодорожный переезд, потом минули какие-то склады, ещё рядок жилых домов – и вырвались на простор. По обе стороны шоссе поля до горизонта, только иногда пересекаемые оврагами и полосами лесопосадок. Альбина оглянулась на уснувших почти сразу детей:

– Ну вот, в кроватях им не спалось!

– Ладно, Аль, по утреннему холодку легче ехать. Да и движение свободнее. Сама тоже прикорни.

Она почти сразу провалилась в сон и очнулась только от слов мужа:

– Вот Ссёлки твои. До Пружинска минут пятнадцать. А вот батюшка местный мимо домов идёт, притормаживая, добавил он. – Подойдёшь?

Она подошла под благословение.

– Помните меня, отец Сергей?

– Альбина, я рад. Ох, какие у тебя дети... большие.

Явно он хотел сказать другое – «разные». Увы, они с возрастом становились всё контрастнее непохожими. Илья – весь в мать, очень высокий, худенький, но не хрупкий, широкоплечий, основательный. А Инна субтильная, ростом уступает сверстницам, но возмещает миниатюрность живостью и решительностью. Когда люди слышали, что они двойняшки, то делали большие глаза. Спасибо, что хоть группа крови у них совпала – вторая у обоих, иначе их участковый педиатр, женщина весьма говорливая, всем бы поведала, что в

них ничего общего нет.

Спросила о тех, с кем познакомилась здесь три года назад. Передала привет участковому и Серябкину. Оказалось, что и Герман по-прежнему жил в этой местности, в деревне Второе Рясово. И ему привет, и пусть он при случае передаст привет своим однополчанам Чифу и Доку.

Священник отозвал Геннадия в сторону и минут пять расспрашивал его о чём-то. Потом перекрестил и пошёл дальше по своим делам. Сев за руль, муж в ответ на её вопросительный взгляд вздохнул:

– Он очень просил беречь тебя. Сказал, что ты большая ценность.

– А ты?

– А я ответил, что знаю.

Они ехали сегодня на поминки. Три года по старухе Мафусаиловне. Вдруг позвонил Валерий и очень настойчиво стал просить приехать. Почему вдруг? Да потому что когда они поменяли место проживания, то поменяли и телефонные номера. У Альбины из прежних абонентов остались только крёстные её детей Маша с Сашей, Дима с Варей и Екатерина Семёновна. Она очень боялась звонков с незнакомых номеров, потому что недавно этих абонентов атаквали её старые знакомые. Первым пробился к ней Артур. Он сначала обратился к Диме, у которого побывал когда-то с юристами. Дима, зная его взаимоотношения с бывшей женой, даже передавать Альбине не стал, что первый муж её разыски-

вает. Смирнов оказался настойчивым и стал искать её через Катю. Катя, не зная о нынешних контактах подруг детства, обратилась к Маше как к землячке и работнице паспортного стола с просьбой разыскать подругу по важному делу. Маша отказалась действовать неофициально, послала её в розыск, заявив, что после окончания школы с Альбиной ни разу не встречалась. Но Альбине, конечно, о внезапном интересе подколодной подруги сообщила. Почти одновременно Вавилов заехал к Диме в Утятин и попросил передать Альбине, что её вновь разыскивает дама, изображение которой семь лет назад он уже пересылал ей. И тогда Дима ещё и о розысках Артура ей доложил. Альбина запаниковала. На первый звонок Валерия она не ответила, но позже Дима передал ей номер телефона и приглашение и попросил перезвонить. А муж неожиданно стал уговаривать её поехать, мол, чем жить в ожидании подлянки, лучше двигаться, и вообще, в Пружинске её никто искать не догадается. Ну, а детям будет интересно увидеть новый город, да ещё с Димой повидаваться, предложить ему Игорька с собой прихватить и хоть на недельку потом с ними отпустить.

Визит в город начался с посещения могил. Городское кладбище находилось почти в центре вокруг небольшого храма Рождества Богородицы. Прибравшись на родовом участке, они отправились к могиле Анисьи Памфиловны и застали там запомнившуюся Альбине со дня похорон ехидную старушку, ту, что предлагала залп над могилой произве-

сти. Она поливала цветы и протирала памятники, одновременно ругаясь с двумя молодыми ребятами, которые красили ограду:

– Вот, эти охламоны тоже нашей Веневитиновской породы, пусть хоть что-то для родни сделают. Я потом их ещё в Полинкином доме кое-чего поправить заставлю. А вы поезжайте, там Димка уже на месте.

А загнав во двор наследственного Веневитинского дома авто и заселившись в не отремонтированную лет пятьдесят, но тщательно отмытую комнату, они неожиданно включились в работу. Там Дима с Валерием терзали входную дверь, которая осела и цеплялась за пол, не желая полностью распаиваться.

– Дима, оставь нам грубую физическую работу, это не твоё, – сказал ему Геннадий Иванович. – У меня, кажется, инструменты с ремонта школы в багажнике ездят.

Альбина обнимает крестника и присоединяется к мужу. Они отламывают наличник, снимают дверь с петель и подпиливают её снизу, потом перебирают половицы крыльца. Гена спрашивает, есть ли ещё где-то проблемные половицы. Полина утверждает, что нет, а её младший трёхлетний сынок Витя тянет Гену за руку:

– Папа Гена, пойдём!

Этот шкет сразу проникся необыкновенной симпатией к двум здоровущим мужикам, Диме и Гене, и зовёт их папа Дима, как зовут его Илья и Инна, и папа Гена, как зовёт его

Игорь. К прочим мужикам из Веневитиновской родни, присутствующим здесь, он такого пристрастия не питает. Альбина глядит им вслед и ругает себя, что не угадала в Геннадии Ивановиче его умения ладить с детьми. А ведь могла создать с ним семью на два года раньше. Господи, плюс два года счастья для них, а возможно, сердце Генино так бы не подкачало, не будь он в эти годы одинок!

За домом, куда малой привёл их, оказалась открытая терраса с проломанным кое-где шифером над ней и проваленным полом. Век назад на таких террасах семьи сидели за самоваром.

Супруги Бережковы ностальгически вздохнули. Ехидная старушка, прилетевшая следом за ними, сказала:

– Вот я и хотела, чтобы охламоны шифер этот разобрали и что цело, над домом заменили бы. А то у Полинки над кухней и залом потолок протекает!

– Гена, даже не думай, – сказала Альбина и полезла на крышу.

Родичи ахали, глядя, как женщина среднего возраста наравне с двумя молодыми парнями разбирает навес над террасой и лихо подымает шиферные листы на крышу дома, а потом, оставив их заклеивать плёнкой трещины, стала в одиночку заменять стропила над террасой. Обрешётку они делали уже втроем.

– Ну, я в ауте от твоего мастерства, Альбиночка, – сказал ей Валерий. – Посидите там ещё чуток, сейчас вам плёнку

принесут, покроете ею обрешётку покуда, а на неделе профнастил тогда завезём.

– Папа Гена, – восторженно запрокинул голову Витя, глядя на лежащих на крыше охломонов. – Они герои, да? Им орден дадут?

– Что ты, Витенка, – прыснула ехидная старушка. – Они обыкновенные пьяницы. Им просто рюмку нальют. А вы, Геннадий Иванович, тогда пол ещё здесь поправьте, да мы сюда столы выставим. Как оно хорошо на свежем воздухе будет! И владельцев бывших здесь помянуть милое дело, самое это было любимое место дяди Пети.

Последний раз Альбина встречалась с наследниками Анисьи Памфиловны два с половиной года назад, когда официальное завещание оглашали. На год не явилась, хоть и звали, не до того было. И теперь, поглядывая украдкой на сидящих за столом, она сомневалась: не то память подводить стала, не то опять новые лица появились? Ну ладно, эти «охломоны», пришли они, конечно, чтобы выпить, но застолье честно отработали. Но вот очень приличный на вид мужик в годах, ни на похоронах, ни на последующих двух поминках его здесь не было. Ехидная старушка её взгляд перехватила и на весь стол объявила:

– Вот, Альбиночка, знакомься, это нашей Машеньки новый муж! Сожительство, греховодники, закон не приняли, а то, вишь, дети из-за наследства передерутся.

Сидящая рядом толстуха весело помахала ей рукой. Пом-

нится, две тучные тётки всегда сидели за столом вместе. Альбина повертела головой. На этот раз вторая сидела рядом с Валерием. Она тоже помахала ей рукой и сказала:

– Сразу скажу, чтобы не шептались! Мы с Валерой теперь вместе. Расписываться будем, но не сразу, надо проверить, может, не уживёмся!

Интеллигентного вида старичок, который провозглашал на сороковинах тост, чтобы все дожили до ближайших по очереди полугодовых поминок, за это время ещё больше выдох, но бодрости духа не растерял:

– Наш Валерочка к Веневитиновской породе душой прикипел. Первая жена была внучкой Анисье от троюродной племянницы, а вторая ещё ближе – от двоюродной. Эх, может, и мне жениться?

Старшая Полинина дочь, восьмилетняя Инесса, захлопала глазами:

– Дедуля, а разве можно таким старым жениться? Я думала, вы понарошку все...

Застолье хохочет.

– Ох, ведь соседи скажут, что у Веневитиновых на поминках наследники ржут как кони, – укоряет, как ни странно, один из охламонов.

– Да уж привыкли, поди, – отмахивается ехидная старушка. – Будем откровенны, тётю Нису всерьёз поминать – овса не напасёшься.

– Почему овса?

– Нам, лошадям, либо ржать, либо жевать!

Бабки, фыркая, объясняют несмышлёной, что жениться и выходить замуж можно в любом возрасте, но только после восемнадцати.

– А фата и белое платье?! – с ужасом уточняет она. – Баба Таня, ты в них будешь жениться?

– Нет, перезрелые невесты замуж выходят в цветном, – отвечает ей Валерий и получает от невесты подзатыльник, а ребёнку пояснение:

– Если пожилая невеста любит выпить, то надевает синее платье, а если любит мужней кровушки попить, то красное. Я лично приготовила красное платье. А вот потрёпанные женихи женятся в чёрном костюме, символизирующем их дальнейшую жизнь, в нём потом их в ящик укладывают.

Смешки вспыхивают то в одном конце стола, то в другом. Поминающие не желают настраиваться на серьёзный лад, а эта парочка, чувствуется, собирается хохмить до конца дней своих. Веселье прерывает сухонькая пожилая женщина, не выглядящая очень уж старой:

– Мне бы ваши проблемы! Моя-то невеста даже ещё и не дозрела, и фата ей к лицу, а я уже до инфаркта дозрела!

– Ой, да никак фотомодель Светка замуж собралась, – ахает родня. – Ну, рассказывай, что не так с женихом!

Бабушка Светы нехотя отказывается от плохого в адрес внучкиного жениха, но родню хулит. Внучка-то, дурища этакая, со слов жениха решила, что родители его, рядовые ра-

ботники Утятинского комбината, люди хорошие, и при знакомстве откровенно сказала, что у родителей другие семьи, а она выросла с бабушкой. И они ей поставили условия: значит, свадьбу будут они играть, и гости будут только с их стороны, а со Светкиной только одна подружка-свидетельница. И то после длительного спора согласились, а сначала хотели двоюродную сестру жениха свидетельницей выставить. А бабушка Светина? А бабка старая, пусть дома сидит!

Валерий тихонько так спрашивает:

– Света, и ты, такая у нас всегда грубая как крапивный мешок, согласилась на этокое позорище?

– И в рожи им не плюнула? – гневно подхватила ехидная старушка.

– Она растерялась, – оправдывает её бабушка.

Короче, Света отмолчалась в гостях, но дома пришла в себя и сказала жениху, что от него не отказывается, но замуж выходить на таких условиях не будет. Давай, мол, жить как жили. А живут они, надо сказать, в Уремовске, после университета жениха взяли в городскую газету, а Свете посчастливилось устроиться в телерадиокомпанию. Квартиру снимают. Ну, и жили бы по-прежнему, только жених теперь в позу встал, ты, мол, к моим родителям неуважение проявила. А они уже и на наряды потратились, и все ритуалы распланировали. Там у них и выкуп постели, и горшки наутро бить.

– Ох... хренеть я имел в виду, – отбивается от сидящей рядом старухи один из охламонов. – По какому поводу горш-

ки бить, если они уже вместе живут? Может, ещё простыню вывешивать будут?

– Отставить, – командует неожиданно интеллигентный старичок. – Моё предложение такое: если они у тебя ревнители обычаев, так пусть начинают со сватовства. Пусть приезжают как положено: у вас товар, у нас купец и далее по тексту.

– В нашу избёнку звать? – злится Света.

После секундной паузы в разговор вступает толстуха Таня:

– В наше родовое гнездо! Поля, потерпишь нас ещё раз?

– С радостью, – отзывается она. – Полы покрашу, детей кто-нибудь из родных покараулит...

– А ни фига, – вступает толстуха Маша. – Чего это, Светка у нас безродная, что ль? Встретим всем кагалом, и с детьми, и со старухами. Мы Веневитиновы, а вы кто такие? Как их фамилия, Свет?

– Кузнецовы.

– Вторая по распространённости в России после Ивановых. А если взять в мире, то фамилия, производная от слова «кузнец» на первом месте. А наши предки дворянами были, под Уремовском усадьбой владели. А не жирно ли будет нашу кровиночку, белую кость, голубую кровь, за плебея отдать?

– Посажённые родители ещё нужны. Дядю Валеру с тётей Таней выдвигаю, – вступает охламон. – Тоже обычай!

– Мы, конечно, в любой сваре победим, – соглашается Таня. – Я своё красное подвенечное платье не пожалею в пляске с новыми сватами на британский флаг порвать. Но, думаю, что посажённые должны быть такой видной парой, чтобы никто из Кузнецовых не решился даже дохнуть в сторону невесты!

И взгляды всех устремились на супругов Бережковых.

Альбина закашлялась от неожиданности и сказала, что по ряду уважительных причин в Утятине появиться не может. Согласна поучаствовать ремонтом, деньгами, но туда – ни ногой! Застолье загудело. Но тут слово взял Валерий и заявил, что о свадьбе говорить рано, можно ведь и назло сватам настоять на Пружинске. Так что он надеется, что супруги Бережковы не откажутся принять участие в сватовстве. Альбина поглядела на мужа, он ухмылялся. Похоже, ему нравился этот запущенный дом, в котором было к чему руки приложить, в отличие от их дома, который он доводил до ума уже третий год, и вся эта развесёлая компания. И она обещала вернуться в следующие выходные.

Пока за столом обсуждали матримониальные дела, над Пружинском небо нахмурилось, а потом стало и погромыхивать. Ехидная старушка, которая сегодня взяла на себя роль главы застолья, сказала:

– Давайте-ка расходиться, МЧС страшную непогоду обещало. Так что на посошок – и по домам!

Дима повёз дальних гостей, а поскольку он Альбину по-

просил Игоря вечером уложить, она поняла, что до утра этот кот не появится. Они с Полиной не успели и половины посуды перемыть, как ветер усилился и начался ливень с близкими грозовыми разрядами. Почти сразу отключили электричество. Поля дёрнулась, что дети испугаются, но Альбина остановила её: с ними Геннадий Иванович, и он их отвлечёт. Полина всё-таки проверила, как они, и вернулась успокоенная, сказав, что они сдвинули две кровати и прикорнули все вместе, Бережков шестерым детям сказку читает с телефона, Витя уже почти заснул.

Наутро после завтрака в дом заявился Валерий и попросил оценить старинную мебель дяди Пети, которую Поля собралась продавать. Очень один жук из Новогорска упорно бюро сторговывает, но даёт не так уж много. Геннадий Иванович сказал, что с удовольствием поглядит, делом этим он интересовался, но оценить может работу, материал, к какому времени работа относится, но что касается цены – тут он пас. В зал оценивать мебель зашли не только взрослые, но и все шестеро детей. Гена поглядел на них, поглядел в окно и сказал:

– А вон папа Дима свой боевой джип чинит...

– Ура! – первым сориентировался Витя. – Я буду помогать!

Вся орава понеслась во двор. Мужчины отодвинули бюро от стены.

– Ну что ж, – сказал Геннадий Иванович. – Начало два-

дцатого века, с инкрустацией, хорошая сохранность. Обычно в таких бюро потайные ящички бывают, но секрет в том, что добраться до них можно, только если ящички в определённой последовательности вынимать.

И начал выдвигать их сначала сверху вниз, потом снизу-вверх, потом через один. Стоящие рядом даже не уловили, в какой момент один из ящичков развалился, и нижняя его часть выпала. К сожалению, обнаружили в потайном поддоне только несколько пожелтевших писчих листков и чернильница-непроливайка пятидесятих годов.

– Жаль, что не бриллианты, – усмехнулась Поля.

– Ох, Поляночка, возни-то с ними, – махнул рукой Валерий. – Всё, что бы тут нашлось, по закону твоё, потому что дом со всем добром тебе завещан. Но зависти! Так что продавать тайком бы пришлось, а значит, в цене можно промахнуться.

Он вышел, а Геннадий Иванович сдвинул к переносице очки и стал ощупывать заднюю стенку бюро. Потом попросил вязальную спицу и указал на маленькую дырочку, словно древоточцем проеденную. Вставил спицу в отверстие, что-то звякнуло, и часть доски выдвинулась. В ящичке лежали какие-то бумаги.

– Аль, Валерия позови, – сказал муж, и Полине с вернувшимся Валерием велел. – Смотрите вдвоём, вдруг всё-таки бриллианты!

Ну, бриллианты – не бриллианты, но несколько побряку-

шек под бумагами оказалось. Валерий наскоро всё осмотрел и сказал, что колечки дешёвенькие, бумаги стоят дороже колечек, а если продавать бумаги с колечками, то цена возрастёт на порядок. Дело в том, что всё лежащее в этом тайнике относится ко времени русско-турецкой войны, когда корнет Петенька Веневитинов после мирного конгресса 1878 года неожиданно остался в Бессарабии, уйдя в отставку и женившись на тамошней красотке, не то кочевой цыганке, не то дочери корчмаря. Дальнейшая его судьба неизвестна. Он вернул кольца, которые были заказаны родителями на помолвку его с соседкой по имени Надей Вельяминовой. Надя своё кольцо как оберег вручила ему, когда он уезжал на Балканы. Мол, вернётся он, вернёт ей кольцо, и будут они счастливы. Он не погиб, но не вернулся, а переслал ей кольца, винясь, что любовь прошла. А потом Надя вернула родителям Пети кольца, когда к ней другой Веневитинов посватался, двоюродный дядя Пети и тоже Пётр.

Два кольца и булавка, неизвестно как к этой истории относящаяся, письмо с отставкой невесте и письмо бывшей невесты родителям Пети, а также протокол 1932 года об изъятии драгоценностей при обыске квартиры некого гр. Смирнова – вот содержание тайника. Список изъятых у Смирнова был внушительным, но вот где остальное?

– Нехороший душок у Веневитинскогоклада, – решительно сказала Полина. – Мне кажется, от всего этого опасностью веет. А у меня дети.

– И что делать? Выкинуть?

– Нет, это история, уничтожать её грех. Лучше наоборот, объявить во всеуслышание.

– Уверена? – спросил Валерий.

– Да! Лучше отдать всё это бесплатно, но остаться в живых! Я ради денег детьми рисковать не собираюсь.

– Тогда позовём всех, кто прийти может.

Не уточняя, Валерий разослал СМС нескольким родичам, и почти все пришли. Когда он тайники продемонстрировал и сокровища показал, интеллигентный старичок спросил:

– Валера, к чему эти театральные постановки? Дом со скарбом завещан Полине.

– Я предлагал продать по-тихому. Но она боится, что решат ещё что-нибудь добыть и убьют.

– Слушай, мои родители всегда говорили, что наше дворянское происхождение – полная ерунда. Неужели в нас есть капля голубой крови?

– Да нет, конечно. Этот и соседний дом строили братья Памфил и Фрол. Так себе дворянские имена. Были они крепостными, а после освобождения взяли хозяйскую фамилию. Отец деда Пети, чекист Ветошников, горячим сердцем обладал, холодную голову имел, но на руки был нечист, судя по тому, что часть изъятого во время ареста оказалось в тайнике его сына. А сынок, возвращённый папашей, воспылал страстью ко всему дворянскому. Поэтому, женившись перед войной на красавице Нисе, взял её фамилию. Она была един-

ственной дочерью Памфила, а у Фрола было шесть сыновей и дочерей. Когда Фрола раскулачили, родители Анисьи уплотнились и приняли в своём доме пять семей племянников. Поэтому она посчитала для себя вправе сесть на шею их потомкам в старости. В общем, ребята, делаем рекламу найденному и объявляем аукцион.

Вот и всё. Света организовала съёмку находок, сотрудник с металлоискателем под камерой обошёл дом, но нашёл только горсть советских монет. Сотрудник областного краеведческого музея дрожащими руками принял блестяшки и документы на хранение и попросил хозяйку подарить их музею, на что один из охломонов заявил, что российская культура, конечно, бедная, но не беднее многолетней матери-одиночки. Впоследствии какой-то банк выкупил эти экспонаты и передал музею. И мебель антикварную удалось продать прямо через пару дней после телевизионной передачи, причём значительно дороже содержимого тайников.

Решено было приехать на сватовство заранее, и выехали Бережковы вечером в пятницу. В дороге поэтому трое юных пассажиров не дремали, а тарасились по сторонам, болтали и играли. Альбина сползла по сиденью ниже, прислонившись щекой к плечу мужа:

– Ничего, что я так посижу?

– Нормально. Рассказывай, что там у тебя с праздником, что ты вернулась вчера домой злая, грязная и пьяная!

– Не преувеличивай, не злая, а усталая, не грязная, а слег-

ка забрызганная, не пьяная, а немного выпивши. Да у меня нервы железные, если я вчерашний день пережила! Господи, мне через год полтинник, а я такой ерундой занимаюсь!

Альбина в отделе одна осталась, а тут подкрался ежегодный праздник молодого специалиста, и ей пришлось его организовывать. Традиционно коллектив заезжал в пригородный дом отдыха, участвовал в спортивных соревнованиях, выпивал, закусывал и спаривался по кустам и номерам. И традиционно в соревнованиях выигрывают ребята со стройки, потому что здоровые, не то что офисные задохлики. А на этот раз начальник её озадачил, чтобы соревнование было разнообразным, и включало в себя не только спортивные, но и интеллектуальные конкурсы. И подключались ещё две команды: экспериментального фармацевтического производства «Фармэнс», которому они цех строят, и «Энскар-хпроекта», с которым налаживалось сотрудничество. И всё это за две недели следовало организовать! Тут ей подсказали, что ныне модны игры, именуемые квест. Получив благословение на расходы, обратилась в фирму, занимающуюся организацией сюжетных игр. Игры ей в целом понравились, а вот сюжетную канву пришлось набрасывать самой, чтобы к строительной профессии это притянуть: проектирование воздушного замка, прорыв труб с живой и мёртвой водой, расчёт грузоподъёмности ковра-самолёта, остекление оконных проёмов избушки на курьих ножках, покраска бороды Черномора и прочие глупости. Сама ржала, когда перечиты-

вала. А фирмачи, все молодые ребята, были в таком восторге, что предложили ей место сценариста, и даже оклад положили больше, чем она сейчас имела. Конечно, это не для неё, но признание приятно.

Вчера на празднике игра вызвала восторг. Но строители и на этот раз всех обошли, потому что и с интеллектом у них всё нормально, и силы достаточно. К примеру, когда нужно было сообразить, на какой из вышек спрятан ключ, а потом до него добраться, они, в отличие от остальных, ничего обсчитывать не стали, а просто построили акробатическую пирамиду и увидели. Да ещё нагло помогали команде «Фармэнса», которая состояла, в основном, из девушек. В результате офисные и архитекторы плелись в хвосте. И тут последний конкурс, в котором участвовали по одному представителю команды в паре с наставником.

– Представляешь, от офисных пухленький вечно обиженный сметчик Вадя, а наставницей у него заведующая отделом, бабка в возрасте за шестьдесят и с сильной хромотой. А конкурс, между прочим, называется «Да ну её в болото!» и предполагает кросс по бездорожью. В общем, мне жюри велело её заменить!

– Подожди, ты же была в босоножках на каблуке.

– Да, а ещё в платье, которое мне Людмила из Лондона привезла. Плевать на босоножки, а по платью я кровавой слезой умывалась! В общем, парни быстренько открыли бытовку уборщицы и снабдили меня синим халатом размером в

чехол для танка. А обуви нет! И говорит Альбина страшным голосом: «Эй, члены жюри, разувайтесь, мой размер тридцать девятый!» Лучше всего подошли туфли гендира. В них я прибежала в своей возрастной группе первой, опередив даже прораба Волова из команды «Конкретные строители». Туфли в хлам, но ты бы видел, как босой гендир приплясывал на столе, провожая в последний путь свои штиблеты и подбадривая забег! А теперь вопрос знатокам: сколько стоят туфли, если они как у друга твоего, что в Новогорск к нам приезжал?

– Да ерунда: твоя зарплата, моя пенсия плюс стоимость двух наших автомобилей.

– Так что не осуждай, если я потом остограммилась. Как подумаешь, какой я стала за эти годы! Я меняла работу и всегда выполняла её с отдачей, но никогда ещё на испытывала от неё такого щенячьего восторга. Я меняла всё: города, дома, близких, я начинала жизнь с чистого листа, но больше не могу! У меня всё прекрасно: интересная работа, безупречный дом, золотой муж, детки растут. А если снова с чистого листа?

Её затрясло. Геннадий Иванович прижал автомобиль к обочине и сказал:

– Ребята, кто первый найдёт место для отдыха? Хочу поваляться на травке. Покрывало из сумки прихватите.

Они сидели, обнявшись. Он гладил её по спине и говорил:

– Ты не одна. Мы вместе. Мы справимся.

– Прости, это минутная слабость. Я с ней справлюсь. На мгновение почувствовала себя принцессой, а не лошадью. Ты бы видел, как вчера все восхищались мною! Но я ни на минуту не забываю, что главное для меня. И город, и работу, и дом оставлю, но семью сохраню. Ты только будь со мной.

И тут на Альбинином телефоне вызов. Она посмотрела на экран и заколебалась.

– Кто? – спросил муж.

– Врач из роддома.

– Вроде, не наша тема, – попытался он сострить. – Ответь, Аля, всё равно думать будешь.

Но вести оказались обнадеживающими. Приходила скандалить с врачихой Иннина предполагаемая бабушка по отцу. Скандалила она по поводу того, что оказалась не бабушкой. Добыла каким-то путём генетический материал, и родство не подтвердилось. Чего скандалила? Характер такой. Врачиха ответила ей на порушенные надежды, что при родах она присутствовала, а при зачатии – нет, так что за генетику ответственности не несёт. А Альбине Васильевне она объявляет отбой воздушной тревоге, можно выдохнуть и жить дальше спокойно. Мадам теперь уезжает в Подмосковье, и можно её забыть как страшный сон.

Обсудить новость не удалось, вернулись дети, позвали на поляну. Только поздно вечером, выгружаясь из машины в Полинином дворе, Гена сказал:

– У дочери мы ничего спрашивать не будем, это даже не

обсуждается.

– Согласна. Господи, неужели всё кончится?

– Ну, так-то ещё как минимум одна бабушка имеется...

– Не накаркай!

Назавтра приехал Дима и прояснил ситуацию. Он уезжал отсюда двумя днями позже, поэтому застал и телевидение, и посыпавшиеся после первого эфира звонки покупателей старинной мебели. А некоторые сразу приезжали лично, и среди них была одна дама из Ефимовска. Дима её бы и не узнал, но уж больно злым взглядом она его обожгла. Пришлось подключить Валеру...

– Ты ему рассказал?!

– Аль, Валера – могила!

Валерий, увидев их разборки, подошёл и сказал:

– Альбиночка, вам реально нужна была помощь. Я отлично понимаю, как ревнива ваша Инночка. Вон, погляди, Витя за твоего мужа уцепился, Илья реагирует спокойно, а она, хоть и не отпихивает малыша, но оттереть старается. Если, не дай бог, она эту историю узнает... а особенно когда в подростковый возраст войдёт... как она себя поведёт? Так что Дима поделился со мной, но во мне эта тайна умрёт. Я как услышал про Игорька, у которого мазок вместо Ильи взяли, так меня и осенило! Мы этой дуре Полинкину Инессу подсунули. Сначала Димка мимо этой змеюки несколько раз прошёл, да всё «Инночка, Инночка!» А потом я повел девочку в магазин строительных товаров, попросил её тележку по-

караулить, пока я фасадную краску покупаю. Я видел, что она следом за нами шла и предупредил: ни на какие вопросы не отвечать, кроме как зовут и фамилия. Выхожу с банками краски, а ребёнок шоколадку жует!

– Точно она у неё мазок брала?

– Хуже! Она у неё несколько волосинок выдрала. В обмен на шоколадку.

Насчёт продажи один блогер взялся провести виртуальный аукцион. Цены взлетели немыслимо. Бюро купил всё тот же банк, который позже содержимое ящика перекупил, гардероб конца девятнадцатого века с боя взяла несостоявшаяся бабушка, буфет того же периода приобрёл житель Москвы. Плохой сохранности рояль «Беккер» пришлось с продажи снять, потому что дети расплакались, Инесса решила пианисткой стать. Мать уступила. Охламоны обещали помочь с ремонтом инструмента.

На выразительную мимику Альбины мужики пояснили ей, что охламоны областной колледж искусств закончили, один по классу фортепиано, другой – баяна. Работают в детской музыкальной школе, так что настройщика найдут. У неё вырвалось:

– А я думала, они обычные пьяницы...

– Увы, музыкант и пьяница – это почти синонимы.

Гости собирались к дому постепенно. Приходили особенно нарядные, Машин новый муж даже с тяжёлой тростью с головой льва на рукоятке и скрытым клинком. Мужики его

сразу обступили, а ехидная старушка, проходя мимо, участливо спросила:

– Что, нога болит?

– Да нет, чисто для выпендрёжа, – любезно ответил новый родственник.

– Нормальный ход, – одобрительно кивнула она.

Только Геннадий Иванович с мальчиками продолжал доделывать качели. Альбина поглядела на часы и сказала:

– Ну всё, Гена, сейчас сваты подъедут, все уже при параде, только вы в машинном масле. Витю, наверное, вообще придётся в керосине вымачивать. В душ и костюм надевать!

– И шляпу?

Это он таким образом мягко дал понять, что негоже при людях супругом командовать. Но у них эти ритуалы за три года отработаны:

– Нет, зачем? Или ты сразу решил их к пруду проводить и утопить? Я думала, поговорим сначала.

– Как скажешь, дорогая! Девчонки, принимайте работу! Мальчишки, пошли отмываться!

Альбина с мужем вышли на переднее крыльцо, которое сами только неделю как отремонтировали, и стали медленно спускаться по ступенькам. Было решено всей компанией сватов не встречать, не заслужили. Но и пугать сразу не стали, поэтому самых ехидных отправили до поры отсиживаться в доме. У калитки стояли Маша с новым мужем и Света с бабушкой. А у ворот – один из охламонов, которого вовсе

не собирались выдвигать в первые ряды, а он взял и сам выдвинулся, сначала вызвавшись помочь Полине качать детей на новых качелях, а потом нагло переместившись в группу встречающих. Впрочем, его помощь пригодилась, чтобы открыть ворота для въезда машины гостей.

Пока они расшаркивались, знакомясь, Альбина обернулась и окинула хозяйским взглядом дом. Родственники постарались, преобразив его снаружи. Стены покрашены фасадной краской в два цвета, белый и жёлтый, рамы блестят от белой эмали, деревянный фронто́н, крыльцо и деревянные детали навеса над ним окрашены охрой. Задняя открытая терраса выкрашена так же. И качели блестят, и девчонки на них с пышными бантами и в ярких платьицах. Витя к ним присоединился в белой рубашечке и с бабочкой на шее. Прямо тебе дворянское гнездо!

Будущая Светина свекровь недовольно кривится. Подпускает шпильку насчёт приёма в чужом доме. Тут в разговор вступает Машин новый муж, опередив Геннадия Ивановича, уже готового поставить гостью на место. Он плавным жестом обводит окрестности, обращая внимание гостей на то, что дом находится на самом высоком месте города, что улица Советская, в прошлом Дворянская – самое престижное для жительства место, а дом этот – колыбель рода Веневитиновых. Ну да, бабушка Светы владеет небольшим домом, вы его можете отсюда видеть. Тут он указывает своей тростью на две улицы за рекой. Кстати, мы с Машенькой на этой же

улице живём, вот, видите, у моста? Да, он у меня под красной черепицей, не перепутаете, остальные соседи почему-то предпочли синюю.

Да, домина огромный, небедный у Маши муж. А уж понтырщик! Разворачивается к Полиному дому и продолжает про родовое гнездо, кровные связи и заботу о молодом поколении. Сокрушается, что в роду, который славился воинами, никто не стремится стать офицером. Уходит в древность, напоминая, что их семья не из тех Веневитиновых, которые воронежские, они потомки Гордея Веневитинова, что с Нижегородчины, и всегда служили Отечеству с оружием в руках.

Тут в разговор вступает Геннадий Иванович. Он представляет свою супругу, представляется сам, а потом, подав руку Светиной бабушке, сухо поясняет, что ближайшие родственники Светы, а именно её родители, обременённые детьми от новых браков, не могли уделить достаточного внимания взрослой дочери на момент такого серьёзного шага и перепоручили заботу о благополучии ребёнка родственникам. Он с супругой в данный момент не просто дядя и тётка, но посажённые родители на момент сватовства, а если дело дойдёт до свадьбы – то и на свадьбе тоже. Маша закатывает глаза и показывает Альбине большой палец, с трудом сдерживая смех. Причина её веселья понятна: рядом с довольно среднего роста надутыми утятинскими сватами Большой Босс, каким Геннадий Иванович был и остаётся, да ещё с подтянутой

модельного роста женой смотрится подавляюще.

– Как это «если дойдёт до свадьбы»? – вскипает мать жениха. – По-моему, мы всё обсудили!

– С кем? – через паузу сухо уточняет Геннадий Иванович.

– Со Светой!

– Света, – не поворачиваясь к ней, всё так же сухо обращается он.

Альбине даже жалко её становится. Да что же творится? Эти Кузнецовы ей слова не дали, теперь они будут давить? Вроде бы, договаривались сватов заморозить, а отдуваться опять бедной невесте!

Бедная невеста некоторое время колеблется, но понимает, что решать только ей, и выдаёт:

– Не нужна мне эта свадьба!

Секундная пауза, а затем поднимается гвалт. Говорят все одновременно, поэтому не слышно никого. Альбина терпеливо держится за локоть мужа, потом переходит к бабушке невесты, стрекочущей что-то в гневе, и обнимает её за плечи:

– По-моему, уже весь Пружинск в курсе, что сватовство у Веневитиновых не задалось.

Бабушка сначала вырывается из её объятий, потом до неё доходит, что в их квартале столпилось довольно много зевак, и призывает всех к тишине. Первым её услышал охламон, он быстро сориентировался и скомандовал:

– Веневитиновы, в родовое гнездо, живо! Кузнецовы, что решаете? В дом договариваться или домой восвояси?

Всё-таки пошли договариваться. А там в зале человек двадцать. Спасибо ещё, детей Геннадий Иванович во двор увёл. Дима за ним следом, попросил вернуться, сказал «не мне же в этом цирке участвовать, я противник брака». Дети расстелили в тени покрывала и улеглись на них, а Дима стал читать им «Волшебника Изумрудного города». Бережковы вернулись в дом и остались стоять в дверном проёме.

Сначала шумели, говоря одновременно так же, как и в меньшем составе. Потом постепенно выделили по одному спикеру с каждой стороны. Со стороны Веневитиновых это был Валерий, который со своей обычной улыбочкой высказал их общее мнение: чего вам без росписи не живётся? Аргументация такая: живёте вместе? Живите! Света не беременна? Прекрасно, с вашими зарплатами ребёнок не по карману. К родителям переселиться с ребёнком? А смысл для Светы в чём? Лишиться профессии, оказаться во вражеском окружении – ах, во имя любви? И надолго той любви хватит, если каждый раз, возвращаясь с работы, молодой человек будет слышать от матери, какая его жена плохая? Не будет слышать или не будет слушать? Ни в то, ни в другое не верю!

Геннадий Иванович наклонился к жене и на ухо ей сказал: – Я второй раз тут, а уже привязался к ним. Вовсе не идеальные между ними родственные чувства, они друг друга и в глаза облают, а уж за глаза все косточки обглодают! Но почему-то я уже себя в чём-то Веневитиновым считаю! Тем более, что они с нами генами через Иннесу поделились. Откуда

в людях сочувствие берётся? Как бы его в детях воспитать?

Альбина понимает, что он вспомнил о дочерях. Что тут сказать?

– Не идеализируй, я с ними через Славку породнилась, а он не просто дрянь, он преступник. Разные Веневитиновы, как и прочие фамилии, а те, что собрались, равнодушны к родне, и в этом их сила, – прижавшись к его плечу, ответила она. – А ещё не жадные. Заметь, все с доходами ниже среднего, за исключением нашего Димы, Валерия и Говночерпия.

– Кого-кого? – засмеялся Геннадий Иванович.

– Охламоны проговорились, что они нового родственника так дразнят. У него парк машин по откачке из выгребных ям. Монополист в районе по дерьму.

– О, золотое дно!

Всё-таки сваты разругались окончательно, и Кузнецовы уехали. Все как будто вдруг опомнились и стали у Светы и её бабушки прощения просить за порушенные планы. Только Света спокойно отмахнулась:

– Затмение на меня нашло, что я замуж решила пойти! Вроде, не перестарок, жених не олигарх, сама не дура. Наверное, моча в голову ударила вместе с горшком!

– Нет, Света, столько мочи в твою голову могло ударить только из цистерны нового родственника, – подколола её бабушка. – Ладно, родня, мы же выпить собрались. Готово там?

– Минут пятнадцать ещё картошке вариться. Давайте сфотографируемся все вместе на новой террасе, а потом на-

кроем там, – предложила Полина.

Выставили рядком стулья перед ступеньками, усадили старух, второй ряд за ними встал, третий на верхней ступеньке сел, Полину и Свету на перила усадили.

– А Валера где?

– Я не из ваших, я фотографировать буду!

– Какой не из наших, ты наш патриарх! Сейчас сосед придёт, он нас снимет. А ты давай на травку перед старухами!

В последний момент жених прибежал. Из родительской машины выпрыгнул и на такси подъехал к калитке, на перила рядом со Светой уселся, обнял её. Да пусть живут, может, семья получится!

У детей Бережковых это любимая фотография. Инна её в своей комнате повесила. Подружкам объясняет:

– Это все наши родственники. Мои папа и мама тут посажённые, потому что их посадили на главные места. Они у нас везде самые главные!

Подростком она постер заказала, а к нему – багетную раму. Кто интересовался изображением, отвечала: «Родня на фоне родового гнезда». Если родители слышали, то хмыкали иронично. И тогда она стала отвечать совсем коротко: «Корни!»